ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

IV

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии Госиздата. Москва, Пятницкая, 71. Гиз 22233. Главлит 97844. Тир. 2500.
Зак. № 3468.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧЕТЫРЕ РЕЦЕНЗИИ НА «КАПИТАЛ» МАРКСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом номере «Летописей марксизма» Д. Рязанов писал об усилиях, которые прилагали Маркс и Энгельс, чтобы обеспечить успех первому тому «Капитала», — произведению, в революционном значении которого они были не менее убеждены, чем в отпоре, который оно встретит со стороны буржуазной публицистики и буржуазной науки.

Чтобы содействовать успеху книги, Энгельс написал целый ряд рецензий, которые он и Маркс старались устроить в печать через своих друзей и их знакомых. В первом номере «Летописей марксизма» напечатана подобного рода рецензия, написанная для видного радикального журнала «Fortnightly Review». Но рецензия, написанная на английском языке, не была принята журналом и осталась ненапечатанной. Теперь мы публикуем четыре рецензии Энгельса, написанные на немецком языке, извлеченные нами из материалов, собранных Д. Рязановым и хранящихся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса; три из них были в свое время напечатаны и тем самым выполнили свою миссию: содействовать успеху «Капитала». С тех пор они не перепечатывались. Содержание их не нуждается в пояснениях. Поскольку они дают резюме основных положений «Капитала», они отличаются четкостью и сжатостью изложения, но по существу не дают ничего нового. Изредка пользуясь молчаливыми оговорками и скрытой иронией, они в общем движутся под знаком captatio benevolentiae буржуазной публики. Кроме практического воздействия, их интерес, главным образом, определяется меткими критическими замечаниями о низком уровне германской политической экономии и социально-политического развития Германии. Внимательный читатель легко проследит эти моменты; обращает на себя также внимание низкая оценка Лассаля и выступление против всякого рода утопизма.

Не останавливаясь подробнее на содержании этих четырех рецензий, мы предпочитаем сообщить некоторые данные о происхождении их и о том приеме, который встретило в Германии первое издание «Капитала». В качестве главного источника нам служит переписка между Марксом и Энгельсом, а также переписка Маркса и Энгельса с Кугельманом, «фанатическим приверженцем их доктрин и их самих» (Маркс — Энгельсу 24 апреля 1867 г.), с К. Зибелем и с Отто Мейснером, издателем «Капитала».

Еще до появления книги Энгельс, — хотя он и был убежден в том, что книга своим появлением произведет большой эффект, — все же принял твердое решение «помочь стать на ноги энтузиазму ученого буржуа и чиновника, не пренебрегая для этого некоторыми маленькими маневрами». Он осыпает Маркса целым градом аргументов, стремясь перетянуть его на свою точку зрения. Маленькие маневры необходимы «ввиду литературной братии», «глубокой ненависти» которой к Марксу имеются явные доказательства. Кроме того, «толстые ученые книги

без подобного рода поддержки действуют слишком медленно», при поддержке же, как показывает пример лассалевского «Гераклита», действуют даже «зажигательно»; дело идет о «финансовых результатах»; в случае успеха, Мейснер охотно издаст «собрание статей» Маркса; в расчете на их ожидаемый успех «можно будет немного укрепиться» (письмо к Марксу 27 апреля 1867 г.).

Но Маркса вовсе не надо было убеждать. В это же самое время из Ганновера, где он правил корректуру, он посылал письма «во все концы»; это же делал и Кугельман, с помощью которого Марксу удалось поместить заметки о предстоящем выходе книги «в большинстве немецких газет» (Маркс — Энгельсу 7 мая).

Тотчас после выхода книги Кугельман просит у Маркса «руководящих точек зрения для подходящей статьи для буржуазных душ», которую некий Варнебольд [1]) берется устроить в некоторые политические газеты. Энгельс также развивает усиленную деятельность. 11 сентября — спустя лишь несколько дней после окончания подготовки книги к печати — он нетерпеливо жалуется, что нет еще никаких извещений о выходе книги и предлагает «разобрать вопрос с буржуазной точки зрения, чтобы двинуть дело» (Энгельс — Марксу 11 сентября).

Маркс соглашается с этим планом, считает его «лучшим военным средством»; только Мейснер не должен об этом ничего знать: «даже лучшим книгопродавцам не надо раскрывать все свои карты» (письмо к Энгельсу 12 сентября). Однако проходит несколько недель, прежде чем Энгельс принимается писать свои рецензии. Оба друга как бы втайне лелеяли тщетную, но вполне простительную надежду, что книга произведет «большой эффект» и без их содействия: во всяком случае, они ждали несколько недель. Непосредственным поводом к первой рецензии Энгельса послужили нажим со стороны Кугельмана и нетерпение Мейснера, который уже 7 октября, т. е. еще до истечения месяца со времени выхода книги, с тревогой писал Марксу: «Критика заставляет себя долго ждать; видно, книга пришлась ей не по зубам» (Мейснер — Марксу 7 октября).

Хотя Маркс считал жалобы Мейснера неосновательными, так как преждевременно было ожидать критических отзывов «еще до появления его издательских об'явлений», все же он предлагает Энгельсу приступить к действиям; он просит прислать Кугельману хоть что-нибудь относительно книги, причем последний должен знать, что «самое главное — это возбудить шум, что́ гораздо важнее, чем вопрос о том, *как* написана рецензия и насколько она основательна» (Маркс — Энгельсу от 10 октября). На следующий день Маркс обращается непосредственно к Кугельману, предостерегая его от слишком большой основательности; от Кугельмана он ожидал более быстрых действий. Он доказывает ему, что обработка второго тома главным образом зависит от успеха первого. Успех в Германии необходим для того, чтобы найти издателя в Англии; в противном случае его материальные обстоятельства будут в таком расстроенном состоянии, что у него не будет ни времени, ни спокойствия, необходимых для обработки второго тома. «Таким образом, — продолжает дальше Маркс, — зависит от ловкости и энергии моих партийных друзей в Германии, потребует ли появление второго тома более или менее продолжительного срока. Основательная критика, как со стороны друзей, так и со стороны врагов, может появиться лишь постепенно, так как такой об'емистый труд требует продолжительного времени для того, чтобы прочесть и переварить его. Но непосредственный успех зависит не от основательной критики, а — выражаясь грубо — от первого барабанного боя, заставляющего выступать и врагов. На первый раз не так важно то, *что́* говорится, как то, чтобы *вообще говорили*. *Прежде всего — не терять времени!*»

В своем письме Маркс исходил из того предположения, что Энгельс будет посылать Кугельману только «заметки с руководящими точками зрения», в известной степени «рецепты» для изготовления рецензий; вот почему он считал необхо-

[1]) Национал-либеральный адвокат в Ганновере, сторонник Беннигсена. (Ср. Ф. *Меринг*, «Маркс», стр. 367; *Меринг* в хемницкой «Volksstimme» № 32 от 9 февраля 1914 г.)

димым торопить Кугельмана. Но Энгельс счел более практичным тотчас «состряпать» нечто готовое (Энгельс — Марксу 11 октября), не ожидая, пока Кугельман прочтет книгу; 12 октября он послал ему печатаемые ниже под №№ I и II две рецензии. 13 октября он писал Марксу: «Я написал две статьи о книге, обсуждающие ее с различных точек зрения, и послал их Кугельману; кажется они составлены так, что их может поместить почти любая газета и что по их образцу Кугельман может писать другие статьи. Это уже немного облегчит его задачу».

Кугельману не особенно повезло с этими рецензиями, которые Энгельс рассчитывал поместить в ганноверских национально-либеральных газетах. Копию первой статьи он передал уже упомянутому адвокату Варнебольду, но благодаря этому потерял две недели, так как «пустой хвастун», несмотря на свои претенциозные обещания, в конце концов ничего не сделал. Так как вторая статья, как мы дальше увидим, попала не в лучшие руки, то прошло еще несколько недель бесплодно. В своем письме к Энгельсу от 2 ноября Маркс жалуется: «Немцы — славные ребята. Их труды на этом поприще [политической экономии], в качестве прислужников англичан, французов и даже итальянцев, дали им право игнорировать мою историю. Наши люди там не умеют агитировать. Между тем нужно поступить подобно русским, т. е. выжидать. Суть русской дипломатии и ее успехов — в терпении, а наш брат, у которого только одна жизнь, может пока издохнуть».

Но через два дня после этого он уже получил первую рецензию на свою книгу, именно первую статью Энгельса. Кугельману надоело ждать выполнения обещаний Варнебольда, и он, потеряв терпение, послал статью, через Либкнехта, в демократический орган Иоганна Якоби, «Zuknnft», выходивший в Берлине под редакцией Гвидо Вейса; там статья была тотчас же принята, и 30 октября появилась первая рецензия на «Капитал», как раз к тому времени, когда Маркс начал серьезно беспокоиться по поводу «замалчивания» его книги в газетах.

Энгельс был не очень доволен тем употреблением, которое получила его статья. К своему «величайшему удивлению», он увидел «самую смирную» из своих статей, «к тому же сокращенную и испорченную» в радикально-демократическом органе «Zukunft», питавшем сильные симпатии к социалистическому рабочему движению. Для э т о г о органа он писал бы иначе. Усилия его друзей оставляют его таким же неудовлетворенным, как и Маркса. Он хочет сам писать многим своим знакомым, но при этом, естественно, всюду возникают затруднения. «Беда, что нельзя самому быть на месте! — восклицает он в нетерпении. — Если бы мы были в Германии, то мы бы уже подняли тревогу во всех газетах и добились того, чтобы на книгу донесли, а это было бы лучше всего» (Энгельс — Марксу 5 ноября 1867 г.). Он запрашивает Кугельмана, что сделал тот с другой статьей и может ли он поместить ее.

Но со второй статьей, которую мы помещаем под № II, дело приняло гораздо более скверный оборот, чем с первой, которая все же вышла в свет, хотя и с запозданием и не в том органе, для которого она была предназначена. Вторая статья вообще не попала в печать. Кугельман послал ее 21 октября редактору Генриху Бюргерсу для демократической «Rheinische Zeitung». Бюргерс был в свое время членом Союза коммунистов и одним из осужденных по кельнскому процессу коммунистов, и, хотя он с тех пор отвернулся от социализма и перешел в лагерь буржуазной демократии, все-таки Кугельман определенно рассчитывал на его поддержку и был чрезвычайно удивлен, когда Бюргерс, после разных пустых отговорок, бросил статью в редакционную корзину. Энгельс был не меньше Кугельмана удивлен и возмущен поведением Бюргерса, который нашел подозрительной его статью — «простое, без всякой оценки изложение, написанное для национально-либеральной газеты». Только через пять недель нашел он об'яснение этому поведению.

«Ирония судьбы хотела, — пишет он 12 декабря Марксу, — чтобы посланная ему [Бюргерсу] Кугельманом статья надавила как раз на больное место прова-

лившегося дюссельдорфского кандидата [1]) в рейхстаг. Я в ней наивно говорил о том, что отныне нельзя будет молчаливо проходить мимо представленной теперь в рейхстаге социал-демократии, для которой эта книга станет библией. Вот эту-то статью послал Кугельман с обычным своим тактом Генриху. Hinc illae lacrimae!»

Но Кугельман не был обескуражен слабым успехом своих попыток. Ему удается поместить в ганноверской «Deutsche Volkszeitung» собственную статейку о книге и завязать отношения с самыми значительными вюртембергскими политическими газетами, издававшимися в Штутгарте. Вновь требует он от Энгельса статей. Один швабский листок, «Beobachter», редактировался другом Карла Фогта — Карлом Майером; и когда Энгельс 6 декабря обратился к Марксу с вопросом, как он относится к намерению Кугельмана поместить статью в этом органе, Маркс нашел, что было бы очень забавно надуть друга Фогта, швабского Майера, и дал подробные инструкции для статьи.

«Все это надо сделать вот как: d'abord начать с того, что, как бы ни думали о тенденции книги, она делает честь «немецкому духу» и потому могла быть написана только пруссаком в изгнании, а не в Пруссии. Пруссия давно уже перестала быть страной, где возможна какая-нибудь научная инициатива, особенно в области политической, или исторической, или социальной. Она выражает теперь русский, а не немецкий дух. Что касается самой книги, то следует различать две стороны: положительное развитие, которое дает автор, и тенденциозные выводы, которые он делает. Первое является прямым обогащением науки, так как в ней фактические экономические отношения заново обработаны при помощи материалистического метода («Майер» любит это слово из-за Фогта). Пример: 1) развитие денег, 2) кооперация, разделение труда, машинная система и соответственные общественные комбинации и отношения, развивающиеся «самобытно».

«Что же касается тенденции автора, то нужно опять различать. Когда он доказывает, что современное общество с экономической точки зрения беременно новой, высшей формой, то он только указывает социально-исторически на то, что доказал Дарвин естественно-исторически. Либеральное учение «прогресса» (c'est Майер tout pur) заключает в себе это, и заслуга автора в том, что он видит скрытый прогресс даже в таких современных экономических отношениях, которые непосредственно сопровождаются отвратительными следствиями. Автор в то же время этим своим критическим пониманием, — может быть, malgré lui — положил конец всякому социализму по профессии, т. е. всякому утопизму.

«Напротив, субъективная тенденция автора, — возможно, что он был связан своим партийным положением и своим прошлым, — т. е. то, как он себе представляет конечный результат теперешнего движения, теперешнего общественного процесса, ничего общего не имеет с об'ективным ходом его идей. Если б место позволило на этом остановиться подробнее, то, может быть, можно было бы показать, что его «об'ективное развитие» опровергает его собственные «суб'ективные прихоти».

«Господин Лассаль ругает капиталистов и льстит прусским юнкерам. А господин Маркс, напротив, указывает на «историческую необходимость» капиталистического производства и бичует потребляющего аристократического юнкера-помещика.

«Как мало Маркс разделяет идеи своего отпавшего ученика Лассаля относительно призвания Бисмарка ввести экономическое тысячелетнее царство, видно не только из его прежних протестов против «королевско-прусского социализма», но и из его заявлений на стр. 762 и 763, где он говорит, что система, господствующая ныне во Франции и Пруссии, распространит над континентом Европы режим русского кнута, если ее во-время не пресечь.

---

[1]) При выборах в северо-немецкий рейхстаг в феврале 1867 г. как раз рабочие помогли одержать победу бисмарковскому кандидату (Михаэлису), противнику прогрессивного кандидата Бюргерса.

«Вот, по-моему, как надо надуть швабского Майера (который ведь напечатал мое предисловие), и как ни мала его грязная газетка, но все-таки она является оракулом всех федералистов в Германии и читается также за границей».

Энгельс по болезни отложил статью на несколько дней. И только 13 декабря она была отослана Кугельману вместе со второй статьей, предназначенной для еженедельного приложения к полуофициальному правительственному органу, «Staatsanzeiger aus Würtemberg» — «Das Gewerbeblatt aus Würtemberg».

Как видно из статьи, напечатанной под № III, Энгельс положил в основу своей рецензии «рецепт» Маркса и даже в большей части слово в слово повторил его, но счел излишней «преувеличенную основательность, которая удлинила бы вещь в три раза» (Энгельс — Марксу 12 декабря 1867 г.).

На этот раз все обошлось гладко. В конце декабря 1867 г. одна статья появилась в «Beobachter», и в то же время в «Gewerbeblatt» появилась вторая маленькая статья, напечатанная у нас под № IV. «Очень ценно, что эти две газеты клюнули», — пишет Энгельс 6 января Марксу.

К этому времени и другие партийные друзья развили более или менее интенсивную и успешную пропаганду, и Энгельсу пришлось не мало раздать «рецептов». Эта работа, видимо, его забавляла, по крайней мере, вначале, так как через несколько дней по изготовлении первых двух статей он был бы готов «написать еще от четырех до пяти статей с различных точек зрения», если б он только знал, куда с ними обратиться (Марксу — 18 октября). Вскоре после этого один его отдаленный родственник, радикально настроенный эльберфельдский поэт и купец Карл Зибель, просит Энгельса присылать ему рецензии на «Капитал» для рейнских газет. Этот Зибель смертельно больной [1]), перекочевывавший с курорта на курорт, был, как и Кугельман, чрезвычайно усердным и успешным поставщиком энгельсовских рецензий для буржуазных газет. Он поместил статью Энгельса в «Elberfelder Zeitung» уже в начале ноября почти одновременно с рецензией в «Zukunft» от 30 октября. Как и Кугельман, он развил в кругу своих знакомых интенсивную словесную и письменную пропаганду в пользу книги. Благодаря существенной поддержке этих двух единомышленников к концу 1867 г. и началу 1868 г. удалось поместить в целом ряде газет рецензии, написанные большею частью Энгельсом.

К этому времени появилась первая критика и со стороны «ученого специалиста» — Евгения Дюринга (Маркс — Кугельману, 6 марта 1868 г.). После того как в органе лассалевской рабочей партии, в «Социал-демократе», вождь партии И.-Б. Швейцер в целом ряде статей раскрыл содержание «Капитала» и в марте Энгельсу удалось поместить в газете Либкнехта еще две статьи, Маркс, верховный стратег в этой упорной и напряженной кампании против заговора молчания буржуазной прессы, решил, что Энгельс должен «бросить немцев» и заняться австрийской и английской «критиками». Правда, большие берлинские газеты не сочли книгу достойной внимания, и из знаменитых немецких представителей политической экономии (охарактеризованных Энгельсом в рецензии № I) критику книги дал только один сторонник свободной торговли, Юлиус Фаухер, бывший членом кружка «Свободных» в Берлине и сотрудником «Литературной газеты» Бруно Бауэра, но все-таки Маркс примирился с положением, которое Энгельс, — после появления статьи Шнакке в «Elberfelder Zeitung» (см. № 16 в приведенной ниже таблице) и рецензии в «Literarisches Zentralblatt» (№ 18), — резюмировал следующими словами: «Мертвое молчание нарушено, и книга пробила себе дорогу, хотя медленно, но верно». А два месяца спустя он говорит о «хорошем положении вещей» «в отношении пропаганды, которую сделала моя книга, и о признании, которое она нашла со стороны рабочих» [2]) (Кугельману 12 октября 1868 г.).

---

[1]) Он умер 10 мая 1868 г. в Эльберфельде 32-х лет.

[2]) Следует отметить, что на с'езде Всеобщего германского рабочего союза в Гамбурге в конце августа 1868 г. «произведение Карла Маркса» было предложено для дискуссии в порядке дня.

Ниже мы даем составленный в хронологическом порядке список немецких рецензий на первый том «Капитала» до июля 1870 г., насколько нам удалось установить по письмам и по просмотренным рецензиям [1]). Мы полагаем, что даже в таком неполном и частью неточном виде список этот внесет свою долю в историю «Капитала».

1. «Zukunft». Берлин, 30 октября 1867 г.	Анонимно. Написано Энгельсом. Поместил Кугельман или Либкнехт. (См. № 1).
2. «Elberfelder Zeitung». 2 ноября 1867 г. № 302.	Анонимно. Авторский знак: S. (Siebel). Написано Энгельсом. Поместил Зибель.
3. «Deutsche Volkszeitung». Ганновер, 10 ноября 1867 г.	Написано Кугельманом. Подписано К.
4. «Düsseldorfer Zeitung». 16 ноября 1867 г.	Анонимно. Написано Энгельсом. Поместил Зибель.
5. «Barmer Zeitung». 19 декабря 1867 г.	Анонимно. Написано Зибелем.
6. «Der Beobachter». Штуттгарт, 27 декабря 1867 г.	Анонимно. Написано Энгельсом. Поместил Кугельман. (См. № III.)
7. «Staatsanzeiger für Würtemberg.» Beilage: «Gewerbeblatt aus Würtemberg». 27 декабря 1867 г.	Анонимно. Написано Энгельсом. Поместил Кугельман. (См. № IV.)
8. «Ergänzungsblätter zur Kenntnis der Gegenwart». Ежемесячник. Гильдбургсгаузен. 1868 г., стр. 182—186. Появилась в начале 1868 г.	Написано Евгением Дюрингом.
9. «Frankfurter Börsenzeitung». Конец 1867 г.	Анонимно. Написано Энгельсом. Поместил Зибель.
10. «Der Sozialdemokrat». Издавался И.-Б. Швейцером. Берлин. 10 статей от № 10, от 22 января 1868 г., до № 49, от 24 апреля 1868 г.	Написано И.-Б. Швейцером.
11. «Börsenhalle». Гамбург, 14 февраля 1868 г.	Анонимно.
12. «Rhein und Ruhrzeitung». Дуисбург. Март 1868 г.	Анонимно. Написано Энгельсом или Зибелем. Поместил Зибель.
13. Demokratisches Wochenblatt». Ред. В. Либкнехт. Лейпциг, № 12 от 21 марта 1868 г., стр. 94—95; № 13 от 28 марта 1868 г.	Анонимно. Написано Энгельсом.
14. «Mannheimer Zeitung». Апрель 1868 г.	Анонимно. Написано Энгельсом или Зибелем. Поместил Зибель.
15. «Vierteljahrsschrift für Vokswirtschaft und Kulturgeschichte». Изд. Юлий Фаухер. Берлин. 5-й (20-й том) 1867 г., стр. 206—219. Появилась в июне 1868 г.	Написано Юлием Фаухером.
16. «Elberfelder Zeitung». № 164, 167, 170, 172, 174, 179 и 180 от 17, 20, 23, 25, 27 июня и 2 и 3 июля 1868 г.	Подписано: E. F. S. [Friedrich Schnacke.]
17. «Hannoverscher Courrier». 4 июля 1868 г.	Анонимно. Написано Энгельсом. Перепечатано из «Staatsanzeiger für Würtemberg» (См. № IV.)
18. «Literarisches Zentralblatt». Еженедельник. Берлин, № 28, от 4 июля 1868 г.	Анонимно.
19. «Demokratisches Wochenblatt». Ред. В. Либкнехт. Лейпциг. № 31, 34, 35, 36 от 1, 22, 29 августа и 5 сентября 1868 г.	Написано Иосифом Дицгеном.
20. «Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik». Иена. 7-й год, т. I, вып. 6, стр. 457—467.	Подписано: Rr. [Herman Rösler.]

Орган Либкнехта «Das Demokratische Wochenblatt» (Лейпциг) перепечатал в своих первых двух номерах от 4 и 11 января 1868 г. предисловие к «Капиталу», которое, по замечанию Маркса от 25 января 1868 г., «было уже напечатано во всех газетах несколько месяцев тому назад» (Маркс — Энгельсу 25 января 1868 г.).

[1]) В розысках рецензий нам оказал содействие Б. Николаевский.

12 декабря 1867 г. в «Zukunft» (№ 291) появилась анонимная статья, посланная самим Марксом и озаглавленная «Плагиат». В ней он язвительно сопоставляет цитаты из одной парламентской речи лассальянца Гофштеттена с цитатами из «Капитала» по вопросу о рабочем времени.

В общем литературный успех первого тома «Капитала» в Германии был довольно скромный как в отношении числа рецензий, так и в отношении значения тех литературных органов, в которых были напечатаны эти рецензии. Этими органами были, большей частью, местные провинциальные газеты. Не может быть и речи об «эффекте», и даже «большом», как этого ждал Энгельс, или о «шуме», которого так хотел Маркс.

Книга раскупалась медленно. В конце 1869 г. из 1 000 напечатанных экземпляров остались непроданными 308, в 1870 г. продано было всего лишь 50 экз., и только в год Парижской коммуны спрос на «Капитал» так сильно поднялся, что Мейснер в конце 1871 г. решил приступить ко второму изданию. Надежда Маркса на то, что он с помощью этой книги «поправит свое экономическое положение», оказалась тщетной: за первое издание он получил около 400 талеров (600 рублей). Маркс имел основание жаловаться на «заговор молчания со стороны буржуазной и реакционной прессы» (Кугельману, 11 февраля 1869 г.).

В противоположность безмолвно неприязненному отношению представителей буржуазной публицистики, вожди и публицисты немецкого рабочего класса встретили появление книги с большим энтузиазмом. Обе враждующие между собой рабочие партии, — «саксонская народная партия» (будущие «эйзенахцы») и лассальянцы, — всеми силами пропагандировали в пользу произведения Маркса. Кроме рецензий, указанных выше в таблице (№ 10, 13, 19), они поместили в печати ряд извещений, коротких и длинных заметок и выдержек. На с'езд Всеобщего немецкого рабочего союза, состоявшийся в августе 1868 г. в Гамбурге, Маркс был приглашен как почетный гость, и обсуждение его произведения стояло в порядке дня. «Признание со стороны немецких рабочих» (Маркс — Кугельману 12 октября 1868 г.) сильно повысило спрос на продажу книги: выпуская второе издание, Мейснер в 1872 г. напечатал на тысячу экземпляров больше, «рассчитывая специально на рабочих» (Марксу, 19 марта 1872 г.).

Основные идеи книги очень быстро проникли в речи ораторов и в статьи публицистов рабочего класса и докатились по множеству каналов до рабочих масс.

По поводу приема, который встретил «Капитал» в первые годы после своего появления, Маркс мог с полным правом сказать в послесловии ко второму изданию: «Понимание, которое встретил «Капитал» в широких кругах рабочего класса,— лучшая награда за мой труд. Еще с бо́льшим правом мог он это сказать о будущем. Пролетариат, будучи носителем основных идей «Капитала», стал также движущей силой его литературно-научного и материального успеха, до которого, впрочем, сам творец «Капитала» не дожил. Судьбы его творения были так грандиозны, что к ним не применимо понятие «успеха». По сравнению с тем историческим процессом, который связан с «Капиталом», значение «маленьких маневров» и роль рецензий Энгельса кажутся ничтожно малыми, — однако в свое время они выполнили свою миссию: способствовали первому успеху книги и внесли не мало светлых дней в трудовую жизнь человека, который в жертву своему творению принес «здоровье, счастье и семью».

Э. Цобель.

I

Карл Маркс. Капитал. Том I, Гамбург, Мейснер, 1867. Стр. 784. 8°.

Это печальный факт для каждого немца, что мы, народ мыслителей, до сих пор так мало дали в области политической экономии. Наши знаменитости в этой специальности — в лучшем случае компиляторы, как Рау и Рошер, а там, где сделано что-нибудь оригинальное, мы имеем протекционистов, как Лист (который, впрочем, списал у одного француза), или социалистов, как Родбертус и Маркс. Настоящая политическая экономия очевидно в самом деле поставила себе задачей толкать в об'ятия социализма всякого, кто серьезно занимается экономической наукой. Разве нам не пришлось быть свидетелями того, что вся официальная экономия осмелилась выступить против такого человека, как Лассаль, с отрицанием давно известного и признанного закона определения заработной платы, и что Лассалю пришлось взять под защиту таких людей, как Рикардо, против Шульце-Делича. К сожалению, это верно, даже Лассаля они не могли научно опровергнуть и должны были — каковы бы ни были заслуги их практических стремлений — принять упрек, что вся их наука состоит в размазывании гармонии Бастиа, затушевывающей все противоречия и трудности. Признание Бастиа авторитетом и отрицание Рикардо — такова в настоящее время наша официальная, современная экономия в Германии. Но как же это могло бы и быть иначе? Экономия, к сожалению, составляет у нас область, которой никто научно не интересуется; она составляет или часть наук, необходимых для государственного экзамена, или подсобное средство для политической агитации, изучаемое очень поверхностно. Виновато ли в этом наше государственное дробление, наша, к сожалению, еще так мало развитая промышленность, или наша традиционная в этой отрасли наук зависимость от заграницы?

При таких обстоятельствах всегда приятно получить такую книгу, как вышеупомянутая, в которой автор с негодованием противопоставляет распространенную теперь водянистую или, как он чрезвычайно метко называет ее, «вульгарную экономию» ее предшественникам-классикам, кончая Рикардо и Сисмонди; хотя он относится критически также и к классикам, но все же он всегда стремится сохранить ход строго научного исследования. Прежние работы Маркса, в особенности появившаяся в 1859 г. у Дункера в Берлине работа о сущности денег, отличались уже как строго научным характером, так и беспощадной критикой, и, насколько нам известно, до сих пор вся наша официальная экономия не выступила против него. Но если она не могла ничего возразить против тогдашней работы, то как же она спра-

вится с настоящей книгой о капитале, содержащей 49 листов? Мы хотим, чтобы нас правильно поняли. Мы не говорим, что против выводов этой книги ничего нельзя возразить, что Маркс исчерпывающе обосновал свои доказательства; мы говорим только: мы не думаем, чтобы среди наших отечественных экономистов нашелся хоть один, который был бы в состоянии опровергнуть их. Исследования, приведенные в этой книге, имеют строго-научный характер. Мы прежде всего укажем на мастерское диалектическое построение всего целого, на тот способ, каким в понятии товара уже изображено существование денег в себе (an sich), как из денег развивается капитал. Мы признаем, что мы считаем вновь введенную категорию п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и большим прогрессом; мы не видим, что можно было бы возразить против утверждения, что не т р у д, а рабочая с и л а является товаром на рынке; мы считаем исправление закона Рикардо о норме прибыли (а именно: замену прибыли прибавочной стоимостью) совершенно правильным. Мы должны сознаться, что историческое понимание, которое проходит через всю книгу и которое позволяет автору видеть в экономических законах не вечные истины, а лишь формулирование условий существования известных преходящих состояний общества, для нас очень убедительно; что мы, к сожалению, напрасно стали бы искать среди наших официальных экономистов той учености и глубокомыслия, с которыми при этом изображены различные исторические состояния общества и их условия существования. Нашим ученым экономистам до сих пор были чужды такие исследования, как исследование о рабстве, об экономических условиях и законах рабства, различных формах крепостного состояния и крепостной зависимости и о происхождении свободных рабочих. Мы точно так же хотели бы услышать мнение этих господ об имеющихся здесь исследованиях о кооперации, разделении труда и мануфактуре, машинах и крупной промышленности в их исторической и экономической связи и взаимодействии; эти господа во всяком случае могли бы узнать здесь кое-что новое. И что скажут они особенно по поводу тех фактов, которые прямо противоречат всем установленным теориям свободной конкуренции и тем не менее доказаны здесь на основании официального материала, а именно, что в Англии, на родине свободной конкуренции, теперь почти не существует ни одной отрасли труда, где бы вмешательством государства не было бы строго предписано ежедневное рабочее время, за соблюдением которого следит фабричный инспектор, и что тем не менее, по мере ограничения рабочего времени, не только развиваются отдельные отрасли промышленности, но и отдельные рабочие в более короткое время дают больше продуктов, нежели прежде в более продолжительное время?

Наконец, к сожалению, нельзя отрицать, что особенно резкий тон, в котором автор говорит об официальных н е м е ц к и х экономистах, не является несправедливым. Все они более или менее принадлежат к «вульгарной экономии»; ради популярности в настоящее время они проституировали свою науку и отказались от ее классических корифеев. Они говорят о «гармонии» и движутся в самых банальных противоречиях. Пусть суровый урок, который дает им эта книга, пробудит их из летаргического сна и напомнит им, что экономия является не только дойной коровой, снабжающей нас молоком, но и наукой, требующей серьезного и постоянного культа.

II

Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Том I: Процесс производства капитала. Мейснер, 1867.

Всеобщее избирательное право к существовавшим до сих пор парламентским партиям прибавило еще новую, социал-демократическую. Во время последних выборов в северо-германский рейхстаг она выставила в большей части больших городов, во всех фабричных округах своих собственных кандидатов и провела шесть или восемь депутатов. В сравнении с предпоследними выборами она развила значительно бо́льшую силу, и можно поэтому предположить, что пока, по крайней мере, она находится еще в процессе роста. Было бы безумием продолжать еще обходить молчанием деятельность, существование и доктрины этой партии в стране, где всеобщее избирательное право передало последнее решение в руки самых многочисленных и беднейших классов.

Как бы ни расходились между собой немногочисленные социал-демократические парламентарии, все же можно с уверенностью сказать, что все фракции этой партии будут приветствовать настоящую книгу как свою теоретическую библию, как арсенал, из которого они почерпнут самые существенные свои аргументы. Уже по одной этой причине она заслуживает особенного внимания. Но и по своему собственному содержанию она должна возбудить интерес. Если главная аргументация Лассаля, — а Лассаль в политической экономии был только учеником Маркса, — ограничивалась постоянным повторением рикардовского закона заработной платы, то здесь мы имеем пред собой труд, который с неоспоримо редкой ученостью трактует все отношение между капиталом и трудом в его связи со всей экономической наукой, который ставит себе конечной целью «раскрыть экономический закон движения современного общества» и при этом на основании об'ективных исследований, сделанных с несомненным знанием предмета, приходит к заключению, что весь «капиталистический способ производства» должен быть уничтожен. Но мы, кроме того, считаем нужным обратить особенное внимание на то, что, оставляя в стороне выводы этого труда, автор на всем его протяжении излагает в совершенно новом свете целый ряд важнейших пунктов экономии и в чисто научных вопросах приходит к таким результатам, которые сильно отличаются от ходячей экономии и которые патентованным экономистам придется серьезно критиковать и научно опровергнуть, если они не хотят крушения своей прежней доктрины. Было бы желательно, чтобы в интересах науки в специальной литературе развернулась вскоре полемика именно по поводу этих пунктов.

Маркс начинает с изложения отношения между товаром и деньгами; самая существенная часть этого вопроса уже задолго до этого была опубликована в особом труде. Затем он переходит к капиталу, и здесь мы тотчас же подходим к самому выдающемуся пункту всего труда. Что такое капитал? Деньги, которые превращаются в товар с тем, чтобы из товара опять превратиться в бо́льшую, чем первоначальная, сумму денег. Покупая хлопок за 100 талеров и продавая его за 110, я сохраняю свои 100 талеров как капитал, как самовозрастающую стоимость. Но теперь возникает вопрос, откуда берутся эти 10 талеров, которые я зарабатываю при этом процессе, каким образом при двойном простом обмене 100 талеров превращаются в 110 талеров? Ведь экономия исходит из того, что при всяком обмене

обмениваются равные стоимости. И Маркс разбирает всевозможные случаи (колебания цен товаров и т. д.), чтобы доказать, что при данных экономией предпосылках образование 10 талеров прибавочной стоимости из первоначальных 100 талеров невозможно. И тем не менее этот процесс каждый день происходит; между тем экономисты не дали нам об'яснения этого факта. Это об'яснение дает Маркс следующим образом. Загадку эту можно решить лишь в том случае, если мы находим на рынке товар совершенно особенного характера, товар, потребительная стоимость которого состоит в том, чтобы производить меновую стоимость. Этот товар существует, это — рабочая сила. Капиталист покупает на рынке рабочую силу и заставляет ее работать в свою пользу, чтобы продать ее продукт. Поэтому нам прежде всего надо рассмотреть рабочую силу.

Какова стоимость рабочей силы? Согласно известному закону, она равна стоимости тех средств существования, которые необходимы для поддержания и воспроизводства рабочего в данной стране, в данную эпоху, в исторически данных условиях. Мы предполагаем, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Мы, далее, предполагаем, что эта стоимость выражается в труде в шесть часов в день, или в половине рабочего дня. Но капиталист утверждает, что купил рабочую силу на целый рабочий день, и заставляет рабочего работать 12 или более часов. Таким образом при двенадцатичасовом труде он приобрел продукт шести рабочих часов, не заплатив за него. Из этого Маркс делает следующий вывод: всякая прибавочная стоимость, как бы она ни распределялась,—будет ли то прибыль капиталиста, земельная рента, налог и т. д. — есть неоплаченный труд.

Из интереса фабриканта выколачивать каждый день возможно большее количество неоплаченного труда и из противоположного интереса рабочего возникает борьба за длину рабочего дня. В заслуживающей особенного внимания иллюстрации на протяжении около ста страниц Маркс описывает историю этой борьбы в английской крупной промышленности, борьбы, которая, несмотря на протест фритредерских фабрикантов, последней весной кончилась тем, что не только вся фабричная промышленность, но и все мелкое производство и даже вся домашняя промышленность подчинены действию фабричного закона, по которому ежедневное рабочее время женщин и детей моложе 18 лет, а тем самым косвенным образом и мужчин, в наиболее значительных отраслях промышленности установлено в 10½ часов. Он об'ясняет также в то же самое время, почему английская промышленность не только не пострадала от этого, но, наоборот, выиграла: труд каждого в отдельности тем больше выиграл в интенсивности, чем больше сокращена была его продолжительность.

Но прибавочная стоимость может быть увеличена еще другим способом, чем удлинение рабочего времени за пределы времени, необходимого для производства необходимых средств существования, или их стоимости. В данном рабочем дне, — скажем в 12 часов, — заключается, согласно прежнему предположению, 6 часов необходимого труда и 6 часов труда, употребленного на производство прибавочной стоимости. Если каким-нибудь способом удается сократить необходимое рабочее время до 5 часов, то остается 7 часов для производства прибавочной стоимости. Это может быть достигнуто сокращением требующегося для производства необходимых средств существования рабочего времени, другими словами — удешевлением средств существования, а последнее в свою очередь — усовершенствованиями в производстве. По

этому пункту Маркс опять дает полную иллюстрацию, рассматривая три главных рычага, посредством которых могут быть произведены эти усовершенствования: 1) кооперацию, или умножение сил, возникающее из одновременного и планомерного сотрудничества многих; 2) разделение труда в том виде, в каком оно развивалось в период настоящей мануфактуры (следовательно, примерно, до 1770 г.), наконец, 3) введение машин, при помощи которых с того времени развивалась крупная промышленность. Эти описания также имеют большой интерес и обнаруживают поразительное знание дела вплоть до технических деталей.

Мы не можем вдаваться в дальнейшие подробности исследований о прибавочной стоимости и заработной плате, но во избежание недоразумений мы должны только заметить, что и классической экономии, как доказал это Маркс многочисленными цитатами, не безызвестен был факт, что заработная плата меньше всего продукта труда. Надо надеяться, что эта книга даст случай господам академикам дать нам подробные об'яснения по этому, во всяком случае замечательному, пункту. Следует особенно подчеркнуть, что все фактические доказательства, которые приводит Маркс, взяты из самых лучших источников, по большей части из официальных парламентских отчетов. При этом случае мы поддерживаем косвенное предложение автора, сделанное им в предисловии: основательно исследовать и в Германии через правительственных комиссаров — которые, однако, не должны быть предубежденными бюрократами — условия труда и представить отчеты рейхстагу и публике.

Первый том кончается исследованием о накоплении капитала. По этому пункту много писали, хотя мы должны сознаться, что и здесь дано кое-что новое, а старое освещено с новых сторон. Самой замечательной здесь является попытка доказать, что на-ряду с концентрацией и накоплением капитала и рука об руку с ним идет накопление изыточного рабочего населения и что и то, и другое, с одной стороны, делают необходимым, а с другой стороны, — возможным социальный переворот.

Как бы ни относился читатель к социалистическим взглядам автора, мы все же думаем, что мы показали ему, что он имеет здесь дело с трудом, который стоит гораздо выше обычной социал-демократической современной литературы. Мы должны еще прибавить, что, за исключением строго диалектических рассуждений на первых 40 страницах, книга, несмотря па ее строгую научность, все же может быть легко понята и представляет также интерес по саркастической, никого не щадящей манере писания самого автора.

III

Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Том I. Гамбург, Мейснер, 1867.

Как бы ни относиться к тенденции настоящей книги, мы все же имеем право сказать, что она принадлежит к числу тех произведений, которые делают честь немецкому уму. Характерно, что автор, будучи, правда, пруссаком, принадлежит к рейнским пруссакам, которые до недавнего времени называли себя «пруссаками поневоле», и притом провел последние десятилетия в изгнании, вдали от Пруссии. Пруссия сама давно уже перестала быть страной какой-нибудь научной инициативы, и такая инициатива была бы там невозможна в исторической, политической или социальной области. О ней можно сказать, что она является представительницей русского духа, а не немецкого.

Что касается самой книги, то в ней надо различать две отдельные части: во-первых, замечательное положительное развитие идей и, во-вторых, тенденциозные выводы, которые делает из них автор. Первое по большей части является прямым обогащением науки. Автор рассматривает там экономические отношения посредством совершенно нового материалистического естественно-исторического метода. Таково изложение сущности денег и подробное и очень основательное указание, как различные последовательные формы промышленного производства, — в данном случае кооперация, разделение труда и вместе с этим мануфактура в узком смысле и, наконец, машины, крупная промышленность и соответствующие ей комбинации и отношения, — естественно развиваются одна из другой.

Что же касается тенденции автора, то и ее мы можем истолковать в двух разных смыслах. Поскольку он старается доказать, что современное общество, рассматриваемое экономически, носит в себе другую, высшую форму общества, постольку он пытается лишь установить в социальной области тот же самый процесс превращения, который Дарвин указал естественно-исторически. Такое постепенное изменение и происходило до сих пор в общественных отношениях, начиная с глубокой древности через средние века до наших дней; и насколько нам известно, никто с какой-нибудь научной точки зрения серьезно не утверждал, что Адам Смит и Рикардо сказали последнее слово относительно дальнейшего развития современного общества. Наоборот, либеральное учение о прогрессе включает в себя также прогресс в социальной области; и лишь склонные к претенциозным парадоксам так называемые социалисты представляют дело таким образом, будто они одни взяли на откуп прогресс. По отношению к обыкновенным социалистам мы должны признать большую заслугу Маркса в том, что он указывает прогресс даже и там, где крайне одностороннее развитие современных условий сопровождается непосредственно отталкивающими результатами, как, например, везде при изображении вытекающих из фабричной системы в целом контрастов между богатством и бедностью и т. д. Именно этим критическим пониманием предмета автор дал, — без сомнения против своей воли, — самые сильные аргументы против всякого социализма по профессии.

Совсем иначе обстоит дело с тенденцией, с суб'ективными выводами автора, с той формой, в какой он представляет себе и другим конечный результат современного социального процесса развития. Она не имеет ничего общего с тем, что мы называем положительной частью книги. Если бы место позволило, то можно было бы, пожалуй, показать, что эти его с у б ' е к т и в н ы е мысли опровергаются его собственным об'ективным изложением.

Если весь социализм Лассаля состоял в том, чтобы ругать капиталистов и льстить прусским сельским дворянчикам, то здесь мы находим прямую противоположность. Маркс ясно показывает историческую необходимость капиталистического способа производства, как он называет современную социальную фазу, и точно так же ненужность только потребляющего землевладельческого юнкерства. Если Лассаль, его неудачный ученик, питал иллюзии о призвании Бисмарка ввести социалистическое тысячелетнее царство, то Маркс довольно громко порицает своего неудачного ученика. Он не только определенно заявил, что не имеет ничего общего со всем «королевско-прусским правительственным социализмом», но он говорит также на стр. 762 и сл., что господствующая теперь во Франции и Пруссии система

в непродолжительном времени будет иметь результатом господство над Европой русского кнута, если ей своевременно не будет положен предел.

В заключение мы должны заметить, что мы здесь могли обратить внимание только на главные черты этой серьезной книги; при детальном разборе можно было бы доказать еще многое, что мы здесь должны опустить. Для того же и существует довольно много специальных журналов, которые наверное подробнее остановятся на этом, во всяком случае замечательном, явлении.

IV

Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Том I, Гамбург, Мейснер, 1867.

Если мы обращаем внимание на эту книгу, то вовсе не благодаря специфически социалистической тенденции, открыто высказываемой автором уже в предисловии. Это об'ясняется тем, что книга эта, оставляя в стороне тенденцию, содержит научные положения и фактический материал, заслуживающие всяческого внимания. Мы не станем здесь вдаваться в научную часть, так как это не входит в наши задачи, и ограничимся исключительно фактической стороной.

Мы не думаем, чтобы существовало какое-нибудь другое произведение, — на немецком или другом каком-нибудь языке, — в котором так ясно и полно были бы аналитически изложены основные черты новейшей истории промышленности со времен средних веков до настоящего дня, как на стр. 302—495 настоящей книги в трех главах: кооперация, мануфактура и крупная промышленность. Каждая отдельная сторона промышленного прогресса здесь на своем месте, подчеркнута по заслугам, и если местами проскальзывает специфическая тенденция, то все же надо отдать справедливость автору, что он нигде не изменяет фактов соответственно своей теории, а, наоборот, пытается изложить свою теорию как результат фактов. Эти факты он всегда заимствовал из самых лучших и, что касается новейшего времени, из источников столь же подлинных, сколь не известных теперь в Германии: из английских парламентских отчетов. Немецкие промышленники, рассматривающие свою промышленность не только с точки зрения повседневного барыша, но как одно из главных звеньев общего и великого промышленного развития всех стран, и поэтому интересующиеся и тем, что не принадлежит непосредственно к их отрасли, найдут здесь богатый источник для осведомления и будут нам благодарны за то, что мы обратили на него их внимание. Ведь давно уже прошли те времена, когда каждая отрасль промышленности и торговли мирно и отдельно существовала сама по себе, и теперь они зависят друг от друга и от их прогресса как в самых отдаленных странах, так и в самых близких, и от постоянно меняющихся кон'юнктур мирового рынка. И если, как этого можно ожидать, новые таможенные союзные договоры скоро поведут к ограничению прежних покровительственных пошлин, то для всех наших фабрикантов возникнет потребность познакомиться в общих чертах с историей новой промышленности для того, чтобы заранее из нее узнать, как отнестись к таким переменам. Более высокое просвещение, которое до сих пор всегда спасало нас, немцев, несмотря на политическое дробление, было бы и в данном случае лучшим оружием против грубого материализма англичан.

Это ведет нас к другому пункту. При новом законодательстве таможенных союзов скоро должен наступить момент, когда во входящих в союз странах сами фабриканты потребуют одинаковой оплаты рабочего времени на фабриках. Очевидно, было бы несправедливо, если бы в одном государстве рабочее время, особенно женщин и детей, совершенно зависело от усмотрения фабриканта, между тем как в другом оно подвергнуто существенным ограничениям. Едва ли можно будет обойтись без соглашения об общих решениях в этом отношении, тем более, если в самом деле покровительственные пошлины будут понижены. Но в этом отношении у нас в Германии нет достаточного опыта, — можно сказать, никакого, и мы должны обращаться к тому, что есть поучительного в законодательствах других стран, в особенности Англии. И здесь автор оказал большую услугу немецкой промышленности тем, что он дал историю английского законодательства и его результатов в самом подробном виде на основании официальных документов. (Ср. стр. 207 — 281, 399—496—и местами далее.) Вся эта сторона истории английской промышленности совершенно неизвестна в Германии, и мы с удивлением узнаем, что после того, как парламентским актом текущего года не меньше 1½ миллионов рабочих поставлены под контроль правительства, теперь не только почти вся промышленность, но и большая часть домашних и большая часть земледельческих рабочих в Англии подчинены надзору чиновников и прямому или косвенному ограничению рабочего дня. Мы призываем наших фабрикантов не пугаться тенденции книги и серьезно изучить особенно эту часть ее; тот же самый вопрос наверное рано или поздно станет и перед ними.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

I

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ К. МАРКСА [1])

(РЕЧЬ)

Гражданки и граждане!

Ввиду ограниченности времени, предоставляемого сегодня ораторам, слишком смело, быть может, с моей стороны пытаться дать оценку тому, что сделано было Марксом в области философии и обществоведения. Я все же попытаюсь это сделать, и тем хуже для меня, если я не справлюсь со своей задачей.

Философия Маркса является логическим и неизбежным выводом из философии Гегеля, — говорят нам часто те, кто пишет о происхождении современного социализма. — Это правда, но это еще не вся правда. Далеко не вся. Маркс наследовал Гегелю, как Юпитер Сатурну — низложив его с его трона. Появление материалистической философии Маркса — подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли. И чтобы оценить все значение этой революции, необходимо обратиться к материалистической философии XVIII века.

Материализму того времени, — этой смелой и воинствующей философии, — была почти совершенно чужда идея эволюции в природе и в человеческом обществе. Правда, один из наиболее выдающихся вождей материализма XVIII столетия, Дени Дидро, часто высказывал воззрения, которые сделали бы честь нашим современным эволюционистам. Но эти глубокие и яркие воззрения не были составной частью учения материалистов; они были исключениями и, как таковые, они могли только подтверждать общее правило. Я не могу входить в детали вопроса — и поэтому приведу вам только два примера.

Прочтите знаменитую книгу Гольбаха «Система природы» — и вы увидите, что самые трудные вопросы, на которые наталкивается автор, имеют отношение к з о о л о г и ч е с к о й эволюции человека и к г е о л о г и ч е с к о й эволюции нашей планеты.

Второй пример я возьму из области морали. Почти все историки философии обвиняют материалистов XVIII столетия в том, что они проповедывали эгоизм. Это

[1]) Речь Г. В. Плеханова, «Les idées philosophiques et sociales de Karl Marx», была произнесена, как видно из ее текста, не позже 1897 года («Не прошло еще пятидесяти лет с той поры, как произнесены были великие слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Но когда и где именно она была сказана — пока установить нет возможности за отсутствием соответствующих данных в архиве Плеханова. — П р и м. р е д.

большая ошибка. Для Гельвеция, Гольбаха и их друзей основой всей морали было общественное, а не личное благо. «Salus populi—suprema lex» (благо народа — высший закон), — говорил Гельвеций. Но в таком случае чем об'ясняется эта ошибка, столь распространенная в философском и литературном мире? Она об'ясняется указанным уже источником. Она об'ясняется тем, что философы-материалисты XVIII столетия не рассматривали мораль с эволюционной точки зрения. Только историческая эволюция может нам об'яснить, каким образом общественное благо становится основой господствующей в данном обществе морали. Но эта эволюция чаще всего происходит незаметно для инидивидуумов, которые следуют моральным требованиям своего общества или своего класса как правилам абсолютной морали, религиозной или метафизической. Не суб'ективный разум личности, а об'ективная логика общественных отношений диктует личности то или другое поведение. Не имея представления об эволюции, философы прошлого столетия могли пользоваться лишь тем, что они называли разумом.

Они пытались доказать, что даже с точки зрения личного интереса выгоднее предпочитать общественное благо. Нет ничего удивительного, что этот разум подчас имел вид человека, у которого превосходное сердце, внушающее самые благородные чувства, но рассудок которого в то же время никак не может выбраться из логического лабиринта индивидуалистического утилитаризма.

В первую половину нашего столетия мы присутствуем при полной реабилитации идеалистической философии. И слышать больше не хотят о материализме,— о нем отзываются с крайним презрением. Но если вы сравните идеалистическую философию XIX столетия с философией, предшествовавшей расцвету материализма в прошлом столетии, то вы увидите, что сильную сторону идеализма нашего века составляет именно идея эволюции, которую не признавали материалисты. Так поплатился материализм за свою ошибку!

Но и идеалистическая философия нашего века, со своей стороны, оказалась неспособной разрешить проблему эволюции. Логические законы эволюции идеи — вот что эта философия исследует каждый раз, когда нужно выяснить законы эволюции вселенной и рода человеческого. Но логические законы эволюции идеи ничего не об'ясняют нам в природе и в человеческом обществе. И идеалисты вынуждены были обратиться к земным фактам и законам, к фактам и законам природы, к фактам и законам социальной истории. Так, Гегель, величайший из идеалистов всех народов и всех времен, вынужден был искать в экономической эволюции об'яснения исторических фактов, остававшихся непонятными с идеалистической точки зрения. Философия истории Гегеля является невольным и бессознательным признанием материализма.

С другой стороны, то, что идеалисты называли философией духа, Philosophie des Geistes, рушилось о затруднения, которые могут быть преодолены только физиологической психологией, наукой, — что бы ни говорили подчас люди, ею занимающиеся, — совершенно материалистической.

Таким-то путем, во второй половине нашего века, философия снова становится материалистической. Но материализм нашего времени обогащен всеми достижениями эволюционистской теории.

Вы, вероятно, знаете, какую роль играет идея эволюции в разных отраслях великой науки природоведения. Достаточно вам вспомнить имена Канта и Лапласа,

Ляйелля и Дарвина. Но какое место занимает идея эволюции в области обществоведения?

В настоящее время в социологической литературе много говорят, — и часто совсем неправильно, — об эволюции. Но недостаточно констатировать постоянное изменение общественных отношений, — нужно найти движущую силу этого изменения. Дарвин не ограничился констатированием изменения видов, — он показал, что причиной этого изменения является борьба за существование. Чем же обусловливается изменение общественных отношений? Каково происхождение различных видов общественного устройства?

Маркс доказал, что экономический строй человеческого общества является основой, эволюцией которой об'ясняются все другие стороны общественной эволюции. И в этом главная заслуга Маркса, более важная даже, чем то, что он дал в своем «Капитале» несокрушимую критику современного общества. Историческая теория нам впервые дала ключ к пониманию человеческой эволюции. От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества.

«Мой диалектический метод, — говорит сам Маркс, — не только в основе своей отличается от гегелевского метода, но является даже его прямой противоположностью. Для Гегеля движение мысли, которую он олицетворяет под названием идеи, есть демиург действительности, каковая есть лишь форма проявления идеи. Для меня, наоборот, движение мысли есть лишь отображение реального движения, перенесенного и переработанного в мозгу человека».

«В своем мистическом виде диалектика стала модой в Германии, потому что она, казалось, восхваляла существующее положение вещей. В своем рационалистическом виде она представляется правящим классам и их доктринерам-идеологам скандалом и ужасом, потому что в свое позитивное понимание существующего положения вещей она включает в то же время понимание его неизбежного отрицания, его необходимого крушения; потому что, охватывая самое движение, всякая осуществленная форма которого есть лишь форма преходящая, она ни перед чем не преклоняется; потому что она по существу своему критична и революционна» [1]).

Социологи школы Дарвина много говорят о борьбе за существование, которую они желали бы увековечить. Школа Маркса не только не игнорирует эту борьбу, но об'ясняет ее возникновение и все фазисы ее исторического развития. Она показывает, что с тех пор, как человечество вышло из своего первобытного состояния, оно состоит из различных классов, антагонизм которых является главным двигателем общественной эволюции. В настоящее время мы присутствуем при ожесточенной

[1]) Плеханов цитирует это известное место из послесловия Маркса ко второму немецкому изданию I тома «Капитала» по французскому переводу, который был проредактирован и даже переработан самим Марксом и который, как говорит Маркс, «имеет, по сравнению с оригиналом, самостоятельную научную ценность», так как в нем «упрощено изложение одних мест, дополнено изложение других, приводятся дополнительные исторические и статистические данные, прибавлены критические замечания» и пр. В частности, по поводу цитируемого здесь места Маркс говорит: «Ниже я даю те места из послесловия ко второму немецкому изданию, которые касаются развития политической экономии в Германии и примененного в предлагаемом труде метода».

Приведенная в тексте цитата является, следовательно, вариантом, принадлежащим перу самого Маркса. — Прим. ред.

борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть, между пролетариатом и буржуазией, между теми, что трудятся, и теми, что захватывают продукты их труда. Маркс описал нам фазисы этой борьбы и указал ее неизбежный исход. Он стал на сторону угнетенных, он призвал их к организации, к международному единению. И пролетарии массами ответили на этот призыв. Не прошло еще пятидесяти лет с той поры, как раздались великие слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а красное знамя международного социализма гордо развевается уже во всех странах, захваченных капиталистической системой. И с каждым днем движение приобретает все бо̀льшую силу, с каждым днем темп его ускоряется, с каждым днем борьба все более ожесточается.

Будем же готовы, ибо близок день решительной битвы!

II

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ КРИЗИСЕ В ШКОЛЕ МАРКСА [1]

(КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ ПРОТИВ БЕРНШТЕЙНА И К. ШМИДТА)

Гражданки и граждане!

Социалисты наших дней отличаются особым даром внушать от времени до времени чувства радости и надежды той самой буржуазии, которая обычно и с полным основанием считает их своими смертельными врагами. Чем об'ясняется это странное явление? Оно об'ясняется так называемыми расколами в лагере социалистов. Так, семь или восемь лет тому назад германская буржуазия радовалась по поводу того, что̀ тогда называли раздорами между молодыми и старыми социал-демократами. В «молодых» она усматривала противоядие против «старых» и она надеялась, что, с помощью бога и полиции, «молодые» нейтрализуют «стариков» и она легко овладеет полем битвы и заставит замолчать как «стариков», так и «молодых».

Теперь буржуазия радуется по поводу полемики, вызванной некоторыми статьями Эдуарда Бернштейна в «Neue Zeit» и Конрада Шмидта в «Vorwärts». Идеологи буржуазии прославляют этих двух писателей как разумных и мужественных людей, которые поняли ложность социалистического учения и не поколебались отречься от него. Так, профессор Юлиус Вольф, довольно известный пожиратель социалистов, пытается в ряде статей, озаглавленных «Illusionisten und Realisten in der Nationaloekonomie» и печатающихся в «Zeitschrift für Sozial-

---

[1]) В архиве Г. В. Плеханова, как сообщила его вдова, Р. М. Плеханова, имеется письмо Ю. Лагарделля от 19 октября 1901 года, в котором последний просит Плеханова дать статью для готовившегося к выходу нового журнала «Mouvement socialiste» (журнал этот только через несколько лет стал органом синдикалистского направления). Со своей стороны, Лагарделль предлагал, в случае согласия Плеханова, первую статью написать на тему «Y a-t-il une crise dans le marxisme?» (Существует ли кризис в марксизме?). Является ли предлагаемый конспект одновременно черновиком для статьи и конспектом для лекции? Во всяком случае в «Mouvement socialiste» статьи Плеханова на такую тему не появлялись, и Р. М. Плеханова не помнит, чтобы он читал на эту тему доклад. Она предполагает, что обострение болезни помешало ему обработать этот черновик для печати.

Черновик написан по-французски и печатается у нас в переводе. — Прим. ред.

wissenschaft» за этот год, разбить учение Карла Маркса при помощи аргументов, почерпнутых у Бернштейна и Конрада Шмидта. Так, профессор Массарик, со своей стороны, в речи, произнесенной в Пражском университете, говорил о кризисе, переживаемом марксистской школой, и противопоставлял некоторые взгляды Конрада Шмидта об этике тому, что он провозглашал иммаральным в произведениях Фридриха Энгельса.

Эти господа видят в Бернштейне и в К. Шмидте новых союзников и они им весьма признательны за этот неожиданный союз.

Это вполне естественно. Но будет ли, может ли быть продолжительной радость, вызванная статьями Бернштейна и К. Шмидта?

Я этого не думаю. Я думаю, наоборот, что она будет столь же кратковременной, какой была радость, вызванная раздорами «молодых» со «стариками». Точно так же, как эти раздоры не имели более серьезных последствий, кроме откола нескольких недисциплинированных и неспособных дисциплинироваться молодых людей, точно так же полемика, вызванная статьями Бернштейна и Конрада Шмидта, приведет в худшем случае к окончательному переходу этих господ в ряды буржуазной демократии. Это будет потерей для немецкой рабочей партии. Но социалистическое учение останется тем же, чем оно было, — несокрушимой крепостью, о которую разбиваются все вражеские силы. Радость идеологов буржуазии поэтому слишком преждевременна.

В самом деле, что̀ говорят Эд. Бернштейн и Конрад Шмидт? Приводят ли они действительно новые аргументы против учения Карла Маркса? Посмотрим.

Как очень удачно выразился знаменитый австрийский социалист Виктор Адлер, социализм Маркса является не только экономическим учением, — это учение универсальное; движение революционного пролетариата — лишь фрагмент идейной революции, характеризующей наш век. Социализм Маркса имеет свою философию, как он имеет свое понимание истории и политической экономии. Бернштейн и Конрад Шмидт своей так называемой критикой нападают на современный социализм в целом. Мы последуем за ними во всей их аргументации.

Начнем с начала, т. е. с философии.

Вы все, конечно, знаете, что основоположник современного социализма был решительным сторонником м а т е р и а л и з м а. Материализм был основой всего его учения. А Бернштейн и Конрад Шмидт выступают против материализма. Он им кажется ошибочной теорией. В статье, недавно появившейся в «Neue Zeit», Бернштейн зовет социалистов вернуться «bis zu einem gewissen Grad» (до известной степени) к Канту.

Он думает, впрочем, что современные материалисты уже отказались от ч и с т о г о или а б с о л ю т н о г о (это — его выражение) материализма. К сожалению, он не об'ясняет нам, что̀ такое «чистый» или «абсолютный» материализм, но он цитирует слова современного материалиста, некоего Штреккера (Strecker), который сказал (по мнению Бернштейна — с о в с е м в с м ы с л е К а н т а): «Wir g l a u b e n an das Atom», — мы в е р и м в атом. Можно подумать после этого, что ч и с т ы е или а б с о л ю т н ы е материалисты говорили об а т о м е менее осторожно, что они, якобы, утверждали, что видели, осязали или нюхали атом. Но такое предположение лишено всякого основания. Некоторые небольшие цитаты покажут это вам с очевидностью.

Материалисты XVIII столетия были «чистыми» материалистами.

Возьмем сперва Ламеттри, этого застрельщика материалистической философии, который своей смелостью ужасал даже самых смелых.

«Природа движения, — говорит он («Человек-машина»), — так же мало известна, как и природа материи».

«Сущность души человека и животных, — говорит он в своем «Трактате о душе», — нам неизвестна и останется всегда столь же неизвестна, как и сущность материи и тел». И дальше: «Хотя мы не имеем никакого представления о сущности материи, мы не можем не признавать тех свойств, которые открываются в материи нашими чувствами».

Итак, Ламеттри открыто признает, что сущность материи ему неизвестна, что он знает лишь некоторые ее свойства, открываемые его чувствами. Это означает, что Ламеттри только верит в атом. А между тем это был «чистый» и «абсолютный».

Перейдем к другому представителю «чистого» и «абсолютного» материализма XVIII столетия.

«Мы должны будем признать, — говорит Гольбах в «Системе природы», — что сущность материи непостижима или, по крайней мере, что мы очень слабо постигаем ее сообразно тому, как она на нас воздействует... Мы знаем материю лишь по тем восприятиям, ощущениям и представлениям, которые она нам дает; затем мы судим о ней хорошо или плохо соответственно устройству наших органов...» И дальше: «Мы не знаем ни сущности, ни истинной природы материи, хотя мы в состоянии определить некоторые ее свойства и качества, сообразно тому, как она на нас действует».

Кажется, это также совсем «в смысле Канта»? Только написано это было до появления «Критики чистого разума».

А Гельвеций, тот, кого часто также называли самым абсолютным представителем материализма XVIII столетия?

О, он очень осторожен, этот абсолютный материалист! В своей книге «De l'Esprit» (которая была и т. д.) он говорит по поводу споров об отношении души и тела, что не нужно злоупотреблять словами, что нужно опираться на наблюдения, «итти только вместе с наблюдением, остановиться в тот момент, когда оно нас оставляет, и иметь смелость не знать того, чего знать еще невозможно».

Прибавлю, что Гельвеций считал лишь вероятным то, что в философии называется реальностью внешнего мира.

На-ряду со всем этим фраза Штреккера («мы верим в атом»), цитированная Бернштейном как свидетельство великих изменений, происшедших в учении материализма в последнее время, производит совершенно комическое впечатление. Бернштейн усматривает в этой фразе признание, совсем недавно вырванное у материализма под влиянием кантовой философии. Он думает, что чистые или абсолютные материалисты никогда не говорили и даже не подозревали ничего подобного. Вы видите, что это совершеннейшая неправда. И когда Бернштейн говорит нам: «вернемся bis zu einem gewissen Grad к Канту», мы ему отвечаем: товарищ Бернштейн, вернитесь в свой рабочий кабинет, изучите теорию, которую вы желаете критиковать, а затем мы с вами побеседуем.

Но вы, быть может, спросите меня, что представляет собою материализм XVIII столетия? Что представляет собою материализм Карла Маркса?

За меня ответят вам противники материализма.

Пойдите в Женевскую публичную библиотеку, возьмите там XXVIII том «Biographie universelle ancienne et moderne» и отыщите в нем статью «Ламеттри». Автор этой статьи говорит, что Ламеттри среди других книг написал книгу «Человек-машина» — «гнусное произведение, в котором пагубное учение материализма изложено без всяких смягчений». В чем же состоит это пагубное учение? Слушайте внимательно.

«Заметив за время своей болезни, что ослабление духовных способностей сопровождало у него ослабление физических органов, он вывел из этого заключение, что мысль является лишь продуктом его организации, и имел смелость опубликовать свои предположения».

Таким образом, мысль есть лишь продукт организации. Вот истинный смысл учения Ламеттри и других материалистов. Это может казаться смелым, но ложно ли это?

Послушаем одного из наиболее замечательных и наиболее известных представителей современной биологии, покойного профессора Гексли.

«В настоящее время из тех, кто знаком с вопросом и знает относящиеся сюда факты, не может, конечно, сомневаться в том, что основы психологии заложены в физиологии нервной системы. То, что называют работой ума, есть совокупность мозговых функций, а материалы знания суть продукты деятельности мозга. Кабанис мог употреблять неуклюжую и ошибочную терминологию, когда он говорил, что мозг секретирует мысль, как печень секретирует желчь, но м ы с л ь, заключающаяся в этой формуле, в гораздо большей степени соответствует фактам, нежели общераспространенное представление, изображающее ум как метафизическую сущность, помещающуюся, правда, в голове, но столь же независимую от мозга, как телефонист отличен от аппарата, на котором работает».

Ламеттри происходит от Декарта. Не от его м е т а ф и з и к и, которая была всецело идеалистической, а от его ф и з и о л о г и и. И вот что говорит тот же Гексли о физиологии Декарта.

«Физиология Декарта, подобно современной физиологии, основы которой она предвосхищает, ведет прямым путем к материализму, поскольку можно применить это название к учению, утверждающему, что мы не можем знать никакой мыслящей субстанции вне субстанции, имеющей протяжение, и что мысль в той же мере, как движение, есть функция материи» («Les sciences naturelles et l'éducation», Paris 1891, article sur le «Discours sur la methode de Descartes», pp. 25—26).

Это верно, гражданки и граждане, материализм в том виде, как он был построен в XVIII столетии, как он принят был основоположниками научного социализма, есть именно учение, утверждающее, что мы не можем знать мыслящей субстанции вне субстанции, имеющей протяжение, и что мысль в той же мере, как движение, есть функция материи. Но это есть отрицание философского дуализма и это ведет нас прямым путем к старику Спинозе с его единой субстанцией, двумя атрибутами которой являются движение и мысль. И в самом деле, современный материализм есть лишь более или менее сознающий себя спинозизм. Я говорю «более

или менее сознающий себя», потому что были материалисты, весьма слабо сознававшие свое родство со Спинозой. Таков был Ламеттри. Но со времени Ламеттри были материалисты, очень хорошо знавшие, что они происходят от Спинозы. Таков был Дидро. Вот что он говорит в небольшой статье «Спинозизм», напечатанной в XV томе «Grande Encyclopédie» [1]). А в тринадцатой теореме второй части «Этики» Спиноза говорит: «Omnia individua quamvis diversis gradibus animata sunt» (все индивидуумы в различной мере одушевлены). Это то, что говорил Дидро.

Фейербах («Spiritualismus und Materialismus») и Энгельс также были спинозистами.

Но в чем различие между понимаемым таким образом материализмом и кантианизмом? Различие огромно. Оно все заключается в том, что касается непознаваемого.

По Канту, вещи, нами воспринимаемые, сами в себе не таковы, какими мы их воспринимаем, и их отношения в действительности не таковы, какими они нам представляются; если отвлечься от суб'ективных свойств наших чувств, все свойства, все отношения предметов в пространстве и во времени, само пространство и само время исчезают, потому что все это существует лишь как феномены, т. е. лишь в нас. Природа предметов, рассматриваемых сами в себе и независимо от того, как мы их ощущаем, нам совершенно неизвестна. Мы знаем эти предметы лишь по тем ощущениям, какие мы от них получаем: предметы принадлежат, следовательно, к области непознаваемого.

В этом материалисты далеко не согласны с Кантом.

По Канту, мы знаем лишь предметы по ощущениям, которые мы от них получаем. Но если мы ощущаем предметы, то происходит это потому, — все по Канту, — что предметы оказывают на нас влияние. Феномены суть продукты действия на нас вещей в себе (ноуменов). Но действовать — это значит находиться в связи. Кто говорит, что предметы (или вещи) в себе на нас действуют, тот тем самым говорит, что знает некоторые отношения этих предметов если не между собою, то, по крайней мере, между ними и нами. Но если мы знаем отношения, существующие между нами и предметами в себе, то мы знаем также, через наши ощущения, и отношения, существующие между самими предметами. Это не непосредственное знание, но это все же знание, и раз мы им обладаем, мы не имеем больше права говорить о невозможности знать предметы в себе.

Знать — значит предвидеть. Раз мы можем предвидеть явление — мы предвидим и действие на нас некоторых предметов в себе. И вся наша промышленность, вся наша практическая жизнь основана на таком предвидении.

Теория Канта не выдерживает, следовательно, критики. Все, что есть верного в ней, сказано было французскими материалистами до Канта. Сущность материи остается для нас непознаваемой, мы познаем материю только по тому влиянию, какое она на нас оказывает.

Это сказано Энгельсом в его книге «Людвиг Фейербах» — и этого Бернштейн и Конрад Шмидт не поняли.

[1]) В XV томе «Энциклопедии» рядом с большой статьей о Спинозе есть небольшая заметка «Spinosiste», автор которой говорит, что спинозисты считают, что «существует только материя и что одной материи достаточно, чтобы все об'яснить». — Прим. ред.

Это различие между материализмом и кантианизмом вам покажется, может быть, ничтожным. А между тем оно чрезвычайно важно — и не только с теоретической точки зрения, но также, — и, может быть, главным образом, — с точки зрения практической.

«Непознаваемое» Канта оставляет широко открытыми двери для мистицизма. В моей немецкой книге «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» я показал, что это «непознаваемое» есть лишь бог, бог схоластический. Наоборот, материя, познаваемая нами по тому влиянию, какое она на нас оказывает, делает невозможным всякое теологическое толкование. Это — революционная теория — и именно поэтому она так не нравится буржуазии, которая гораздо больше предпочитает агностицизм Канта и наших современных кантианцев.

Повторяю. Когда Бернштейн зовет нас к Канту и когда он критикует современный материализм словами «wir glauben» etc., он обнаруживает только свое собственное невежество. С точки зрения философской так называемый кризис не опасен.

Перейдем к материалистическому пониманию истории.

В чем состоит это понимание?

Его часто очень плохо понимали и, если возможно, еще хуже толковали. Ложно толкуемая, эта теория кажется гнусной клеветой на род человеческий. Но укажите мне теорию, которая, плохо понятая и плохо интерпретируемая, не казалась бы гнусной и абсурдной? В действительности же материалистическое понимание истории является единственной теорией, которая дает нам возможность понимать человеческую историю как процесс, имеющий свои законы. Другими словами, это единственно научное понимание истории.

Чтобы дать вам точное представление о научном понимании истории, я прежде всего поставлю вопрос: что такое материалистическое понимание истории? Я вам процитирую одного французского писателя XVIII столетия, совершенно забытого в настоящее время, но написавшего любопытную книгу. Писатель этот — Селлье-дю-Файелль (Cellier du Fayell), а книга его озаглавлена: «Общее происхождение литературы и законодательства у всех народов» («Origine commune de la littérature et de la législation chez tous les peuples». Paris 1786).

Селлье говорит: «Подобно тому, как литература есть выражение мысли литератора, закон есть выражение мысли законодателя, употребляя это слово в самом широком его значении. Существует, следовательно, общий источник как для литературы, так и для законодательства... и этот источник — это мысль, имеющая своим началом природу человека, которую нужно прежде всего изучить, если хотят действовать методически и подвигаться с некоторой уверенностью к поставленной себе цели» (стр. 7).

Вот совершенно идеалистическое понимание истории: мысль человеческая есть источник права, т. е. всего общественного и политического строя. Эволюция этого строя обусловливается законами человеческой мысли, а эти законы имеют свои корни в природе человека.

Это идеалистическое понимание истории разделялось, за малыми исключениями, всеми философами XVIII столетия, даже материалистами [по-русски в оригинале: «Слабые стороны»].

Слабую сторону, настоящую ахиллесову пяту этой теории, легко вскрыть. Сделаю это в немногих словах.

Если бы Селлье спросили, как образуются идеи у человека, он бы ответил: они являются продуктом окружающей общественной среды. Но что представляет собою окружающая общественная среда? Это совокупность тех самых общественных отношений, которые, по мнению того же Селлье-дю-Файелль, имеют своим источником человеческую мысль.

Таким образом, мы получаем следующую антиномию:

1) Общественная среда есть продукт мысли.

2) Мысль есть продукт общественной среды.

Пока нам не удастся вырваться из этого противоречия, мы ничего не будем понимать ни в истории мысли, ни в истории общественных форм.

Если вы возьмете, например, эволюцию литературной критики в XIX столетии, вы увидите, что она была не в состоянии, и отчасти до сих пор не в состоянии, разрешить эту антиномию. Так, по мнению Сент-Бёва, всякая революция в обществе сопровождается литературной революцией. Но чем порождаются общественные революции? Они вызываются развитием человеческой мысли; но так как в цивилизованных обществах эволюция мысли находит свое выражение в литературной эволюции, то мы натыкаемся на ту же антиномию: литературная эволюция обусловливается общественной эволюцией; общественная эволюция обусловливается литературной эволюцией. Философия искусства Ипполита Тэна страдает тем же основным недостатком.

Мы увидим сейчас, каким образом исторической концепции Маркса удалось разрешить эту антиномию.

Материалистическая теория Маркса является прямой противоположностью теории XVIII столетия. Сравнивая свой метод с методом Гегеля, Маркс говорит в предисловии ко второму немецкому изданию «Капитала»: «Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный суб'ект, есть демиург действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное».

Вот м а т е р и а л и с т и ч е с к о е понимание истории человеческой мысли. Энгельс ту же теорию изложил в более популярной форме, сказав, что не мышление определяет бытие, а бытие определяет мышление.

Но чем же, — спросят меня, быть может, — определяется форма бытия, если она не определяется мышлением?

Форма бытия общественного человека определяется его средствами существования, которые, в свою очередь, зависят от состояния производительных сил, находящихся в распоряжении общественного человека, т. е. общества. Производительные силы, которыми располагает дикое племя, определяют форму бытия этого племени; производительные силы, которыми располагали европейцы в средние века, определяли строй феодального общества; производительные силы наших дней определяют строй современного общества, капиталистического, буржуазного общества.

Вы все, конечно, знаете, что характер оружия обусловливает состав армий, планов кампаний, передвижения, позиций, порядок сражений и т. д., и т. д. Этим и обусловливается столь глубокая разница между военными системами древних и

современных народов. Точно так же состояние производительных сил, средства и способы производства определяют отношения производителей между собою, т. е., следовательно, и всего общественного строя. Но раз дан общественный строй, легко понять, каким образом он определяет состояние нравов людей и строй их идей.

Чтобы легче было это понять, возьмем пример.

Реакционеры часто обвиняли французских философов XVIII столетия, энциклопедистов, в том, что они своей пропагандой подготовили Великую французскую революцию. Не подлежит сомнению, что эта пропаганда была условием sine qua non революции. Но позвольте спросить, почему эта пропаганда начинается лишь в XVIII столетии? Почему она не происходила в эпоху Людовика XIV? Где нужно искать ответа на этот вопрос? Может быть, в общих свойствах природы человека? Нет, эти свойства были те же во времена Боссюэ, как и во времена Вольтера. Но если французы времен Боссюэ не имели тех же идей, как во времена Вольтера, то это об'ясняется тем, что общественный строй Франции изменился. А где лежала причина этого изменения? В экономической эволюции Франции.

Беру другой пример — на этот раз из истории искусства во Франции.

Дайте себе труд посмотреть эти две гравюры, сделанные по Буше, и эти две фотографии двух знаменитых картин Луи Давида. Они представляют два совершенно различные фазиса в истории французской живописи. Всмотритесь в отличительные черты письма Буше и сравните их с отличительными чертами письма Давида и скажите мне, есть ли возможность об'яснить различие между этими двумя манерами живописи общими свойствами человеческой природы? Что касается меня, то я такой возможности не вижу. Я точно так же не понимаю, каким образом свойства человеческой природы могли бы мне об'яснить переход от живописи Буше к живописи Л. Давида. И, наконец, я не понимаю, в силу каких свойств человеческой природы переход от живописи Франсуа Буше к живописи Луи Давида должен был совершиться именно в конце XVIII столетия. Человеческая природа ничего не об'ясняет. Обратимся к материалистическому об'яснению истории искусства.

Повторяю еще раз — не п с и х о л о г и я, а п о л и т и ч е с к а я э к о н о м и я должна нам об'яснить эволюцию общественных форм и человеческой мысли. Не мышление определяет бытие, а бытие определяет мышление.

Против этого об'яснения истории, на которое так часто нападают идеологи буржуазии, выступил также Конрад Шмидт и выступит, по всей вероятности, и Бернштейн в серии статей, которые он публикует теперь в «Neue Zeit».

Впрочем, они не открыто выступают против него. Наоборот, они даже заявляют себя его сторонниками, но они так толкуют его, что совершенно отходят от м а т е р и а л и с т и ч е с к о г о об'яснения и возвращаются к идеализму или, вернее, к эклектизму.

Так, например, в одном немецком журнале, «Der Sozialistische Akademiker», Конрад Шмидт сказал, что экономика общества есть лишь эманация природы человека и что природа человека есть высшее и синтетическое единство (höhere zusammenfassende Einheit), фон, на котором разыгрывается действие всех факторов исторической эволюции. Но это высшее единство, — прибавляет он, — проявляется всегда в различных формах.

Чтобы понять всю ложность этой теории, достаточно спросить себя, каковы те силы, благодаря которым природа человека переходит от одной формы к другой?

Каковы те силы, благодаря которым природа американского янки так глубоко отличается от природы краснокожего? Эти силы, каковы бы они ни были, не кроются, очевидно, в природе человека. Следовательно, природа человека не есть то высшее и синтетическое единство, о котором нам говорит Конрад Шмидт.

Экономический строй нашего общества глубоко отличается от экономического строя краснокожих. Сказать, что этот строй есть эманация человеческой природы, значит не сказать решительно ничего, потому что вопрос именно в том и состоит, почему данная эманация так глубоко отличается от другой эманации. При ближайшем рассмотрении глубокая мысль Конрада Шмидта сводится к тому, что не было бы истории, если бы не было рода человеческого. Вот уж подлинно истина Ла Палиса! [1])

Таким образом, критика Конрада Шмидта далеко не опасна для материалистической концепции или, лучше сказать, она опасна лишь в том случае, если принимать Конрада Шмидта за марксиста.

З а к л ю ч е н и е.

И с этой точки зрения так называемый кризис в школе Маркса не очень трудно будет пережить.

В следующий раз мы увидим, есть ли что-нибудь серьезное в возражениях Бернштейна и Конрада Шмидта против э к о н о м и ч е с к и х воззрений Карла Маркса.

---

[1]) [Истина Ла Палиса (la vérité de la Palice) — это истина, очевидная сама по себе, которую нет надобности доказывать.]

М. ДЫННИК

ОТ ПРИМИРЕНИЯ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ К АПОЛОГИИ РАЗРУШЕНИЯ

(К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГЕГЕЛЬЯНСТВА МИХАИЛА БАКУНИНА)

Пожелтевшие от времени страницы «Московского Наблюдателя» за 1838 г., «Отечественных Записок» за 1840 г. и «Deutsche Jahrbücher» за 1842 г. сохраняют уже около столетия дерзкие мысли молодого Бакунина.

Его предисловие к переводу «Гимназических речей» Гегеля впервые провозгласило на страницах русской печати двусмысленное «примирение с действительностью», незаконченная статья «О философии» видела сущность истинного мировоззрения в исканиях порядка и бога, а через два года статья в левогегельянском журнале увенчала гегелевскую диалектику бунтарским лозунгом: «Страсть к разрушению есть творческая страсть».

От примирения с действительностью к апологии разрушения — таков путь, пройденный Михаилом Бакуниным за краткий промежуток времени, отделяющий его третью статью от первой; но есть внутренняя логика в этом развитии мысли, развитии столь неожиданном, что даже проницательный Герцен, приветствуя автора революционной статьи, помещенной в «Deutsche Jahrbücher», не узнал в мнимом французе Жюле Элизаре своего знакомца и соотечественника.

Для того, чтобы вычертить траекторию мысли Бакунина в бурный период (бурный, как вся его жизнь) 1838—1842 гг., необходимо учесть и отметить, что гегельянской пропаганде в Москве и Берлине предшествовало ученичество в Прямухине.

1837 год прошел для Бакунина под знаком пристального изучения Гегеля. Прямухинские конспекты показывают, как настойчиво углублялся он в энциклопедию абсолютного идеализма, с каким упорством все снова и снова распутывал тройные узлы диалектических хитросплетений.

В Москве — кружок Станкевича, бесконечные споры молодых гегельянцев; для Бакунина и Белинского это была подготовка к общественным выступлениям за «примирение с действительностью». «Нет параграфа во всех трех частях Логики, в двух — Эстетики, Энциклопедии и пр., который бы не был взят отчаянными спорами нескольких ночей», — говорит о кружке Станкевича Герцен в «Былом и Думах» [1]).

Первый печатный призыв к примирению с действительностью на основе гегелевской философии был не только личным выступлением Бакунина, но и событием

[1]) Герцен, Сочинения, т. II, стр. 311, изд. Павленкова, СПБ. 1905.

русской общественной мысли, своего рода политической декларацией, а вместе с тем опубликованием тезисов, в значительной мере продуманных членами кружка сообща.

«Предисловие переводчика к «Гимназическим речам» Гегеля» начинается резким выпадом против «ужасной, бессмысленной анархии умов, которая составляет главную болезнь нашего нового поколения, — отвлеченного, призрачного, чуждого всякой действительности». Фантастическим, произвольным, небывалым мирам, созданным отвлеченной философией, Бакунин противополагает действительный мир, «естественную и духовную действительность».

«До сих пор философия и отвлеченность, призрачность и отсутствие всякой действительности были тожественны; кто занимается философиею, тот необходимо простился с действительностью и бродит в этом болезненном отчуждении от всякой естественной и духовной действительности, в каких-то фантастических, произвольных, небывалых мирах, или вооружается против действительного мира и мнит, что в осуществлении конечных положений его конечного рассудка и конечных целей его конечного произвола заключается все благо человечества, и не знает, бедный, что действительный мир выше его жалкой и бессильной индивидуальности, не знает, что болезнь и зло заключаются не в действительности, а в нем самом, в его собственной отвлеченности» [1]).

Таким образом, русское гегельянство, продолжая борьбу немецкого об'ективного идеализма с философией суб'ективизма, уже в первом своем манифесте ополчалось против призрачной отвлеченности мысли, против индивидуализма конечного произвола и ограниченности конечного рассудка, выступая на защиту разумного, а не рассудочного познания действительности в ее необходимом, историческом развитии, перед лицом которого утопические цели отдельной личности бессильны и жалки.

Уже в бакунинском конспекте гегелевской «Энциклопедии» мы читаем: «...должно заметить, что философия не имеет другого предмета, кроме действительности» [2]).

Сравнивая «Предисловие переводчика» с прямухинским конспектом и с самой «Энциклопедией» Гегеля, легко убедиться, что терминологически и по существу бакунинская статья непосредственно примыкает к основным положениям системы германского философа.

Гегель, как известно, противополагал опыту и рассудку, как низшим формам познания, его высшую форму — разум; в своем конспекте «Энциклопедии» Бакунин тщательно отмечает это положение гегельянства (особенно в §§ 8 и 9 Введения); в «Предисловии» же он самым решительным образом выступает против конечных положений конечного рассудка, бессильного познать действительный мир, и противопоставляет рассудку высший элемент мышления — «разум, который разрешает все противоречия».

Так как конкретность, по Гегелю, является тожеством противоположностей, составляющим предмет диалектического мышления, то конечный рассудок вынужден

---

[1]) М. Бакунин, Предисловие переводчика к «Гимназическим речам» Гегеля. «Московский Наблюдатель», т. XVI, стр. 6, М. 1838.

[2]) М. Бакунин, Энциклопедия Гегеля, § 6; Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина. Приложение IV, стр. 703. М. 1915.

удовлетвориться формальною логикой, принципом отвлеченного тожества, и конкретной целости разума противополагается мертвый призрак рассудка.

Таким образом, нападки Бакунина на «отвлеченность и призрачность конечного рассудка, для которого нет ничего конкретного и который превращает всякую жизнь в смерть», вполне последовательны для правоверного гегельянца.

Следует подчеркнуть при этом социальную устремленность бакунинской мысли; всеобщее недоверчивое отношение к до-гегельянской философии он признает весьма основательным, так как она, благодаря своей отвлеченности, оказывает на человека разрушающее влияние, вместо того, чтоб приближать его к действительной жизни, «вместо того, чтоб образовать из него полезного и действительного члена общества».

Историческое развитие новой философии Бакунин рассматривает опять-таки с точки зрения гегельянства; в этом случае, как и во многих других, прямая линия ведет к «Предисловию переводчика» от прямухинских записей, в чем не трудно убедиться путем сравнительного изучения текстов.

В «Предисловии переводчика» мы читаем: «Реформация потрясла его (папизма. — М. Д.) авторитет, но вместе потрясла и всякий другой авторитет и дала повод к бесконечным исследованиям во всех сферах жизни. Сюда принадлежит возрождение эмпирических наук и философии. Эмпирические науки, ограниченные созерцанием конечного мира, мира, доступного конечности чувственного, внешнего и внутреннего созерцания, быстро подвигались вперед и в короткое время ознаменовались блистательным успехом; но вне конечного мира лежала еще другая сфера, недоступная чувственному созерцанию, — сфера духа, абсолютного, безусловного, и эта сфера сделалась предметом философии».

В конспекте же гегелевской «Энциклопедии» Бакуниным было записано: § 7 «...после Реформации, когда свобода была возвращена размышлению, философиею называли всякую теорию, охватывающую общие, постоянные законы в бесконечном мире эмпирических преходящих единичностей, а потому и содержание философии было взято из эмпирических, внешних и внутренних созерцаний и наблюдений». § 8: «...опытное знание, сначала удовлетворительное, не заключало, однако же, в себе другой сферы предметов: свободы, духа, бога. Не то, чтоб опыт об них не знал, нет, он знает об них, потому что они входят в сознание в форме чувства, но потому что они проявляются по содержанию своему бесконечными».

Гегелевская мысль об исторической обусловленности каждой отдельной системы, о постепенном приближении разума к познанию истины руководила Бакуниным в его анализе немецкой философии—Канта, Фихте, Якоби, и французской—Вольтера, Руссо, Дидро, Даламбера. В отношении к Канту особенно ярко проявляется гегельянство Бакунина. «Канту пришла в голову странная мысль, — пишет он в «Предисловии переводчика», — проверить способность познавания, прежде приступления к самому познаванию. Эта поверка составляет содержание его «Критики чистого разума», но спрашивается: какое же орудие употребил он для поверки познавательной способности, как не эту же самую познавательную способность?»

Таким образом, в своей критике Канта Бакунин всецело присоединяется к позиции Гегеля, говорившего, что стремление исследовать природу разума, прежде чем приступить к самому познанию, подобно намерению некоего схоластика на-

учиться плавать прежде, чем итти в воду. В «Энциклопедии» Гегеля мы читаем: «Одно из основных воззрений критической философии есть то, что прежде, чем приступить к познанию бога, сущности вещей и т. п., необходимо исследовать, может ли наша способность знания вести к нему, потому что нужно прежде знать инструмент, чем предпринимать труд, который должен быть исполнен с его помощью... Эта мысль оказалась так проста, что она возбудила всеобщее удивление и согласие и отвлекла ум от предметов знания, чтобы сосредоточить его на познании самого себя, на познании формальных элементов мысли» [1]).

В бакунинском конспекте «Энциклопедии» эта мысль Гегеля передана следующим образом: «Главное основание критической философии есть исследование, познание познавательной способности прежде приступления к познаванию. Мысль эта, долго увлекавшая всех, противоречит самой себе — для того, чтобы познать познавательную способность, должно употребить неисследованную познавательную способность».

Как видно из этого сопоставления, бакунинская характеристика Канта является почти дословным переводом отрывка из «Энциклопедии», сначала проконспектированного в Прямухипе, а затем с незначительными изменениями повторенного в «Предисловии переводчика».

Для Бакунина, как и для Гегеля, философия есть наука о действительности,— вот почему основным недостатком философии Канта и Фихте он считает ее оторванность от действительности, ее гносеологический суб'ективизм; система Якоби была выражением «прекраснодушия», отказа от мышления; Шиллер в своих драмах «Коварство и любовь» и «Разбойники», восставая против общественного порядка, также заплатил дань прекраснодушию, но, преодолев отвлеченность своим учением о конкретном единстве суб'екта и об'екта, положил начало возврату философской мысли к действительности.

«Шеллинг возвел это единство до абсолютного начала, и, наконец, система Гегеля венчала это долгое стремление ума к действительности: что действительно, то разумно, и что разумно, то действительно.

«Вот основа философии Гегеля, основа, которая нашла еще много противников между призрачными современниками великого берлинского философа, а особенно возбудила негодование в рядах этой смешной юной Германии, которая хотела переделать свое умное отечество по своим детским фантазиям».

Итак, об'ектом философского познания Бакунин, целиком следуя за Гегелем, признает действительность, которая должна быть единственным основанием истинного мировоззрения. Отсюда—его нападки на французский материализм XVIII века, это «творчество неодухотворенной плоти».

---

[1]) «Ein Hauptgesichtspunkt der kritischen Philosophie ist, dass, ehe daran gegangen werde, Gott, das Wesen der Dinge u. s. f. zu erkennen, das Erkenntnisvermögen selbst vorher zu untersuchen sei, ob es solches zu leisten fähig sei; man müsse das Instrument vorher kennen lernen, ehe man die Arbeit unternehme, die vermittelst desselben zu Stande kommen soll... Dieser Gedanke hat so plausibel geschienen, dass er die grösste Bewunderung und Zustimmung erweckt, und das Erkennen aus seinem Interesse für die Gegenstände und dem Geschäfte mit denselben, auf sich selbst, auf das Formelle, zurückgeführt hat.. Erkennen wollen aber, ehe man erkenne, ist eben so ungereimt, als der weise Vorsatz jenes Scholasticus, schwimmen zu lernen, ehe er sich ins Wasser wage». (H e g e l, Werke. Berlin, Duncker und Humblot. 1840. VI. Encyclopädie. I. Logik. S. 16).

Выступая на защиту религии и государства, Бакунин (кто узнает в нем будущего апостола анархии!) резко ополчается против революции: «...Революция была необходимым следствием этого духовного развращения. Где нет религии, там не может быть государства, и революция была отрицанием всякого государства, всякого законного порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть несколько возвышалось над бессмысленной толпой».

В применении к эпохе Николая I примирение с действительностью оказалось апологией «крепкого и действительного русского человека, преданного царю и отечеству».

Христианство, царь и отечество — таковы идеологические атрибуты гегелевской действительности в интерпретации «Предисловия переводчика».

Примирение с действительностью Бакунин назвал великой задачей своего времени. «Будем надеяться, — говорит он, — что новое поколение сроднится, наконец, с нашею прекрасной русской действительностью и что, оставив все пустые претензии на гениальность, оно ощутит, наконец, в себе законную потребность быть действительными русскими людьми».

Необходимо отметить, что этот путь — от системы гегельянства к политическому консерватизму на основе учения о действительности — был проделан Бакуниным опять-таки по следам самого Гегеля, чья философия должна была служить идеологической подпоркой для прусского трона. И в то же время философия эта была действительно «алгеброю революции», как назвал ее Герцен. В этом — противоречие между системой об'ективного идеализма, претендующей на абсолютную значимость, и диалектическим методом, утверждавшим историческую преемственность мировоззрений.

Впоследствии Фридрих Энгельс показал, что гегелевский тезис: действительное—разумно, развивается в свой антитезис: действительное—неразумно; теория исторического материализма, «сохранив» гегельянство, разрешила и это противоречие.

«Ни одно из философских положений, — говорит Фридрих Энгельс, — не было предметом такого сочувствия со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов, как знаменитое положение Гегеля: «Все действительное — разумно, все разумное — действительно».

Ведь оно, очевидно, было оправданием всего существующего, философским освящением деспотизма, полицейского государства, келейных расправ, цензуры. Так думал Фридрих-Вильгельм III, так думали его подданные. Но у Гегеля далеко не все существующее—действительно. Атрибут действительности принадлежит лишь тому, что в то же время необходимо... «По мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность» [1]).

Нельзя забывать, однако, что подобное истолкование «действительности» является уже дальнейшим выводом из философии Гегеля: «Вышеприведенные взгляды, — говорит Фридрих Энгельс, — изложены нами гораздо резче, чем они изложены у Гегеля. Они представляют собою вывод, к которому неизбежно приводит его метод, но этот вывод никогда не был сделан им самим с такой ясностью» [2]).

---

1) Фр. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 28, М. 1918.

2) Там же, стр. 31.

Как мы видели, Бакунин в «Предисловии переводчика» не делает этого революционного вывода из гегелевского учения о разумной действительности и целиком придерживается консервативного его истолкования, т. е., другими словами, он следует за Гегелем, не опережая его ни на шаг, а вернее — даже несколько отставая от него, так как проблема взаимоотношения между «действительным» и «существующим», поставленная Гегелем, не была затронута в этой статье.

Бакунин в 1838 г. не имел, да и не мог иметь, данных для преодоления гегелевской системы, которая в «Предисловии переводчика» выступает на первый план по сравнению с методом.

Применяя гегельянство к условиям «прекрасной русской действительности» эпохи Николая I, Бакунин целиком сохранил учение о действительности в его гносеологической части; что же касается политических выводов, то в этой области ему пришлось апологию прусской монархии заменить апологией монархии русской.

Под этой уродливой скорлупой политического преклонения перед тогдашней действительностью (вместе с Бакуниным к тому же пришел и Белинский) скрывалась, однако, весьма здоровая мысль, ибо философский смысл бакунинского примирения с «прекрасной русской действительностью» состоял в требовании конкретности мышления.

Вот что говорит Плеханов о «русской образованной молодежи тридцатых годов»:

«Русская действительность», — крепостное право, деспотизм, всемогущество полиции, цензура и проч., — казалась ей несправедливой. Она с невольным сочувствием вспоминала о недавней тогда попытке декабристов изменить к лучшему наши общественные отношения. Но она, — по крайней мере самые даровитые люди в ее среде, — уже не довольствовалась ни отвлеченным революционным отрицанием XVIII века, ни кичливым и себялюбивым отрицанием романтиков. Благодаря Гегелю она стала уже гораздо требовательнее. Она говорила себе: «Докажи разумность своего отрицания, оправдай его об'ективными законами общественного развития или откажись от него, как от личной прихоти, как от ребяческого каприза». Но оправдать отрицание русской действительности внутренними законами развития самой этой действительности — значило решить такую задачу, которая не по силам самому Гегелю». И дальше:

«После всего сказанного понятно, почему молодые русские последователи Гегеля начали полным примирением с русской «действительностью»: не оправданное теоретически, их отрицательное отношение к ней лишалось в их глазах всякого разумного нрава па существование. Отказываясь от него, они самоотверженно и бескорыстно приносили свои собственные стремления в жертву философской добросовестности» [1]).

Под знаком философской добросовестности, о которой говорит Плеханов, было написано и «Предисловие переводчика», впервые на страницах русской печати сформулировавшее проблему конкретного мышления в философии и политике, — проблему, только значительно позднее разрешенную для России, но уже не гегельянцами, а марксистами.

[1]) Г. Плеханов, Примечания к «Людвигу Фейербаху» Энгельса. (Сочинения, т. VIII стр. 362—363.) Об этом же см. Г. Плеханов, Виссарион Григорьевич Белинский. (Сочинения, т. XXIII, стр. 121.)

Внимательного читателя бакунинского «Предисловия» должно поразить то обстоятельство, что в этой статье, целиком посвященной проблеме примирения с действительностью, не дано подробного анализа самого понятия «действительность». Между тем, именно то или иное понимание «действительности» могло послужить отправным пунктом для изложения и критики гегельянства. Марксистское преодоление гегелевской философии, как мы уже видели раньше, в значительной мере опирается именно на анализ и расшифровку «действительности».

Однако было бы ошибкой предположить, что проблема анализа действительности прошла незамеченной для Бакунина: для этого он был слишком усердным учеником и слишком восторженным поклонником немецкого диалектика.

В письме 1838 г., приведенном у Корнилова [1]), Бакунин пишет: «Чем ближе мы к действительности, тем ближе мы к истине и тем истиннее, тем пламеннее взаимная любовь наша... Понять и полюбить действительность — вот все назначение человека. Я говорю здесь не о том, что обыкновенно понимают под словом действительность: стул, стол, собака, Варвара Дмитриевна, Александра Ивановна,— все это мертвая, призрачная, а не живая и не истинная действительность. И в нас также есть призрачная действительность — это рассудок, когда, выйдя из своей законной сферы, из сферы познавания конечных предметов, он входит в сферу бесконечного. Мы все воспитаны в этом призраке — в рассудке — и потому все должны освободиться от него. Освобождение от рассудка есть мысль, основанная на откровении. В нас всех теперь живут и борются два противоположных элемента: откровение и рассудок... Посредница между этими двумя противоположными элементами нашей жизни есть мысль, которая вырывает ум наш из конечного определения рассудка и преображает его в разум, для которого нет противоречий и для которого все благо и все прекрасно. И потому, друзья мои, мыслите, а не рассуждайте».

Цитируемое письмо особенно важно для нас потому, что оно позволяет понять ту позицию, исходя из которой Бакунин обрушился на Белинского за его понимание действительности.

Равным образом и конспект «Энциклопедии» свидетельствует о том интересе, какой проявлялся Бакуниным по отношению к понятию «действительность».

Интересно, что знаменитая формула «Что̀ разумно — то действительно, и что̀ действительно — то разумно», в «Предисловии» приведенная без каких-либо комментариев по существу понятия «действительность», в конспекте сопровождается целым параграфом, значение которого для развития бакунинской мысли громадно.

«Что Разумно — то действительно, и что действительно — то Разумно.

«Против этого положения, выговоренного в первый раз в введении Философии Права, нападали и нападают со всех сторон: сперва должно условиться в том, что такое действительность, и отличить ее от случайности, имеющей возможность быть не так и иначе: в Религии это положение выговорено очень ясно в представлении, что Бог управляет миром. Положенью этому противоречит мысль, что Идеи — Химеры и вся философия — система подобных Химер, и другая, что Идеалы слишком совершенны для того, чтоб осуществиться в действительности.

---

[1]) «Молодые годы Михаила Бакунина», стр. 404 — 405, М. 1915.

Но разделение Действительности и Идеи всего более производится рассудком, который считает свои отвлеченные мечты за нечто истинное и предписывает Долг. — Если б мир был таков, каким, по мнению его, должен быть, то куда б девалось его пресловутое должен; а если он не таков, то не слаба ли истина, которая не имеет силы покорить себе действительность. Рассудок этот может быть и прав, когда он со своим должен обращается к внешним, случайным, пошлым предметам, постановлениям, положениям и т. д., которые могут в известном частном круге и в известном времени иметь большую относительную действительность; но в сфере философии это нелепо, потому что философия имеет предметом Идею, слишком сильную для того, чтоб не мочь проявиться в действительности».

Как видно уже из приведенных цитат, «Предисловие переводчика» отнюдь не исчерпало всего материала, проработанного Бакуниным при изучении сущности «действительности».

С другой стороны, нельзя забывать того спора, какой возник между Бакуниным и Белинским по поводу примирения с действительностью. Подробное рассмотрение этого специального вопроса не входит в задачи настоящей статьи, — напомним, однако, что учение Белинского о действительности Бакунин считал «искажением своей подлинной мысли и доказательством низменности натуры Белинского».

Сам же Белинский в письме к Бакунину говорит, что в горниле его духа «выработалось самобытно значение великого слова «действительность» [1]).

В этом самобытном значении действительность была для Белинского «чудовищем, вооруженным железными когтями и железными челюстями»; на этом основании Белинский говорил о необходимости полного подчинения существующему строю, а примирение с жизнью понимал как абсолютный квиетизм, как приятие всего существующего во всей его пошлости, грубости и прозаичности. Примирение с действительностью в понимании Белинского приняло форму теоретического и практического фатализма, приемлющего целиком полицейский режим Николая I.

Бакунин, уже преодолевший свои аналогичные настроения, называл этот взгляд Белинского на действительность механическим и резко подчеркивал его несоответствие философии Гегеля.

В письме к Станкевичу от 13 мая 1839 г. Бакунин писал:

«Я давно не видал Виссариона, но судя по тому, что̀ о нем рассказывают, судя по проявлениям его ненависти (действительной или мнимой, — не знаю) к нам, — он должен быть в ужасно тяжелом состоянии духа. Он, кажется, совершенно отдался движениям и побуждениям своей грубой чувственности, в которой он видит ту святую действительность, о которой говорил Гегель; он дошел до того, что всякий пошлый действительный человек стал для него идеалом, и в одном письме ко мне он серьезно завидовал и советовал мне завидовать действительности какого-то Мосолова, который любит лошадей и который выучился английскому языку, потому что на нем написано много сочинений о лошадиных свойствах и достоинствах; он ругает (или, по крайней мере, ругал — теперь не знаю как) Шиллера дураком за то, будто бы, что он принес ему большой вред своим идеальным направлением» [2]).

---

[1]) Белинский, Письма. Под редакцией Е. А. Ляцкого. I, стр. 228, СПБ. 1914.

[2]) См. Ю. Стеклов, Михаил Александрович Бакунин, т. I, стр. 72—76, М. 1920.

Анализ действительности, как мы видим, самым живым образом занимал наших гегельянцев, и вполне естественным представляется, что Михаил Бакунин посвятил ему почти целиком большую статью «О философии», напечатанную в IX томе «Отечественных записок» за 1840 год.

Интересно отметить, что в письме к Станкевичу от 10 декабря 1839 г. Грановский писал:

«Мишель написал очень умную статью для «Отечественных записок». Умно, дельно и просто».

Обращаемся к этой статье.

Исходным пунктом всего построения является указание на противоречивость существующих оценок философии: для одних она — пустая игра воображения, отрывающая человека от действительности и из здорового, полезного члена общества превращающая его в болезненное и бесполезное существо; для других — философия — высшая наука, разливающая свет на все отрасли знания, «единственное средство к примирению человека, уже подпавшего раз пагубному влиянию скептицизма, с действительностью, с небом и землей». Разрешение этого противоречия Бакунин и ставит задачей своей статьи.

Если мы вспомним, что «Предисловие переводчика» конструктивно является противоположением философии «прекраснодушия» и философии действительности в ее гегельянском преломлении, то очевидно станет, что в статье своей «О философии» Михаил Бакунин продолжает цепь мыслей, первые звенья которой были даны в «Предисловии».

Его первая статья была своего рода агитационным выступлением на пользу гегельянства в форме призыва к примирению с действительностью; вторая статья, дополняя первую, должна была раскрыть по существу основные положения философии действительности. При этом следует подчеркнуть также, что социальная устремленность мысли Бакунина, отличающая первую статью, остается характерным признаком и второй. Философия действительности в его понимании, это — мировоззрение действительного, полезного члена общества.

Для разрешения вышеуказанного противоречия в оценке философии Бакунин считает необходимым прежде всего определить, что́ такое философия, и, исходя из ее определения, ответить на вопросы: полезна ли философия и возможна ли она? Статья осталась неоконченной, и в напечатанной части рассматривается только первая проблема.

В своем определении философии Бакунин целиком и безоговорочно примыкает к Гегелю.

«Предмет философии, — говорит он, — не есть отвлеченное-конечное, точно так же, как и не отвлеченное-бесконечное, но конкретное, неразрывное единство того и другого: действительная истина и истинная действительность.

«Итак, философия есть познание истины. Гегель, увенчавший системою своею величественное здание новой германской философии, говорит, что теперь настало время, когда философия из любви к мудрости, к истине — должна превратиться в действительное знание истины» [1]).

[1]) М. Бакунин, О философии. «Отечественные записки». 1840, IX, стр. 58. «Der Ausdruck von objectiven Gedanken bezeichnet die Wahrheit, welche der absolute Gegenstand, nicht blos das Ziel der Philosophie sein soll». (Hegel, ibid. p. 59.)

При дальнейшем уточнении определения философии Бакунин анализирует понятия «знание» и «истина», причем на первый план им выдвигается необходимость как одно из главных определений истины.

Тем самым этот ход мысли русского гегельянца сороковых годов приобретает особое значение, так как именно в необходимости, как атрибуте действительности, заключается одна из революционных, взрывчатых сил гегелевской философии.

Преодоление фатальной действительности «с железными когтями и железными челюстями» было возможно (как это ни кажется странным с первого взгляда) именно путем рассмотрения необходимости как атрибута действительности. Все действительное разумно, но все необходимо развивается; бывшее разумным становится неразумным.

Действительное не следует отожествлять с существующим.

«Когда я знаю, например, что в моей комнате стоит стол, то ведь это также знание истины, потому что стол в самом деле стоит в моей комнате; по крайней мере, многие из наших врагов философии не посовестятся назвать такое знание истинным; а если и посовестятся, то не иначе, как изменив своему тайному началу, состоящему в отрицании всякой другой истины, кроме бесконечного многоразличия случайностей, наполняющих мир. Что стол стоит в моей комнате — может быть совершенно справедливо, но это не более, как случайность, не заключающая в себе никакого интереса и не имеющая права на название истины, ибо одно из главных определений истины есть необходимость».

Приведенный отрывок из статьи «О философии», столь ярко характеризующий бакунинское понимание действительности в духе Гегеля, начинает собою ряд абзацев принципиального значения.

Прежде всего, анализ понятия «необходимость» приводит Бакунина к детерминистическому пониманию истории.

«В наше время многие отрицают пребывание «необходимости» в истории, а следовательно, видят в ней не более, как пустую игру случайностей, и, несмотря на это, утверждают пользу истории и называют ее наукою. Но в этом заключается явное противоречие: если всемирная история в самом деле не более, как бессмысленный ряд случайностей, то она не может интересовать человека, не может быть предметом его знания и не в состоянии быть ему полезною».

Далее Бакунин подчеркивает монистический характер философии действительности и указывает, что гегельянство выяснило неразрывное и разумное единство всеобщего и особенного, бесконечного и конечного, единого и многоразличного; сама гегелевская философия явилась результатом всемогущей диалектики исторического развития духа.

Как гегельянец, т. е., другими словами, как об'ективный идеалист, Бакунин под термином «истина» подразумевает «абсолютную, т. е. единую, необходимую, всеобщую и бесконечную, истину, осуществляющуюся в многоразличии и в конечности действительного мира».

Но если философия есть знание абсолютной истины, если ее предметом является всеобщее и необходимое, то, спрашивается, чем философское знание отличается от эмпирических наук, отыскивающих всеобщие и необходимые законы и причины отдельных явлений.

Отличие это Бакунин, следуя за Гегелем, видит в том, что «эмпиризм (разумея под этим словом как безжизненное собрание фактов, так и теории) не может удовлетворить познающего духа; его нельзя назвать действительным знанием истины, потому что он не в состоянии обнять ее; он не в состоянии возвыситься до истинно-всеобщего и единого начала и не в состоянии указать необходимость развития и осуществления этого начала в многоразличии действительного мира; вследствие этого он не может даже доказать необходимость тех общих законов, тех относительных всеобщностей, которые ему доступны».

Как видно из приведенного материала, статья «О философии» является логическим развитием «Предисловия переводчика»: пропаганда философии действительности дополняется анализом самих понятий «философия» и «действительность»; вместе с тем, «примирение с действительностью» изживается путем рассмотрения необходимости как атрибута действительности, чем проводится резкая демаркационная линия между понятиями «существующее» и «действительность» [1]).

На-ряду с этим анализ таких понятий, как «необходимость», «детерминизм в истории», «единство истины», вплотную подводит Бакунина к задаче рассмотрения метода философии Гегеля; в обещанной второй половине статьи автор собирался показать, каким образом «самостоятельное и необходимое развитие самого духа» делает возможным истинно-философское знание, однако статья «О философии» так и осталась незаконченной, и показателем дальнейшего развития гегельянства Бакунина является уже статья «Реакция в Германии», напечатанная в 1842 г. в «Deutsche Jahrbücher».

В 1840 г., выполняя давно задуманный план, Бакунин переехал в Германию, где целиком был захвачен революционным движением в философии и политике.

Если на фоне такой отсталой экономически и политически страны, какой была николаевская Россия тридцатых годов, философия Гегеля не достаточно четко обрисовала, в понимании Бакунина, свой диалектический смысл (хотя уже там он усвоил революционное значение самого понятия «действительность»), то в Германии, завершая параболу своего истолкования об'ективного идеализма, он примкнул к левому флангу гегелевского лагеря.

«Европа переживала тогда критический период назревания революции. После подавления революционных движений двадцатых и тридцатых годов приближался новый вал, которому суждено было в 1848 г. захлестнуть все европейские троны. Италия не переставала бороться за национальную независимость и об'единение; Франция бурлила, как котел, подготовляя социальные выступления пролетариата; сама богобоязненная и филистерская Германия собиралась нарушить свою репутацию лойяльности. В Германии началась и крепла борьба буржуазии против полуфеодальной монархии. В самой буржуазии выделилось левое, радикальное крыло с республиканскими тенденциями и смутно-социалистическими симпатиями, питавшимися из обильного источника утопических школ и начинавшего поднимать голову

[1]) К 1840 г. от «примирения с действительностью» отказался и Белинский: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с действительностью» и «Я не сойдусь, не помирюсь с пошлою действительностью, но счастья жду от одних фантазий и только в них бываю счастлив. Действительность — это палач». — Белинский, Письма. Под ред. Ляцкого, т. II, стр. 163 и 166, СПБ. 1914. (Письмо к Боткину от 4 октября 1840 г.)

революционного коммунизма. И эта школа радикалов, особенно группа «берлинских молодых», с которыми у Бакунина установились связи, подвергла пересмотру все господствовавшие воззрения, в том числе и философскую систему Гегеля. Появилась школа «левых гегельянцев», дававшая философское выражение назревавшим революционным стремлениям» [1]).

В статье своей «Реакция в Германии» Бакунин главное внимание, в противоположность московским статьям, обращает на диалектику Гегеля и применяет ее, в качестве метода, к рассмотрению политических противоречий тогдашней Европы.

Путь мысли Жюля Элизара проходит от логики непосредственно в область политики, и, сделав крайние революционные выводы из философии Гегеля, Бакунин попрежнему остается об'ективным идеалистом.

«Свобода, реализация свободы («Freiheit, Realisierung der Freiheit») — кто станет отрицать, что это слово стоит на первом месте в порядке дня истории. И друг, и враг должны это признать, и никто не осмелится открыто и смело признать себя врагом свободы» [2]).

Однако в действительности, — говорит Жюль Элизар, — существует много врагов свободы; из них, прежде всего, следует назвать представителей старого поколения, а затем и молодых людей из аристократии, мещанства, коммерсантов и чиновничества.

Не останавливаясь подробно на этих двух первых группах врагов свободы, Бакунин переходит к третьей категории «противников принципа революции» — к реакционной партии.

Замечательно, что Бакунин реализацию свободы отожествляет с революцией («Es gibt aber noch eine dritte Kategorie von Gegnern des Princips der Revolution»); вся статья является по существу приложением гегелевской диалектики к разрешению вопросов политической жизни тогдашней Европы, — революционной прокламацией, пропущенной близоруким цензором по недосмотру.

Обращаясь к рассмотрению реакционной партии, Бакунин прежде всего указывает, что она отнюдь «не игра случая, но имеет свое глубокое основание в развитии современного духа».

То примирение с действительностью, о котором говорило «Предисловие переводчика», оплодотворенное анализом действительности, данным в статье «О философии», здесь выступает как требование реальной политики, как обоснование революционных задач на основе диалектического рассмотрения движущих сил истории и революции. (Не следует забывать, конечно, при этом, что и здесь Бакунин остается гегельянцем, т. е. об'ективным идеалистом, понимая исторический процесс как «саморазвитие духа».)

«Вообще я не отвожу случайности никакого действительного значения в истории», — говорит Бакунин, повторяя мысль своей второй статьи; по его указанию, назвать господство реакции случайным значит оказать демократии (т. е. революции) плохую услугу.

---

[1]) Ю. Стеклов, Михаил Александрович Бакунин, т. I, стр. 90, М. 1920.

[2]) Jules Elysard, Die Reaction in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen.— «Deutsche Jahrbücher» 1842, №№ 247—251.

Революционер отнюдь не должен строить свои планы на преуменьшении силы реакции; наоборот: «нет ничего полезнее для демократической партии, как признание своей временной слабости и относительной силы своего противника; благодаря этому признанию она впервые приходит от неопределенности фантазии к действительности, в которой она должна жить, страдать, и, наконец, победить».

Так завершился переход мысли Бакунина от примирения с действительностью к обоснованию революции на основе анализа действительности, рассматриваемой с точки зрения необходимости.

Революция победит окончательно тогда, когда демократия будет понята не только как оппозиция против господствующей реакции, не только как отдельные конституционные или политико-экономические изменения, но как полный переворот (Umwandlung), никогда еще не имевший места в истории и полагающий начало совершенно новой жизни. В этом смысле демократия должна стать религией, т. е. не только проводить свои принципы в мышлении и рассуждении, но и оставаться им верной в действительной жизни до самых малейших явлений. Как видно из контекста, термин «религия» употребляется здесь Бакуниным не в своем обычном значении, но в смысле совпадения теории и практики.

Сила реакционной партии не случайна, но необходима; реакция имеет свою опору не в недостаточности (Unzulänglichkeit) демократического принципа, но в недостаточности демократической партии, которая еще не пришла к положительному пониманию своего принципа и поэтому существует только как отрицание наличной действительности. Понимаемая только как отрицание, демократия ставит себя вне всей полноты жизни; поэтому она до сих пор остается партией, а не живой действительностью (lebendige Wirklichkeit), будущим, а не настоящим, — в чем и состоит ее недостаток.

По своей сущности, по своему принципу демократическая партия является всеобщим (Allgemeines), всеоб'емлющим, но по своему существованию, как партия, она только особое (Besonderes) отрицательное, чему противополагается другое особое — положительное.

Учение Гегеля о диалектическом процессе, об историческом развитии абсолютного духа применяется Бакуниным к практике политической жизни; борьба демократии с реакцией и окончательная победа революции рассматриваются им как борьба антитезиса с тезисом, разрешаемая конечным синтезом.

Задачи демократии — не только в отрицании, но и в преодолении реакции; для этого в самой демократии должно произойти изменение, и притом не только количественное, что привело бы к абсолютному отрицанию, но изменение качественное, новое, живое и живительное откровение (Offenbarung), новое небо и новая земля, юный мир, в котором все противоречивые диссонансы разрешаются в гармоническое единство.

Таким образом, диалектика Гегеля, примененная Бакуниным к рассмотрению вопросов политической жизни, приводит его к провозглашению революции, целиком изменяющей существующие социальные отношения, — революции, совершающей переход от количества к качеству, т. е. полагающей начало совершенно новому социальному строю, к которому приведет необходимость исторического развития и в котором борьба реакции и демократии будет разрешена полной реализацией свободы.

Никакое посредничество между демократией и реакцией, между отрицательным и положительным, — невозможно; наоборот, отрицательное свою силу почерпает в положительном — в реакции.

Напрасно демократии ставят в вину ее отрицательное значение; отрицательное не изолировано от положительного, вся его сущность, содержание и жизненность заключаются в разрушении положительного, и примирения между ними не может быть.

Детерминистическое понимание истории, характерное уже для автора статьи «О философии», раскрывается здесь Жюлем Элизаром во всем своем гегельянско-диалектическом смысле, и противоречие признается основной движущей силой общественного развития.

«Die Herren sind an die Logik Hegels zu verweisen, wo die Kategorie des Gegensatzes so schön behandelt ist».

Главнейшей категорией, господствующим бытием «нашего времени» Жюль Элизар признает противоречие и на этом основании называет Гегеля «величайшим философом нашего времени, величайшей вершиной нашей современной односторонне-теоретической культуры», так как именно учение о противоречии и его имманентном развитии является одним из важнейших отделов гегелевской философии.

Как мы видим, переход от примирения с действительностью к революционной борьбе с реакцией для Бакунина был одновременно переходом от системы Гегеля к его диалектике; анализ «разумной действительности» вскрыл ее действительные противоречия, и если в предисловии к переводу «Гимназических речей» Гегеля примирение с действительностью было названо великой задачей нашего времени, то в статье «Реакция в Германии» противоречие признается «главнейшей категорией нашего времени».

Равным образом, требование примирения с действительностью, первоначально, в применении к политической жизни, истолкованное Бакуниным реакционно, здесь диалектически разрешается в требование конкретности политического мышления, учета действительных сил реакции и изучения диалектики исторического развития.

В конечном итоге Бакунин отчетливо понял, что философия действительности вовсе не обозначает необходимости политического примирения с этой действительностью, что дело обстоит совершенно иначе и что социальные противоречия, характеризующие действительность, борьба положительного и отрицательного, реакции и революции, делают особенно ценным в гегельянстве именно его диалектический метод, а не систему философии.

Рассматривая логическую природу противоречия, Жюль Элизар указывает, что противоречие является абсолютным и истинным лишь в совокупности обоих своих односторонних членов: положительного и отрицательного. Однако все нападки на односторонность его противоречащих членов покоятся на недоразумении; полнота противоречия есть скрытая полнота для себя (eine ansichseiende verborgene Totalität), будучи же действительностью, противоречие осуществляется не как полнота, но как раздвоение обоих своих членов.

Положительное может отрешиться от своей односторонности только через связанное с ним отрицательное; отсюда вытекает великая историческая роль революции.

«Все конечное не ограничено только извне, но, по собственной природе, снимается и переходит в свое противоположное» [1]).

Если логическое противоречие не допускает примирения между своими членами, то параллельно с этим не может быть примирения и в области социальных противоречий. «Стабилизация реакции» перед революцией 1848 г. не могла заставить Бакунина отказаться от диалектического рассмотрения политической действительности. Утверждению реакционеров, что революция прошла, что наступила эпоха социального мира и спокойствия, он противополагает заявление, что никогда еще социальные противоречия не были столь обостренными, ибо свобода, равенство и братство обозначают «полное уничтожение существующих политических и социальных отношений».

Гегелевский саморазвивающийся дух понимается Жюлем Элизаром как революционный дух, потрясший мир, снова вернувшийся «in sich» и, как крот, роющийся под землею, совершающий свое дело в Англии, Франции, России.

Вера в конечную победу этого революционного, вечного духа, который именно потому разрушает, что является живительным источником всякой жизни, и заставляет Бакунина закончить статью исторической фразой:

«Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust».

«Страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть».

---

[1]) Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 134. Пер. Чижова, М. 1861.—«Das Nähere aber ist, dass das Endliche nicht bloss von aussen her beschränkt wird, sondern durch seine eigne Natur sich selbst aufhebt und durch sich selbst in sein Gegenteil übergeht». (Hegel, ibid. p. 152.)

Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже две статьи Энгельса об Англии были предназначены для нью-йоркского немецкого журнала «Революция», издававшегося другом Маркса и Энгельса, Иосифом Вейдемейером (1818—1866) в 1852 г.; они не были напечатаны лишь потому, что журнал очень скоро прекратил свое существование. До сего времени думали, что статьи Энгельса, написанные для «Революции», пропали по дороге из Англии в Америку; но, как теперь выяснилось, пропали лишь первые две статьи, а последние две были получены Вейдемейером и сохранились в его литературном наследстве.

До своего переезда в Америку Вейдемейер издавал демократическую «Neue Deutsche Zeitung» во Франкфурте. Но под напором реакции 50-х гг. и особенно после раскрытия деятельности Союза коммунистов, активным членом которого Вейдемейер состоял, его газета была закрыта, и он был вынужден скрыться и уехать из Германии. В те тяжелые для немецкой политической эмиграции годы, особенно тяжелые для сторонников Маркса и Энгельса, Вейдемейер, несмотря на все старания Маркса, не мог найти себе средств к существованию (по профессии он был инженер). и 29 сентября 1851 г. он уехал в Америку. После сорокадневного путешествия он прибыл в Нью-Иорк, где его уже ждало письмо Маркса от 31 октября, в котором последний, после совещания с друзьями в Англии, советует Вейдемейеру открыть книжную торговлю и издать отдельными выпусками самые интересные статьи из «Немецко-брюссельской газеты», «Новой рейнской газеты» и ее «Обозрения». 1 декабря Вейдемейер пишет Энгельсу, что он намерен основать еженедельный журнал под названием «Революция», первый номер которого должен выйти в начале января, и просит всех друзей срочно прислать статьи и корреспонденции. Энгельс послал уже 18 или 19 декабря 1851 г. свою первую статью об Англии. О чем он именно писал, из переписки с Вейдемейером нельзя установить. Затем он стал ждать присылки первого номера журнала. В это время Марксу удалось привлечь к сотрудничеству Эккариуса, Пипера, Фрейлиграта, Фердинанда и Вильгельма Вольфов. Кроме того, Маркс написал несколько заметок о последних событиях в Германии и приступил к «18 брюмера Луи Бонапарта». Энгельс, не получая ответа от Вейдемейера, около 16 января 1852 г. послал свою вторую статью об Англии (об отставке Пальмерстона). Так как Маркс ему постоянно напоминал о статьях для Вейдемейера, Энгельс пишет 22 января Марксу: «Сегодня я напишу что-нибудь для Вейдемейера. Я оставил себе для Вейдемейера прежде всего Англию, так как я не могу решиться читать немецкие газеты и писать о Германии». Энгельс в этой статье от 23 января разбирает нашумевший тогда вопрос о возможности вторжения в Англию в случае войны с континентальной державой, в первую очередь с Францией. О возможности такого вторжения тогда не только трубили английские политические круги, но в нее верила даже французская демократическая эмиграция в Англии. Так, Маркс в своем письме к Энгельсу от 20 января 1852 г. пишет: «Мадье был

только что здесь и доказывал мне самыми низкопробными аргументами, что французы к завтраку могут взять Лондон и в пять часов овладеть всеми берегами Англии». Энгельс в своей статье от 23 января доказывает всю вздорность такого предположения; эта статья написана в довольно популярной форме, ибо журнал был предназначен в первую очередь для рабочих.

Энгельс просил Вейдемейера рассмотреть этот вопрос «с картой в руках» и написать ему свое мнение. Вейдемейер в своем ответном письме (от 9 февраля) считает войну континентальной контр-революции против Англии невозможной без участия России, а последняя, по его мнению, в слишком сильной степени сама зависит от Англии, чтобы выступить против нее; кроме того, он думает, что в распоряжении Англии много средств вызвать войну на континенте. (Энгельс разбивает все эти аргументы Вейдемейера в письме от 29 февраля к нему). Тем не менее Вейдемейер пишет: «Но, несмотря на это, твоя статья мне очень понравилась, и она украсит либо № 3, либо Сборник». Дело в том, что первые два номера еженедельника «Революция» вышли в начале января (они были целиком написаны Вейдемейером), но потом журнал, за неимением средств, временно прекратил выход. Все старания подыскать необходимые средства кончились ничем. Ввиду такого безнадежного положения дела и частого отсутствия каких-либо известий от Вейдемейера, Энгельс скоро прекратил посылку статей. Последнюю, по счету четвертую, статью (первые две не дошли до Вейдемейера) «Э. об Англии» (об избирательной реформе) он послал 30 января. В виде продолжения предполагались две статьи: о позиции английской промышленной буржуазии и об истории торговли Англии. Они не были написаны. Вейдемейер по этому поводу пишет 10 марта Энгельсу: «Несмотря на перерыв в выходе «Революции», перерыв в присылке тобою корреспонденций мне был крайне неприятен. С уверенностью рассчитывая на продолжение, я уже отдал оба твои письма (статьи) в набор [1]). Но теперь, когда мне как раз недостает специального обзора важнейших новейших событий, я не могу использовать № 1 и 2 для этого номера. № 2 наверно совсем не пойдет, № 1 во всяком случае с маленьким изменением в начале». Но этот третий номер журнала также не вышел. В руках Вейдемейера к этому времени накопился уже ряд интересных работ друзей из Англии, но одна надежда на возобновление журнала рушилась за другой, несмотря на поддержку, оказываемую журналу одним американским другом Маркса, Адольфом Клуссом. Материалы уже были распределены до шестого номера, который и должен был содержать статьи Энгельса об Англии. Только благодаря пожертвованию одного немецкого рабочего-портного, знакомого Вейдемейера из Франкфурта, отдавшего все свои сбережения (40 долларов), «Революция» имела возможность выйти еще два раза: в первой тетради опубликовано «18-е брюмера» Маркса, во второй — стихотворения Фрейлиграта (против Г. Кинкеля). Одну часть остальных материалов Вейдемейер передал в другие немецко-американские газеты, другая часть — между ними и обе статьи Энгельса об Англии — осталась неопубликованной.

Ф. Шиллер.

---

[1]) Рукопись статей носит довольно много следов редакционной работы Вейдемейера. Кроме того, в том месте второй статьи, где упоминается не дошедшая статья Энгельса об отставке Пальмерстона, имеется примечание редакции (рукою Вейдемейера): «Письмо, в котором говорилось об отставке Пальмерстона, не дошло до нас; оно, должно быть, пропало по пути сюда из Англии».

I.

Английским вигам решительно не везет. Не успел еще Пальмерстон получить отставку за то, что он «оставил Англию без всяких союзников, без всяких друзей на континенте Европы», не успел еще улечься скандал, вызванный этой отставкой, как вся печать призывает к оружию и по этому случаю рассказывает скандальные истории о плохом управлении в военном и морском министерстве, которых вполне достаточно, чтобы погубить не только одно министерство.

Уже начиная с 1846 г. различные военные авторитеты обращали внимание страны на возможность вторжения в Англию в случае войны с Францией. Однако опасность такой войны в то время была слишком далека, и дон-кихотская манера выступления этих первых алармистов тогда вызывала только смех. В особенности генерал Гед (Head) создал себе в то время не особенно завидную славу своими постоянными воззваниями к нации об усилении национальных средств обороны. При этом конечно, не следует забывать, что старый Веллингтон также считал существующие укрепления берегов далеко не достаточными.

Государственный переворот Луи-Наполеона неожиданно придал, однако, этим дебатам совершенно новое значение. Джон Буль тотчас же сообразил, что французская военная диктатура, пародия консулата, по всей вероятности втянет Францию в войну и что она при этих обстоятельствах попытается получить реванш за Ватерлоо. Последние военные подвиги английских военных сил были не особенно блестящи; в капской земле кафры беспрестанно одерживали победы, и даже попытка высадки англичан на Невольничьем берегу очень успешно была отражена одними только неграми, несмотря на европейскую тактику и пушки. Что сталось бы с английскими войсками, если бы им пришлось столкнуться с гораздо более опасными «африканцами» из алжирской школы? И кто может поручиться за то, что такой беззастенчивый авантюрист, как Луи Бонапарт, в одно прекрасное утро не появится у берегов Англии с десятью-двенадцатью кораблями войск и с дюжиной линейных кораблей и не предпримет похода на Лондон без скучных формальностей об'явления войны?

Дело во всяком случае было серьезно. Правительство немедленно издало приказ о сооружении новых батарей у входа в большие гавани на южном и юго-восточном берегу. Но и публика серьезно отнеслась к этому делу, и притом в такой форме, которая может оказаться чрезвычайно неприятной для правительства. По наведенным прежде всего справкам о состоянии сил, которыми располагает Англия, оказывается, что в данный момент, если даже почти совершенно оставить

Ирландию без обороны, для защиты Великобритании имеется не больше 25 000 войска и 36 орудий; что же касается флота, то в настоящее время в гаванях нет ни одного значительного, готового к отплытию корабля, чтобы помешать высадке. Оказывается, что экипировка британских солдат стесняет их подвижность и абсолютно непрактична, как это доказала уже война с кафрами; их оружие решительно не может сравниться с оружием других европейских армий: ни один солдат в Англии не имеет ружья, которое бы хоть в отдаленной степени соответствовало прусскому игольчатому ружью или винтовке французских стрелков и егерей. В интендантстве флота были обнаружены колоссальные скандалы и небрежность, и все это было еще невероятно преувеличено алармистами и разными искателями мест.

Это дело прежде всего затрагивает лишь английских аристократов, рантье и буржуа, которые в первую очередь пострадали бы от вторжения французов и какого-нибудь завоевания. Но не надо забывать, что независимое развитие Англии, медленное, но значительное обострение развивающегося здесь полного антагонизма между буржуазией и пролетариатом имеет огромное значение для всего развития Европы. Если даже это своеобразное методическое развитие Англии временами и мешало победному шествию революции на континенте, как в 1848 г. и еще ранее в 1793 г., по существу в нем гораздо больше революционного содержания, чем во всех этих преходящих континентальных вспышках вместе взятых. В то время как Великая французская революция потерпела неудачу в завоевании Европы, Англия посредством паровой машины революционизировала общество, завоевала мировой рынок, все более и более вытесняла со сцены все исторически отжившие классы и подготовляла почву для великой решительной борьбы между промышленными капиталистами и промышленными рабочими. Для всего европейского развития имело величайшее значение то обстоятельство, что Наполеону не удалось перебросить из Булони в Фолькстон армию в 150 000 человек и с помощью ветеранов республиканской армии завоевать Англию. Во время реставрации, когда континент был предоставлен на милость или немилость так метко изображенных Беранже мирмидонян легитимности, в Англии, в старой реакционной партии ториев, благодаря очень буржуазному министерству Каннинга, произошел первый большой перелом и началось постепенное подкапывание английской конституции сперва Каннингом, а затем Пилем, которое беспрерывно продолжалось с тех пор и в самом непродолжительном времени должно привести к полному крушению всего гнилого здания. Это подкапывание старых английских учреждений и лежащее в основе его постоянное революционизирование английского общества посредством крупной промышленности спокойно продолжает развиваться, независимо от того, побеждает ли временно на континенте революция или контрреволюция; и оно идет хотя медленно, но зато уверенно, и никогда не идет назад. Поражение чартистов 10 апреля 1848 г. было исключительно поражением и устранением иностранного политического влияния. Но сильными двигателями английского развития являются не политические потрясения на континенте, а мировые торговые кризисы, прямые материальные удары, угрожающие существованию каждого в отдельности. И теперь, когда промышленная буржуазия окончательно устраняет от политической власти все традиционные классы, обнаруживаются бесспорные симптомы приближения решительного боя между ней и промышленным

пролетариатом; теперь препятствие этому развитию, хотя бы и временное покорение Англии алчными преторианцами 2 декабря, имело бы самые печальные последствия для всего европейского движения. Только в Англии промышленность приняла такие размеры, что в ней концентрируются интересы всей нации, все условия жизни всех классов. Но промышленность, с одной стороны, охватывает всю промышленную буржуазию, с другой стороны — весь промышленный пролетариат, и вокруг этих противостоящих друг другу классов все более и более группируются все другие составные части нации. Поэтому здесь, где речь идет лишь о том, кто будет господствовать, промышленные ли капиталисты, или промышленные рабочие, здесь именно, или нигде, имеется та почва, на которой классовая борьба в ее современной форме может принять решительный характер и где промышленный пролетариат, с одной стороны, обладает силой для завоевания политической власти, с другой стороны, находит материальные средства, производительные силы, дающие ему возможность произвести полную общественную революцию и в конечном счете устранить классовые противоречия. И, конечно, пролетарские партии во всей Европе в высшей степени заинтересованы в том, чтобы это развитие английских условий, это обострение противоположности интересов промышленных классов и окончательная победа угнетенных классов над господствующими не была уничтожена иностранным завоеванием, чтобы его энергия не была ослаблена и решительный бой не был отложен па неопределенное время.

Но каково же положение вещей?

Прежде всего такой страной, как Великобритания, насчитывающей без Ирландии 22 миллиона жителей, а вместе с Ирландией 29 миллионов жителей, нельзя завладеть посредством простого нападения. Алармисты приводят пример Карфагена, флот и армии которого были разбросаны в самых отдаленных владениях и который дважды подвергся нападению римлян. Но, не говоря уже о совершенно изменившихся условиях ведения войны, африканская высадка римлян во время второй пунической войны стала возможна лишь после того, как уничтожен был цвет карфагенской армии в Испании и в Италии, а пунический флот вытеснен из Средиземного моря; нападение было не нападением, а очень солидной военной операцией, которая была вполне естественным завершением продолжительной и благоприятной для Рима войны. Третью же пуническую войну едва ли можно назвать войной; это было простое угнетение слабейшего противника в десять раз сильнейшим противником. Это было чем-то вроде конфискации Венеции Наполеоном. Но теперь ни Франция не находится в таком положении, в каком она была в 1797 г., ни Англия не похожа на пришедшую в упадок Венецию.

Наполеон считал необходимым иметь по крайней мере 150 000 человек для покорения Англии. Хотя Англия в то время располагала гораздо бо́льшим числом солдат, чем в настоящее время, но зато в ней было гораздо меньше жителей и у нее не было таких промышленных рессурсов. А в настоящее время нужно, по крайней мере, еще столько же человек, чтобы завоевать Англию; как бы ничтожна ни была сила, которою в данный момент располагают англичане, беглого взгляда на карту достаточно, чтобы видеть, что высадившаяся в Англии армия должна продвинуться до Тиса, Тайна или даже Твида. Если она остановится на более близком пункте, то все рессурсы промышленных кругов останутся в руках защищающихся жителей, и ей придется слишком сильно растянуть свои недостаточные

военные силы. Местность, находящаяся к югу от вышеупомянутых рек, т. е. собственно Англия, насчитывает 16 миллионов жителей, и для обеспечения связей, для осады и занятия береговых крепостей и для подавления неизбежного национального восстания потребуется такое количество войска, что его останется слишком мало для операций на границе Шотландии. А трудно допустить, чтобы, при самом лучшем командовании, для покорения Англии и для подавления внутреннего восстания и регулярной войны в Шотландии и Ирландии можно было обойтись меньшим количеством войска, чем 150 000 человек.

Теперь надо стянуть посредством нового набора и умелого концентрирования 150 000 человек в каком-нибудь пункте северного побережья Франции; для этого потребуется по крайней мере один-два месяца. За это время Англия может частью перевести флот из Тахо и пароходы из других близ лежащих гаваней, отчасти мобилизовав стоящие в гаванях разоруженные корабли, и таким образом сконцентрировать в канале довольно значительную морскую силу, а еще через месяц могут прибыть все пароходы и часть парусных судов из атлантических гаваней и из Мальты и Гибралтара. Следовательно, нападающая армия должна была бы высадиться, если и не сразу, то, по крайней мере, большими партиями, так как рано или поздно должно было бы во всяком случае наступить прекращение сообщения с Францией. Следовало бы сразу высадить, по крайней мере, 50 000 человек, а следовательно, всю армию в три приема. При этом военные корабли совершенно не могли бы употребляться для перевозки войск или употребляться с этой целью лишь в ограниченном количестве, так как им пришлось бы отражать нападение английского флота. А у Франции в ее гаванях у пролива нет перевозочных средств, чтобы в течение шести недель перевезти 50 000 человек с необходимой артиллерией и боевыми припасами, даже если она погрузит их на нейтральные суда. Каждый день промедления экспедиции является новым преимуществом для Англии, которой нужно только время для концентрации своего флота и для обучения своих рекрутов.

Но если, при наличии английского флота, нельзя высадить 150 000-ную армию более чем в три приема, то, принимая во внимание английскую сухопутную силу, никакой серьезный военный деятель не рискнет высадиться в Англии меньше чем с 50 000 человек сразу. Мы видели, что в благоприятном для вторжения случае у англичан остается один-два месяца для подготовки; надо плохо их знать, чтобы предположить, что за это время они не организуют сухопутную армию, которая без труда потопит в море авангард в 50 000 человек, прежде чем к нему подоспеет помощь. Надо принять во внимание, что посадка на корабли возможна только между Шербургом и Булонью, а высадка только между островом Уайтом и Довером, т. е. на побережье, которое нигде не отстоит дальше добрых четырех дней перехода от Лондона. Надо принять во внимание, что посадка и высадка зависят от ветра и приливов и что английский флот в Канале окажет сопротивление и что поэтому между первой и второй высадкой должно пройти, может быть, восемьдесят дней, во всяком случае не меньше четырех дней, — так как масса войска должна быть перевезена на парусных судах и их надо собирать на всем побережье от Шербурга до Булони, так как невозможно экспромтом создать «булонский лагерь». При таких условиях едва ли французы рискнут что-нибудь предпринять, пока не будет возможно сразу перебросить 70 — 80 000 человек, а для этого надо еще

создать перевозочные средства, для чего опять-таки необходимо время. Но так как средства обороны Англии, из-за которых откладывается экспедиция, с каждой неделей растут быстрее, чем перевозочные средства и орудия морской войны неприятеля, то положение нападающей стороны становится все более неблагоприятным; она скоро может очутиться в таком положении, что ничего не сможет предпринять до тех пор, пока не будет в состоянии сразу перевезти 150 000 человек, но и эти последние встретят тогда такое сопротивление, что без посылки вслед за ними резерва в 10 000 человек они могут рассчитывать на верное и окончательное уничтожение.

Одним словом, покорение Англии не может осуществиться посредством внезапного нападения. Если бы весь континент об'единился для этого, то понадобился бы целый год только для создания и доставки перевозочных средств, — больше, чем нужно Англии, чтобы привести в состояние обороны свои берега, чтобы концентрировать флот, который мог бы померяться со всем континентальным об'единенным флотом и сделал бы невозможным об'единение.

Национальное чувство англичан именно в этот момент сильнее, чем когда-либо с 1815 г., и серьезная опасность вторжения придала бы ему еще совершенно другое направление. В этом отношении великобританское население вовсе не так чуждо воинственного духа, как его изображают; буржуазия, мелкое мещанство и пролетариат больших городов, конечно, гораздо менее умеют обращаться с огнестрельным оружием и поэтому менее приспособлены к гражданской войне, чем соответствующие классы на континенте. Но население в целом проникнуто сильным воинственным духом и содержит очень пригодные военные элементы. Нигде нет больше охотников и браконьеров, т. е. легкой инфантерии и карабинеров, и 40 — 50 000 механиков и рабочих в машинном производстве лучше подготовлены для артиллерийских оружейных мастерских и для инженерной службы, чем такое же количество отборных людей в любом континентальном государстве. Самая местность, почти до самой границы Шотландии, почти совершенно не приспособлена для войны в большом масштабе; она чрезвычайно раздроблена и точно создана для мелкой войны. И если до сих пор партизанская война сопровождалась успехом только в сравнительно малонаселенных странах, то именно Англия, в случае серьезного нападения, могла бы служить доказательством того, что в очень густо населенных странах, например, в почти не прерывающемся лабиринте домов Ланкашира и Западного Йоркшира, она может иметь еще более значительные результаты.

Что же касается нападения с целью разграбления богатых портовых городов, разрушения магазинов и т. д., то в данный момент оно вполне возможно в Англии. Об укреплениях едва ли даже стоит говорить. Пока в Спитхеде нет кораблей, можно совершенно спокойно ехать морем до входа в Соутгемптон и высадить достаточное число людей, чтобы получить в Соутгемптоне какую-угодно контрибуцию. Вульвич может, пожалуй, сейчас же быть занят и разрушен, хотя для этого требуется еще кое-что. Ливерпуль защищен только ничтожной батареей из 18 железных морских орудий без насечки и прицела, которые обслуживаются восемью или десятью артиллеристами. Но, за исключением Брайтона, все значительные английские приморские города расположены у глубоких морских заливов или довольно высоко по течению рек и имеют естественные укрепления, состоящие

из песчаных мелей и скал, с которыми знакомы только местные лоцманы. Кто хочет пробраться без лоцмана через эти узкие каналы, через которые большие корабли обыкновенно могут проехать только во время прилива, тот рискует потерять там больше, чем вывезти оттуда, и подобные экспедиции, при некотором сопротивлении и при самом незначительном непредусмотренном препятствии, могут окончиться так же печально, как датская экспедиция в Эккернфёрде [1]) в 1848 г. Наоборот, немедленная высадка 10 000—20 000 человек на пароходах в какой-нибудь сельской местности и короткая, но неизбежно сопровождающаяся немногими положительными результатами грабительская экспедиция в сельскую местность во всяком случае может быть легко выполнена; в настоящее время ей абсолютно невозможно помешать.

Но все эти опасения сами собою отпадают, как только флот Тахо, североамериканская эскадра и часть пароходов, занимающихся преследованием невольничьих кораблей между Бразилией и Африкой, будут отозваны обратно в Англию и в то же самое время будут приведены в боевую готовность неподвижно стоящие в военных гаванях корабли. Этого достаточно, чтобы сделать нападения невозможными и заставить так долго откладывать всякие серьезные попытки вторжения, что Англия будет иметь время принять дальнейшие необходимые меры.

При этом тревога будет иметь те хорошие последствия, что прекратится та смешная политика, благодаря которой Англия содержит в Средиземном море 800, в Атлантическом океане 1 000, в Тихом и Индийском океанах по 300 пловучих орудий, в то время как дома ни один корабль не защищает берегов,—политика ведения бесконечных и бесславных войн с неграми и кафрами в то время, когда войска гораздо более необходимы на родине. Неуклюжая, тяжелая и во всех отношениях устарелая экипировка и вооружение армии, безграничная беззаботность и халатность в военном и морском управлении, колоссальный непотизм, взяточничество и хищения в этих министерствах будут более или менее устранены. Промышленная буржуазия перестанет, наконец, играть в комедию конгрессов и обществ мира, комедию, которая подвергла ее заслуженным насмешкам и причинила столько вреда политическому прогрессу, а вместе с ним и всему развитию Англии. А если все-таки дело дойдет до войны, то по иронии всемирной истории очень легко может случиться, что господа Кобден и Брайт в их двоякой роли членов общества мира и министров в ближайшем будущем должны будут повести жестокую борьбу со всем континентом.

Манчестер, 23 января 1852 г.

II

В следующий вторник, 3 февраля, открывается сессия парламента. Из трех главных вопросов, которые составят предмет первых дебатов, мы вкратце говорили уже о двух: об отставке Пальмерстона и о средствах обороны в случае войны с Францией. Остается еще третий вопрос, наиболее важный для развития Англии: об избирательной реформе.

[1]) Эккернфёрде — город в Шлезвиг-Голштинии, расположен в Эккернфёрдской бухте; одна из лучших гаваней балтийского побережья Шлезвига. В 1848 г. здесь произошел бой между береговыми немецкими батареями и датской эскадрой, закончившийся поражением датчан. — Прим. ред.

Билль о реформе, который Россель (Russel) уже в самом начале должен предложить, даст нам случай подробнее заняться вопросом об избирательной реформе в Англии. В данный момент, когда дело сводится только к сообщению и раз'яснению некоторых слухов по поводу этого билля, можно ограничиться замечанием, что во всем этом вопросе прежде всего речь идет исключительно о том, в какой мере реакционные или устойчивые классы, т. е., следовательно, земельная аристократия, рантье, биржевые спекулянты, землевладельцы в колониях, судовладельцы и часть купцов и банкиров, сохранят свою власть и какую часть ее они должны будут уступить промышленной буржуазии, стоящей во главе всех прогрессивных и революционных классов. О пролетариате здесь пока нет речи.

«Daily News», лондонский орган промышленной буржуазии и хороший источник в подобных вопросах, сообщает некоторые сведения о новом билле реформы министерства вигов. По этому сообщению, предполагаемые реформы коснутся трех сторон существовавшей до сих пор английской избирательной системы.

До сих пор, чтобы быть допущенным, каждый член парламента должен был обладать земельной собственностью, по крайней мере, в 300 фунтов стерлингов. Это условие, являвшееся во многих случаях стеснительным, почти всегда обходили посредством фиктивных покупок и фиктивных контрактов. По отношению к промышленной буржуазии оно давно потеряло силу; теперь оно совершенно отпадает. Отмена этого условия является одним из «шести пунктов» пролетарской народной хартии, и интересно видеть, как один из этих шести пунктов уже официально признается.

До сих пор избирательное право было организовано следующим образом. По старому английскому обычаю графства посылали одну часть депутатов, а города — другую часть. Тот, кто хотел голосовать в графстве, должен был или обладать полной независимой земельной собственностью (freehold property), приносящею 2 фунта стерлингов ежегодного дохода, или арендовать земельную собственность, приносящую 50 фунтов стерлингов ежегодного дохода. В городах же, наоборот, избирателем мог быть всякий, кто снимал дом и платил за него десять фунтов стерлингов и соответственно этой сумме уплачивал налог в пользу бедных. В то время, как в тех городах, которые посылали депутатов, масса мелких торговцев и ремесленников, т. е. вся мелкая буржуазия, пользовалась избирательным правом, в выборах в графствах tenants at will (держатели по воле лорда), — т. е. те арендаторы, которым землевладелец мог каждый год отказать в аренде, которые поэтому целиком зависели от земельных собственников, — составляли огромное большинство. В прошлом году господин Локк Кинг внес предложение распространить и на графства существовавшее в городах требование об уплате 10 фунтов стерлингов арендной платы для нанимателей и получил за это предложение значительное большинство палаты против министров, когда в ней присутствовало незначительное число членов. Как говорят, теперь Россель предполагает понизить требуемый размер арендной платы для графств до 10 фунтов стерлингов, а для городов до 5 фунтов стерлингов. Такая мера может иметь значительное влияние. В городах при этом лучше оплачиваемая часть пролетариата тотчас же получит избирательное право, и это сделает весьма вероятным избрание в некоторых больших городах чартистских представителей, а в средних и маленьких городах промышленная буржуазия приобретет массу голосов и мест в парламенте. А в графствах сразу все мелкие и средние

буржуа не особенно сильно представленных провинциальных городов получат избирательное право; в большинстве случаев они составляют огромное большинство и благодаря своей массе и сравнительной независимости по отношению к властвующим теперь в графствах нескольким дворянским фамилиям могли бы положить конец существующему до сих пор избирательному террору этих магнатов. Эти провинциальные мелкие буржуа и теперь уже все более подчиняются влиянию промышленной буржуазии и подчинили бы ей, таким образом, значительную часть графств.

Избирательные округа до сих пор в высшей степени различны по величине и по значению; число представителей совершенно не соответствует ни количеству народонаселения, ни числу избирателей. Сто или двести избирателей в одном месте посылают столько же представителей, сколько от шести до одиннадцати тысяч избирателей в другом месте. Особенно велико это различие в городах; и именно маленькие города с небольшим числом избирателей являются центрами самых скандальных подкупов (например Сент-Албанс) или абсолютной избирательной диктатуры того или другого крупного землевладельца. По отчету «Daily News» теперь восемь самых маленьких избирательных округов будут лишены своих представителей, а другие маленькие города, избирающие членов парламента, будут так об'единены с другими соседними провинциальными городами, которые до сих пор были представлены только в графствах, что число избирателей значительно увеличится. Это — подражание существующей в Шотландии еще со времени соединения с Англией (1701) системе групп городов. Что от такой меры, как бы ни была она робка, промышленная буржуазия также должна ожидать усиления своей политической власти, доказывается уже тем особенным значением, которое она с давних пор уже придавала уравнению избирательных округов в сравнении со всеми другими вопросами парламентской реформы. Кроме того, — говорит отчет, — Лондон и Ланкашир, т. е. два главных центра промышленной буржуазии, получат усиленное представительство в парламенте.

Если Россель действительно имеет в виду предложить этот билль, то на основании предыдущего опыта это в самом деле очень много для этого маленького человека. Очевидно, что лавры Пиля не дают ему покоя и что он решил также хоть один раз быть «смелым». Эта смелость сопровождается конечно робостью и серьезными опасениями английского вита, и при теперешнем состоянии общественного мнения в Англии она никому не покажется смелой, кроме него самого и его коллег вигов. Но после опасений, колебаний, обдумывания, после постоянного нащупывания почвы, которым был занят маленький лорд со времени закрытия последней сессии, можно было ожидать от него меньшего, чем вышеприведенные предложения, если предположить, что он до вторника не раздумает еще.

Нечего и говорить, что промышленная буржуазия требует гораздо большего. Она требует household suffrage, — т. е. избирательного права для всякого, кто занимает дом или часть дома, на основании чего он платит коммунальные налоги, — тайного голосования и полного пересмотра распределения избирательных округов, которое давало бы одинаковому числу избирателей и одинаковому богатству одинаковое представительство. Она будет сильно и долго торговаться с министерством и выторговывать у него всякие возможные уступки, прежде чем продать ему свою поддержку. Наши английские промышленники — хорошие купцы и, наверное, продадут свои голоса по самой высокой цене.

Впрочем, и теперь уже видно, как даже вышеупомянутый министерский минимум избирательной реформы не может иметь другого результата, кроме усиления власти того класса, который теперь уже фактически господствует в Англии и быстрыми шагами приближается к политическому признанию его владычества: промышленной буржуазии. Пролетариат, собственная борьба которого за его собственные интересы против промышленной буржуазии начнется лишь с того дня, когда будет установлено политическое преобладание этого класса, пролетариат во всяком случае извлечет некоторую пользу из этой избирательной реформы. Но величина этой пользы зависит только от того, будут ли происходить дебаты и окончательное утверждение избирательной реформы д о наступления торгового кризиса, или же тогда, когда он уже наступит, так как пролетариат активно выступает на первый план только в великие решающие моменты, как судьба в древней трагедии.

Манчестер, 30 января 1852 г.

ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ К. МАРКСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, что К. Маркс внимательно следил не только за русской экономической и статистической литературой, но и за серьезными периодическими изданиями. Н. Ф. Даниельсон (Николай — он) на протяжении многих лет снабжал Маркса русскими книгами и журналами. Одно время (вторая половина 70-х годов) русские книги переправлял Марксу и М. М. Ковалевский.

По свойственной Марксу привычке он читал книги «с карандашом в руке», т. е. при чтении очень часто конспектировал содержание книги или вносил в черновую тетрадь заметки по поводу того, что его особенно интересовало.

Ниже публикуются такие заметки Маркса. Эти заметки Маркс внес в черновую тетрадь, которая, как это следует из ознакомления с нею, целиком предназначалась для записей при чтении русских книг. Тетрадь эта, — хранящаяся ныне в Архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса, — из плотной нелинованной бумаги в четвертую долю листа, имеет картонный, оклеенный пестрою бумагой переплет с кожаным корешком. На простой этикетке чернилами (чужой рукой) выписаны заглавия тех книг, замечания по поводу которых имеются в тетради. Общий заголовок тетради: (Russica II) 1875. Вся тетрадь исписана мельчайшим почерком Маркса. Достаточно сказать, что публикуемые ниже заметки умещаются на двух страничках.

Эти две страницы Маркс заполнил пометками и выписками при чтении январской книги журнала «Знание» за 1874 год. В настоящее время мы можем сказать, кто именно передал Марксу эту книжку. В числе фотокопий писем Николая—она к К. Марксу, хранящихся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, имеется копия написанного по-немецки письма от 23 февраля 1874 г. В этом письме Н. Даниельсон между прочим писал: «В первом № журнала «Знание» Зибер начал ряд статей под заглавием «Экономическая теория Маркса». Цель этих статей популяризовать экономические взгляды автора и критически проанализировать их. Что касается критической части, то, на мой взгляд, он во многом прав. Наш общий друг, вероятно, передаст вам эти №№».

Под именем «нашего общего друга» в переписке Маркса с Н. Даниельсоном подразумевался Герман Лопатин. Таким образом, надо думать, что январская книжка «Знания», о которой писал Марксу Н. Даниельсон, была передана первому Г. Лопатиным.

Необходимые для понимания заметок Маркса пояснения даны нами в примечаниях. Здесь же укажем еще лишь следующее: Маркс, видимо, при чтении книжки остановился лишь на тех статьях, которые заинтересовали его по своей теме. Как видит читатель, Маркс касается лишь трех статей. В заметках совершенно не нашли отражения еще следующие материалы книжки журнала: статья Г. Спенсера «Наше воспитание как препятствие к правильному пониманию общественных явлений». Само собою разумеется, что Г. Спенсера Маркс мог читать по-

английски. То же самое приходится сказать о другой переводной статье, Дж. Леббока, «О причинах превращений у насекомых». Статья Александры Ефименко «Народные юридические воззрения на брак», видимо, не заинтересовала его по теме. Наконец, Маркс оставил без внимания (по крайней мере, в своей черновой тетради) отделы: «Критика и библиография» и «Разные известия».

Мы решили оставить заметки Маркса без перевода. Дело в том, что, во-первых, около трети их заняты цитатой из статьи Н. Зибера, приведенной Марксом по-русски; при переводе, стало быть, исчезла бы грань между тем, что было написано Марксом по-немецки, и что — по-русски; во-вторых, значительную часть из того, что было написано Марксом не по-русски, составляют заглавия немецких и французских книг, переводить которые на русский значило бы опять-таки не передать характера подлинника.

Между тем, за исключением одного места (возражения Маркса Рёсслеру) заметки Маркса являются почти буквальным переводом с русского на немецкий отдельных фраз из статей журнальной книжки. Поэтому мы решили каждую отдельную заметку Маркса снабдить примечанием, в котором мы приводим соответствующее место русской статьи и даем необходимые пояснения.

И. Луппол.

Знанiе, 1874. N. I. Januar.

Введенiе въ исторiю мысли (P. Lawroff) [1].

Cournot: «Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes» (1872) [2].

Henne-Am-Rhyn: «Die Kulturgeschichte im Lichte des Fortschritts» (1869) [3].

Peter löst d. Wiederspruch zwischen Notwendigkeit u. Freiheit wie folgt:

Erstens muss man sich auf d. anthropologischen Standpunkt stellen; i. e. in allen Spheren leugnen d. Erkenntnis d. Dinge an sich selbst, unabhängig von unsrer Beobachtungsweise (отъ нашего способа воззрѣнiя) bedingt durch unsre Natur.

Zweitens: [4]. Ibidem.

---

[1] «Введение в историю мысли» было напечатано П. Лавровым в журнале «Знание» в январской и февральской книжках 1874 г. Лавров укрылся под сокращенным псевдонимом П. Миртова, именно П. М—в. В 1875 г. он издал первые главы своей работы отдельной книгой под названием «Опыт истории мысли», том первый, СПБ. 1875. Эта книга вышла анонимно, без всякого указания на имя автора. Фамилия: P. Lawroff, написанная Марксом после заглавия статьи, достаточно свидетельствует о том, что Маркс знал псевдоним Лаврова.

[2] Французское заглавие книги Курно: «Рассуждения о развитии идей и событий в новое время» приведено у Лаврова в выноске 10 на стр. 5.

[3] Немецкое заглавие книги Энне-ам-Рина: «Культурная история в свете прогресса» приведено у Лаврова в выноске 3 на стр. 14.

[4] Слова Маркса «Петр снимает противоречие между необходимостью и свободой следующим образом» относятся к мыслям, высказанным Лавровым на стр. 16. Марксово «во-первых» является почти дословным переводом фразы Лаврова: «Устранить эту антиномию (между необходимостью и свободой) можно только, сходя на антропологическую точку зрения, т. е. отказываясь во всех сферах от познания вещей в них самих, независимо от нашего способа воззрения, обусловливаемого нашею природою». Марк-

Uebersicht d. <neuesten> letzten Arbeiten über neue Geschichte [5].

Geschichte von Фрименъ (Freeman?) «Theorie d. federativen Regierungsformen» blieb beim ersten Band [6]. 1870 [1872!] lieferten die Franzosen zur politischen Geschichte d. industriellen Elements: (bez. 14 u. 15-te Jahrhundert) Picot: «Histoire des états généraux» (1335—1614. 4 t.).

Debacq: «Libéraux et démagogues au moyen âge».

Perrens: «La démocratie en France au moyen âge» (2 t.) [7].

Am wichtigsten Picots <Ges> Buch: d. erste vollständige Geschichte d. Generalstaaten. Thibaudeau etc. haben dadurch alle wissenschaftliche Bedeutung verloren. Seine изложенie rein faktisch. Enthält die vollständige

---

сово «во-вторых» осталось, к сожалению, незаписанным. Просмотр дальнейших страниц статьи Лаврова склоняет думать, что Маркс собирался записать (или, во всяком случае, мог бы записать, как тезис Лаврова «во-вторых») следующие слова на стр. 17: «Необходимые законы природы и об'ективные данные общественных форм суть в этой сфере мышления (этика и социология в противоположность физике и биологии) лишь материалы и средства, которые личность должна брать в соображение для реализирования своих субъективных идеалов, условия возможности или невозможности осуществления этих идеалов».

Ясно, что ни это второе положение Лаврова, сводящееся к тому, что необходимость есть принцип физики и биологии, а свобода — принцип этики и социологии, ни первое положение его,— сводящееся к кантианскому рассечению мира на две сферы, в одной из которых (феноменальный мир) может еще господствовать необходимость, а о другой (ноуменальный мир) ничего нельзя сказать,— не могли удовлетворить Маркса. Коротко говоря, второе положение Лаврова, если бы оно было правильным, сводило бы на-нет исторический материализм. Равным образом его первое положение, хотя и задрапированное в тогу фейербаховской антропологии, означало, по существу, отрицание общих материалистических позиций фейербахизма и переход на позиции агностицизма. Остается еще напомнить, что и общая концепция статьи Лаврова, конечно, не могла быть приемлемой для Маркса. Достаточно указать, что в той же статье Лавров повторял свою формулировку задач истории: «Еще короче задачу истории можно выразить так: показать, как критическая мысль личностей перерабатывала культуру обществ, стремясь внести в цивилизацию их более истины и справедливости».

Статья Лаврова заканчивалась на стр. 42. Последняя ремарка Маркса относится к стр. 16. Читал ли Маркс статью Лаврова до конца —остается неизвестным.

[5] «Обзор последних работ по новой истории» — статья И. Лучицкого. После «Введения» Лаврова Маркс, пропустив все остальные статьи первого отдела, перешел к обзору Лучицкого, заглавие которого тщательно перевел и записал по-немецки. Об этой тщательности свидетельствует зачеркнутое слово neuesten — «новейших» и написанное взамен его letzten — «последних». Лучицкий подписал свой обзор: И. Л—кий. Маркс, видимо, не знал полного имени автора обзора и так как шифр «И. Л—кий» ему ничего не говорил, то он и не поставил имени автора против выписанного заглавия.

[6] Немецкая фраза Маркса — перевод слов Лучицкого: «Работа Фримена «Теория федеральных форм правления» остановилась на первом томе». Эти слова находятся на стр. 2 статьи Лучицкого (январская книжка «Знания» не имеет сплошной пагинации; пагинация начинается девять раз!)

[7] Слова Маркса являются изложением следующих фраз Лучицкого: «1872 год (у Маркса: 1870 — описка) дал в этом отделе («История индустриального элемента») значительную массу материала, касающегося преимущественно истории Франции в XIV и XV веках. Три сочинения заслуживают особенного внимания. Это, во-первых, книга Пико (Picot):

Entwicklung d. französischen Gesellschaft durch d. facts selbst. Konnte nicht alle requêtes d. verschiednen Stände benutzen, weil sie, verzottelt in verschiedenen französischen Archiven, noch keinen Herausgeber gefunden [8].

Debacq übersieht d. demokratische Bewegung d. 14-ten und 15-ten Jahrhunderts u. d. Ursachen ihres Fehlschlagens. D. Bourgeois sehn auf d. Arbeiter als schädliche Agitatoren qui «veulent <et> estre nourriz trop opulement et boyr du meilleur vin» [9].

Lagrèze-Fossat: «Etudes historiques sur Moissac» (2 t.) bes. d. Kampf 1484—1672 zwischen Bourgeois u. Volkspartei; ökonomische Geschichte d. Stadt, Preise etc [10].

«Histoire des états généraux» (с 1334 по 1614 г. 4 тома в 8°), во-вторых, сочинение Дебака (Debacq), «Libéraux et démagogues au moyen âge», и, в-третьих, книга Перранса (Perrens): «La démocratie en France au moyen âge» (2 тома).

[8] Весь абзац является кратким конспективным изложением 3-й и начала 4-й страниц обзора Лучицкого. Соответственно у Лучицкого: «Из них первое место бесспорно занимает об'емистое произведение Пико, представляющее первую полную историю генеральных штатов. То, что сделал автор для этой истории, превосходит все, что когда-либо и кем-либо было писано о генеральных штатах. Все произведения Тибодо, Булье, Ратери и др. потеряли навсегда значение в науке, как пособие при изучении развития представительных учреждений во Франции... Его изложение — чисто фактическое: он не имеет в виду обобщения философских фактов, он просто рассказывает то, что было и как было, чего желали и к чему стремились различные сословия старой Франции... Единственный недостаток или, лучше сказать, неполнота книги, заключается в том, что он воспользовался далеко не всеми существующими requêtes сословий. Но это — не его вина: разбросанные по разным французским архивам, эти жалобы до сих пор не нашли еще издателя».

Книга Пико при своем выходе в 1872 г. была премирована Академией моральных и политических наук и Французской академией. В 1888 г. она вышла вторым изданием в пяти томах.

[9] Заметка Маркса о книге Дебака также является переводом или, вернее, пересказом соответствующего места из обзора Лучицкого. Так, последний писал: «Книга Дебака — лишь общий сжатый очерк событий того времени, очерк, передающий вполне, впрочем, ясно, все фазы демократического движения XIV и XV веков, как и причины его неудачи».

Указав далее на некоторую небрежность Дебака, Лучицкий замечает, что автор более беспристрастен в изложении исторических фактов, чем его конкурент по премии — Перранс; впрочем,— добавляет Лучицкий,— беспристрастен настолько, «насколько можно назвать беспристрастным отношение французского либерального писателя к явлениям вроде Парижской коммуны 1413 г.». Дебак не сочувствует тогдашним требованиям социального переворота, однако «довольно верно передает взаимные отношения буржуа и рабочего, показывает манеру действий буржуазии по отношению к жакерии и к социальной революции». Эти отношения Дебак приписывает «тем качествам, которые тогда уже обнаружили буржуа, смотревшие на рабочих, как на вредных агитаторов, которые «veulent estre nourriz trop opulement et boyr du meilleur vin», т. е. хотят питаться слишком обильно и пить лучшее вино. Именно конец этой фразы Лучицкого,— как видит читатель,— и записал Маркс в свою тетрадь.

[10] Заметка Маркса о книге Лагрез-Фосса пересказывает краткий отзыв Лучицкого. Лучицкий на стр. 11 пишет об этой книге: «Седьмая глава посвящена подробному рассказу о борьбе, тянувшейся с 1484 по 1672 г. между богатыми буржуа, захватившими власть в свои руки, и «народною партиею». Книга... заключает в себе массу данных... относительно экономической истории города, относительно цен на продукты, на землю и т. д.». Маркс выписывает все эти указания.

Mahul: «Caltulaire (?) et archives des communes de l'ancien diocèse et l'arrondissement de Carcassonne». (5 vol.). Aus d. Archiven d. Stadtrats von Carcassonne gezogen. Er gibt nur Auszüge, nicht vollständig die Protokolle [11].

Perrens: «L'église et l'état en France sous le règne de Henri IV et la régence de Marie Médici». (2 t).

Ségur-Dupeyroux, «Histoire des négociations commerciales et maritimes de la France au XVII et XVIII siècles» (3 t.) [12].

Ibidem:

Oekonomishe Theorie v. Marx (Dies v. Sieber. verte) [13].

In d. Jahrbüchern v. Bruno Hildebrand Rezension d. Kapital. (S. sagt v. Rössler), der Rezensent will wissen: «wir wünschten, dass uns

---

[11] Заметка Маркса о сборнике документов Магюля также конспектирует отзыв о ней Лучицкого. Последний писал об этом сборнике: «Издание, извлеченное из протоколов городского совета Каркассона... К сожалению, издание далеко не полно: издатель дает лишь отрывки из протоколов, причем пропускает такие протоколы, которые имеют существенное значение». — «Caltulaire» — опечатка, следует: «Cartulaire», (собрание монастырских грамот).

[12] Последними книгами, заглавия которых выписал Маркс при чтении обзора Лучицкого, были работы: 1. Перранса — о церкви и государстве во Франции в эпоху царствования Генриха IV и регентства Марии Медичи и 2. Сегюр-Дюпейру — о сухопутной и морской торговле во Франции в XVII — XVIII веках. Работа Перранса получила от Лучицкого довольно неблагоприятный отзыв. По мнению автора, Перранс «вместо твердо установленных научных принципов, которые объясняли бы факты, прибегает к юридико-метафизическим началам, входит в ненужные рассуждения об отношениях церкви к государству» (стр. 12). «Твердо установленными научными принципами» для Лучицкого, как известно, были положения о том, что в историческом процессе преобладающими и решающими факторами являются факторы экономические. В 70-х годах проф. И. Лучицкий был одним из немногих ученых, которых можно назвать экономическими материалистами. Отсюда—весьма благоприятный отзыв его на книжку Сегюр-Дюпейру. Лучицкий писал: «Факты, собранные им, доказывают вполне и окончательно, с какою силою индустриальный элемент влиял на ход дела в XVII веке, как сильно он видоизменил характер политики и внешних отношений между государствами того времени». Конечно, было вполне достаточно такого отзыва об этом авторе, чтобы Маркс записал в свою тетрадь название работы.

Вообще, не зная даже фамилии автора обзора, Маркс должен был читать его с большим интересом, так как ряд положений Лучицкого в значительной мере напоминал положения исторического материализма. В доказательство этого приведем одну цитату из обзора Лучицкого (стр. 2). Говоря о первых веках нового времени, он писал: «Развитие индустрии не остановлено, идеалы и цели его («индустриального элемента», как выражается автор.— *И. Л.*) представителей выясняются все более и более, и мы можем видеть, как постепенно возрастает его влияние, как сильно видоизменяются, вследствие этого, образ жизни, нравы, идеи, взаимные отношения европейских наций. В истории развития этого элемента — ключ к правильному пониманию событий нового времени, почва, на которой с наибольшим удобством может быть построена действительная теория нового времени».

[13] Статья Н. Зибера «Экономическая теория Маркса», заглавие которой Маркс перевел по-немецки, занимает в книжке журнала стр. 43—90 и идет непосредственно после статьи П. Лаврова. Подписана она только одной буквой «Н.», однако Маркс, будучи уже осведомлен об авторе из письма Николая — она, в скобках указывает фамилию Зибера.

«Verte» — часто встречающийся в рукописях Маркса знак: переверни страницу. Заметки о статье Зибера начинаются у Маркса уже на следующей странице.

irgend jemand endlich klar mache (объяснилъ), «warum Speise, in d. Magen d. Arbeiter gesteckt, als Quelle zur Bildung von Mehrwert dient, aber Speise, gegessen v. Pferd oder Kuh, keine solche Bedeutung hat» [14].

[Die Antwort, die S. nicht findet: weil die Speise im einen Fall menschliche Arbeitskraft (Menschen) produziert, im andern nicht. D. Wert d. Sachen ist nichts als ein Verhältnis <zwischen Menschen u. nicht> , das sie zu einander haben als Ausdrücke verausgabter menschlicher Arbeitskraft. Herr Rössler denkt offenbar: wenn ein Pferd <nun so> länger arbeitet <bis es> als nötig um d. Wert (seiner Arbeitskraft) der Pferdekraft zu produziert [produzieren!], so schafft es ebenso gut Wert, wie ein Arbeiter, der 12 statt 6 Stunden arbeitet. Dasselbe gilt denn v. jeder Maschine] [15].

D. deutsche Oekonomen wollten anfangs das «Kapital» v e r s c h w e i g e n (p. 45) aber [16] «противъ воли, пришлось вѣдаться съ теоріей Маркса во всякомъ литературномъ и словесномъ спорѣ, въ брошюрахъ по соціальному вопросу и съ университетской кафедры. Медленно, но вѣрно, истина восторжествовала въ эти нѣсколько лѣтъ уже до такой степени, что не только возникновеніе такъ называемой соціально-политической партіи, или партіи катедеръ-

---

[14] Слова Маркса,— «В Ежегодниках Бруно Гильдебранда рецензия на Капитал (З. говорит — Рёсслера)» — относятся к сообщению Зибера о рецензиях, появившихся в немецких журналах на «Капитал» Маркса.

Следующие за этими слова Маркса являются переводом Зибера.— Зибер пишет: «Рецензент задает Марксу, между прочим, следующий вопрос: «Мы бы желали, чтобы нам кто-нибудь, наконец, об'яснил, почему пища, поступающая в желудок работника, служит источником образования прибавочной ценности, а пища, с'едаемая лошадью или волом не имеет такого же значения?».

[15] Сам Зибер на вопрос Рёсслера (см. предыдущее примечание) отвечал так «Если бы такой «кто-нибудь» действительно нашелся, в чем автор рецензии (т.-е. Рёсслер.— *И. Л.*) заявляет решительное сомнение, то он, вероятно, об'яснил бы дело так, что экономисты и социологи, к числу которых принадлежит и Маркс, имели до сих пор слабость думать, что главный предмет их исследований представляет человеческое общество, а не общество домашних животных, рогатых и иных, а потому и занимались тою прибавочною ценностью, которая производится человеком; займись они, подобно Дарвину, естествознанием, они, вероятно, нашли бы нечто вроде прибавочной ценности и у разных других животных — напр., у некоторых пород муравьев или у пчел» (стр. 44).

Такой ответ Зибера не мог удовлетворить Маркса, ибо сам Зибер совершал здесь, методологическую ошибку, принципиально принимая вопрос Рёсслера, между тем как надлежало подвергнуть критике самую постановку вопроса. В своих заметках Маркс и дает такую критику. Он пишет (мы даем перевод этой заметки Маркса): «Ответ, который Зибер не находит: потому что в одном случае пища производит человеческую рабочую силу (людей), а в другом — нет. Стоимость (в терминологии Зибера — ценность.— *И. Л.*) вещей есть не что иное, как отношение, в котором люди находятся друг к другу, как выражение израсходованной человеческой рабочей силы. Господин Рёсслер очевидно думает: если лошадь работает дольше, чем необходимо для производства стоимости лошадиной силы, то она создает стоимость таким же образом, как рабочий, который работает 12 часов вместо 6. В таком случае это имеет место и с каждой машиной».

[16] Длинная выписка Маркса из статьи Зибера, выписка на русском языке, свидетельствует о том, что Маркс придавал большое значение мнению Зибера. Зибер перечисляет следующие работы, в которых, по его мнению, «трудно не видеть тех или других следов влияния отдельных положений Маркса»:

1. E. Dühring, «Kursus der National-und Sozialökonomie», Berlin 1873.

(Зибер называет книгу, хотя и по-немецки, но в искаженной руссифицированной форме:

соціалистовъ, находится въ явной и непосредственной связи съ изслѣдованіями Маркса о фабричномъ законодательствѣ въ Англіи, но и на всѣхъ почти вновь выходящихъ экономическихъ сочиненіяхъ трудно не видѣть <тех> тѣхъ или другихъ слѣдовъ вліянія отдѣльныхъ положеній Маркса. Для примѣра мы укажемъ на книгу Дюринга «Kursus der Politischen Oekonomie» въ которой <тер> теорія капитала представляетъ блѣдный снимокъ съ идей Маркса о томъ же предметѣ; на <ни> книгу Книса «Geld und Kredit», въ которой нѣкоторыя положенія Маркса о деньгахъ <фигуру> фигурируютъ, хотя и въ замаскированномъ видѣ, но не настол ко, однако, чтобы ихъ нельзя было узнать сразу; на брошюру Шиля (Schile): «Theorie der sozialen Frage», въ которой прямо признается значеніе Марксовой теоріи прибавочной ценности; на сочиненіе Brentano «Arbeitergilden» гдѣ можно видѣть слѣды не одной, а многихъ идей Маркса и т. д. Самое имя Маркса упоминается въ подобныхъ случаяхъ, по большей части, нѣсколько свысока, хотя и не безъ признаковъ скрытаго уваженія,— иногда-же не упоминается вовсе; какъ въ целомъ, такъ и со стороны методы,— изслѣдованія его остаются непоняты, но все это нисколько не мѣшаетъ отдѣльнымъ частямъ его теорій пробивать себѣ все болѣе и болѣе широкій путь въ сознаніе нѣмецкихъ экономистовъ» (p. 45, 46).

Hermann: «Grundriss der Physiologie d. Menschen», 1872.

Ranke, «Grundzüge der Physiologie d. Menschen». Leipzig 1872 [17].

«Kursus der Politisch. Oekonomie». Маркс буквально переписывает это искаженное заглавие).

2. K. Knies. «Geld und Credit».

(К 1874 г. вышла только первая часть этой работы: Abt. I. «Das Geld». Berlin 1873.)

3. Scheel, «Theorie der sozialen Frage».

4. L. Brentano, «Die Arbeitergilden der Gegenwart», 2 B., Leipzig 1871—1872.

[17] Заметки Маркса о статье Зибера заканчиваются выпиской заглавий двух книг: Германна и Ранке о физиологии человека. Зибер цитирует этих авторов, популяризуя теорию Маркса и желая раз'яснить соотношение между количествами принимаемой человеком пищи и механической его работы.

Из книги Германна (L. Hermann, «Grundriss der Physiologie des Menschen», 4. Auflage, Berlin 1872) Зибер цитирует следующие положения: «Элементы пищи должны быть вообще те же, что и элементы тела... Но в простом виде они не годны, а должны поступать в тело в виде химических соединений». «Достоинство средств питания зависит главным образом от представляемой ими суммы потенциальной силы, т. е. количества живой силы или работы, происходящей от сгорания. Чем больше уже окислены продукты, тем меньше значения имеют они для организма. Поэтому мочевина — совсем не пища, креатин — весьма плохая, белок и сахар, напротив того, весьма важная» (стр. 63, 64).

Из книги Ранке (J. Ranke, «Grundzüge der Physiologie des Menschen mit Rücksicht auf die Gesundheitspflege». 2. Auflage, Leipzig 1872) Зибер заимствует таблицу пищи, достаточной, по мнению этого физиолога, в день для взрослого человека в 74 килогр. весом при умеренной телесной работе: 100 грамм. альбумина, 100 грамм. жира, 240 грамм. крахмала, 25 ч. солей, 2 535 ч. воды, всего 3 000 грамм. или 6 фунтов.

На 64-й стр. статьи заметки Маркса заканчиваются. Последние 26 страниц статьи Зибера в тетради Маркса совершенно не отражены.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ О МАРКСЕ

(сообщение г. Штейна)

В последнее время Институту К. Маркса и Ф. Энгельса удалось раздобыть из хранилищ тайного государственного архива в Берлин-Далеме фотокопии многих важных для марксоведения и для истории рабочего движения в Германии документов. Часть этих материалов еще совершенно неизвестна, часть же была рассмотрена некоторыми немецкими учеными, но основательной ученой обработке материалы эти до сих пор еще не подвергались. Серьезное исследование их начнется в связи с предпринятыми Институтом работами по предстоящему изданию полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Пока же мы намерены сообщить некоторые факты из полицейских дел о Марксе и Вейтлинге.

ДЕЛО МАРКСА.

Собрание документов о Марксе носит следующее название: «Acta des Königlichen Polizei-Praesidii zu Berlin, betreffend den Literaten Dr. Carl Marx, Communisten-Chef. (Signatur im Geh. Staats-Archiv: Pr. Br. Rep. 30 Berlin C. Pol. Praes. Tit. 94. Geh. Praesidialregistratur. Lit. M. Nr. 385:) (Дело королевского полицейского управления в Берлине о литераторе докторе Карле Марксе, вожде коммунистов.)

Дело это заслуживает изложения само по себе, независимо от того, займем ли мы уже теперь какое-нибудь определенное положение по отношению к вызываемым им проблемам марксоведения.

Папка с делом относится, как видно по литере его, к собранию документов тайной главной регистратуры (Praesidialregistratur) берлинского полицейского управления. Регистратура эта была организована, вероятно, между 1809 и 1815 гг. К ее ведению должны были относиться все те дела, содержание которых выходит из узких рамок чисто личных дел и политическое значение которых требовало сосредоточения их у начальника полиции. Благодаря этому в этой регистратуре могли накопиться обширные, исторически ценные документы о развитии политического радикализма в Пруссии и Германии.

В 1909 г. было впервые произведено выделение более старых дел, которые были переданы политическому отделу (тогда отдел VII, с первого апреля 1918 — отдел V; с 9 ноября 1918 г. — отдел Ia). В январе 1919 г. произошла вторая сортировка, причем все более старые дела главной регистратуры попали в тайный государственный архив. Наконец, в апреле 1919 г. были переданы в государственный архив остальные, находившиеся еще в отделе Ia, старые документы, ставшие благодаря этому доступными историческому исследованию.

Дело о Марксе по своему содержанию распадается на пять частей. Оно содержит: 1) материал о мерах, принятых полицией против брошюры Маркса «Разоблачения о процессе кельнских коммунистов» (1852 г.); 2) донесения о деятельности

Маркса в Лондоне (примерно в 1855—1860 гг.); 3) переписка по поводу прошения Маркса о признании за ним прав прусского гражданства и о разрешении ему поселиться в Берлине (1861 г.); 4) полицейские донесения о деятельности Маркса и его знакомствах в 70-х годах; 5) вырезки из газет о смерти Маркса и о смерти его дочери Элеоноры.

В нижеследующем мы приводим из этого материала, дающего нам наглядную картину деятельности прусской полиции, некоторые наиболее важные пункты.

1. Борьба против «Разоблачений»

Поводом к этому явилось донесение берлинской полиции одного лондонского агента от 23 ноября 1853 г. В этом донесении мы читаем следующее. «Вчера вечером я был у Маркса и застал его за работой над составлением очень подробного резюме дебатов кельнского процесса; это — своего рода критическое освещение процесса с юридической и политической точки зрения; само собой разумеется, что при этом сильно достается правительству и полиции, ибо Маркс поставил себе здесь исключительной задачей унизить прусскую юстицию, правительство и полицию в глазах общественного мнения и перед трибуналом юриспруденции; вам известно его гениальное перо, и мне нечего говорить вам, что этот памфлет будет шедевром и привлечет к себе в сильной мере внимание масс».

Под влиянием этого сообщения берлинское полицейское управление, а также шурин Маркса, прусский министр внутренних дел, фон-Вестфален, развили кипучую деятельность. Все прусские регирунгс-президенты, полицейские управления Гамбурга, Бремена и Кельна, прусский министр-резидент в Гамбурге, прусский посол в Брюсселе и префекты полиции в Брюсселе и Париже были предупреждены о предстоящем выходе брошюры Маркса, причем всех их просили о принятии надлежащих мер против распространения ее. В деле сохранились оригиналы писем, в которых брюссельские и парижские власти благодарят своих прусских сотоварищей за сообщение и пишут, что они примут против брошюры все доступные им меры. «Je m'empresse, — пишет префект парижской полиции от 13 декабря, — de vous remercier de cette communication. J'ai pris les mesures nécessaires pour empêcher l'introduction de cet ouvrage en France». (Спешу поблагодарить вас за это сообщение. Я принял все необходимые меры, чтобы воспрепятствовать появлению этого сочинения во Франции.) Такие же ответы получились от прочих властей, и теперь полиция стала ожидать по указанию фон-Вестфалена появления контрабандных посылок.

Вскоре из Бадена получилось известие о произведенных там конфискациях, и 12 марта 1853 г. Вестфален мог сообщить в циркулярном послании всем королевским правительствам следующее: «Таможенные чиновники великого герцогства Баденского конфисковали 6 текущего месяца в Леопольдхее два ящика с 275 пакетами экземпляров появившегося в Бадене у Крюзп памфлета «Разоблачения о процессе кельнских коммунистов», адресованными базельским книготорговцем Шаблицем самым крупным немецким и особенно прусским книготорговцам». В деле имеется также, в виде приложения к подробному донесению баденских властей о совершонной конфискации, полный список 275 книготорговцев. Экземпляры брошюры, за исключением некоторых, посланных в Берлин и предназначавшихся для властей, были уничтожены на бумажной мельнице в Леррахе, за что берлинское полицейское управление выразило свою глубочайшую благодарность баденским властям. В самом Базеле были произведены обыски.

2. Донесения о Марксе

Когда дело касалось коммунистов, то у прусской полиции было обыкновение изучать основательнейшим образом все следы, даже и явно безнадежные, Так, например, ей попали в руки невинные частные письма некоего Юлия Маркса, жившего в Бонне. Письма, написанные в октябре 1848 г., были адресованы одной даме и каса-

лись каких-то личных дел. Начальник берлинской полиции передал их полицейскому инспектору Гольдгейму, специалисту по выслеживанию коммунистов. Но Гольдгейм не сумел сообщить своему начальнику Гинкельдею ничего компрометирующего Юлия Маркса, и тогда письма эти были просто приобщены к делу Карла Маркса.

Что в 50-х годах имя Маркса привлекало к себе сугубое внимание и чиновников прусских представительств за границей, показывает следующий случай. Прусский министр-президент фон-Мантейфель получил от прусского посла в Швейцарии одно донесение насчет революционеров. В нем заключалось сообщение некоего Даниила Фрея из Золотурна о том, «что пресловутый Маркс и некий социалист Клозе, посланные, в качестве эмиссаров, поселились в Женеве». Правда, полиция не поверила этой утке. Материал этот был просто приобщен к делу Карла Маркса; относительно же вышеупомянутого Клозе в деле сказано, что личность его не тожественна с «личностью» Клозе из Бреславля» (ноябрь 1855 г.).

Извлечение из сообщений венской полиции говорит о Марксе, что он работает (осенью 1857 г.) отчасти для «Нью-йоркской трибуны», затем для одного энциклопедического словаря и для уркартовой Копеечной газеты. В конце сообщения написано дословно следующее: «От коммунистической партии, окружавшей его прежде, не осталось ни следа. Сам Маркс живет теперь на Гемпстедской поляне под Лондоном и лишь редко появляется в городе. Впрочем, среди эмигрантов его считают человеком ненадежным».

Еще забавнее извлечение из одного, посланного из Ливерпуля 10 февраля 1860 г., донесения. В то время были полицейские агенты, которые старались воздать должное гению Маркса, особенно если они вступали с ним в личное общение; но были и такие, которые судили о нем под углом зрения своего собственного крохотного мирка; к ним относится и ливерпульский доноситель: «В прошлый понедельник коммунистический рабочий кружок в Лондоне праздновал день своего основания; впервые за долгие годы доктор Маркс открыл заседание страстной речью, содержавшей в себе ядовитые намеки по адресу всех политических вождей эмиграции; под конец дело могло бы дойти до потасовки между ним, Бискампом и Э. Бауэром. Маркс бичевал всех, кто не хотел склониться перед его диктатурой, а, к его огорчению, таких людей очень много. За последние дни нападки направлялись, главным образом, против Фогта и Карла Блинда. Говорят, что Фогт, в союзе с Кошутом и Кинкелем, получил от французского правительства большие суммы на пропаганду; в распоряжении же Карла Блинда имеется немецко-американский революционный фонд. Это вызывает зависть со стороны доктора Маркса. Из-за его злого языка приверженцы его в коммунистическом кружке составляют меньшинство; впрочем, Маркс — непрактичный и неопасный человек; ни в одной революции он не играл бы заметной роли. Гораздо опаснее Кинкель, Блейх и Юх».

3. Прошение Маркса о признании за ним прав прусского гражданства

19 марта 1861 г. Маркс отправил письмо начальнику берлинской полиции барону фон Цедлиц-Нейкирху, в котором он сообщал ему, что, в связи с королевской амнистией, он вернулся из Лондона в Пруссию и намеревается теперь поселиться в Берлине. Пока же он остановился у своего друга, г. Ф. Лассаля: Берлин, Бельвюштрассе, 13. На основании своего договора с «Нью-йоркской трибуной» он может показать, что обладает средствами к существованию. Он просит о восстановлении его в прусском подданстве и о присылке ему свидетельства, что он заявил о своем поселении в общине Берлин.

Для лучшего понимания всего этого эпизода надо заметить здесь, что еще 1 декабря 1845 г. Маркс получил от правительства в Трире разрешение эмигрировать в Северную Америку и что летом 1848 г. он пытался в Кельне восстановить свое прусское подданство. Его прошение об этом было тогда отклонено.

Присутствие Маркса в Берлине и его письмо на имя начальника полиции вызвало сильную тревогу у властей. Прежде всего, чтобы разобраться в вопросе о его правовом

положении, были затребованы из Трира и Кельна донесения о его прежней жизни. Донесение начальника кельнской полиции Гейгера от 26 марта 1861 г. заключается следующими словами: «Здесь неизвестны такие действия упомянутого Маркса, которые могли бы подать повод к уголовному преследованию его и которые подпадали бы под пункты амнистии от 12 января; вообще, так как в то время здесь действовал французский уголовный кодекс, то нелегко было бы подвести под какой-нибудь пункт уголовного законодательства даже экстравагантнейшие выходки «Новой рейнской газеты». Таков же был ответ и из Трира.

Между Марксом и бароном фон Цедлиц-Нейкирхом завязалась довольно обширная переписка. Маркс аргументировал с большой юридической силой. Начальник полиции отвечал ему тоже пространными посланиями, не давая, однако, прямого ответа, и отделывался всякого рода увертками. Вследствие этого переписка приобрела несколько острый характер. 10 апреля Маркс повторил свое прошение, написав его по установленной форме, а 25 апреля он получил окончательный отказ.

На полях писем Маркса встречаются некоторые довольно пикантные отметки. Мы приведем здесь интереснейшую из них. В письме от 25 марта 1861 г., занимающем 9 страниц in folio, подчеркнуто следующее место: «Не в интересах вашего высокородия, полагаю я, чтобы я в течение трех-четырех месяцев и более оставался в полной неизвестности и, не будучи в состоянии принять никаких практических шагов, ожидал сообщения мне окончательного решения того, какое вы придаете толкование королевской амнистии и намерены ли вы, или нет, согласно ей, признать восстановление меня в прусском подданстве». На полях здесь стоит отметка: «Б е с с т ы д н ы й ж и д». Из заметки в конце письма видно, что Гольдгейму, достигшему в это время чина полицейского советника, было поручено следить за Марксом, не привлекая его внимания.

У всей этой истории был не лишенный юмористического привкуса эпилог. За труды властей в его деле Маркс, оказывается, должен был уплатить штемпельный сбор в размере 20 зильбергрошей. Но он уже покинул Берлин; а, согласно отметке в делах от 30 апреля 1861 г., Лассаль отказался уплатить эту сумму. После этого 3 июня 1861 г. было отправлена бумага о взыскании 20 зильбергрошей и 5 зильбергрошей пени; в случае неуплаты этих денег надлежало «без всякого снисхождения приступить к наложению ареста на имущество». Но Лассаль уехал, Маркс уехал. Власти запротоколировали соответствующие показания служанки и швейцара и распорядились о том, чтобы время от времени 33 полицейский участок проверял, не вернулся ли уже квартирохозяин Лассаль. 25 июля 1861 г. вышло распоряжение о наложении ареста на имущество Лассаля. В связи с этим сделана отметка, что уплачено 23 гроша. Но история на этом, повидимому, не закончилась, ибо 3 февраля 1862 г. 33 полицейский участок сообщал, что Лассаль вернулся, а на полях имеется отметка, что должно продолжать взыскание, очевидно, оставшихся 2 зильбергрошей.

4. Донесения о деятельности Маркса и знакомствах его в 70-х годах

15 апреля 1879 г. уголовный комиссар Крюгер сделал из Парижа донесение о захваченных у арестованного там Карла Гирша письмах Маркса, его жены и его дочери Элеоноры. Мы приводим некоторые интересные места из этого донесения.

«Письма Карла Маркса почти все очень кратки и полны брани по адресу существующего общественного строя и разных выдающихся личностей. Особенно достается в них вождям французской демократии, старым и молодым; только Бланке [Бланки] удостоился со стороны Маркса некоторого признания... Г-жа Женни Маркс пишет, как она уверяет, за спиной своего критического мужа, театральную критику и заметки для «Франкфуртской газеты», для чего она часто пользовалась посредничеством упомянутого Гирша. Но в ее письмах встречаются часто замечания по поводу того или иного «партийного сотоварища». Фроме она называет однажды даже «простофилей», указывая в связи с этим, что с годами она все более убеждается в правильности социалистической теории, но что социалистическая практика вообще не очень

высокого пошиба. Ее очень шокирует, что «Вильгельмчик» [Либкнехт] пишет в своих письмах к ее мужу: der Vorwärts, а не, как следует правильно: das Vorwärts, и она над этим неоднократно издевается. Но вообще Либкнехт пользуется, повидимому, большим уважением у семьи Маркса; точно так же о Бебеле чета Маркс и Элеонора Маркс не говорят в обычном презрительном тоне; что касается последней, то, если судить по ее твердому, вполне мужскому почерку и по энергичным выражениям, это, повидимому, совершенно не женственная особа...»

О политической деятельности говорится в донесении из Лондона от 15 апреля 1879 г. В деле речь идет о какой-то копии без упоминания имени автора. Вначале подчеркивается, что Маркс является фактическим руководителем немецкой революционной партии и что между ним и беглецами Коммуны имеется новое соглашение. «Прежде чем я вернусь к коммунарам, — читаем мы в донесении, — я скажу еще несколько слов о Карле Марксе. Он организовал на прочной основе союзы немецких политических эмигрантов в Англии. Он ввел многих немцев и немецких поляков в комитеты тред-юнионов и в самые тред-юнионы. Он вступил также в сношения с русскими эмигрантами, которые в Лондоне гораздо многочисленнее, чем это можно думать, и когда ему показалось, что эти связи достаточно сильны, чтобы при их помощи господствовать над французским элементом, то Маркс обратился с лестными предложениями к коммунарам или, вернее, к кучке людей, которые всегда говорят от имени «эмигрантов», и устроил дело так, что они приняли его план действий». Письмо изображает духовное влияние Маркса. Нет сомнений, что пропаганда продолжается во Франции со всей возможной настойчивостью, «чтобы в более или менее близком будущем вызвать там революционное движение, которое, несомненно, послужит сигналом для восстания во всех прочих странах». Письмо заканчивается приковывающей к себе внимание характеристикой Маркса, как вождя европейской революции: «Принимая, с одной стороны, участие в деятельности нигилистов в России, через посредство русских эмигрантов в Лондоне, которые по большей части богаты и находятся в непрерывных сношениях с петербургским и московским комитетом, с другой — направляя при помощи беглецов Коммуны тайным, но надежным образом социально-революционную пропаганду во Франции, оказывая в общем и в особенности через некоторых из коммунаров влияние на парижскую революционную печать (его зять Шарль Лонге — сотрудник «Révolution Française»), Карл Маркс является более чем когда-либо верховным руководителем революционного движения».

5. Вырезки из газет

Берлинское полицейское управление собрало в этом документе не только газетные сообщения о смерти Маркса и его дочери, но также и статьи о Марксе и о его деятельности из «Vorwärts» до 1908 г.

Из некрологов в настоящее время заслуживает упоминания статья «Кельнской газеты» (№ 75, от 16 марта 1883 г.) с ее необычайной для нашего времени попыткой высказаться об'ективным образом о деле жизни Маркса. Мы приведем из этого некролога несколько мест: «В политической экономии — особенно в Германии — нельзя назвать человека, который подействовал бы на массы, а также на ученых, более решительным и революционным образом, чем Карл Маркс... Вся наша политика в Германии находится в настоящее время под влиянием видоизмененных марксовых воззрений...» В конце статьи, после очерка жизни Маркса, мы читаем: «Если судить по результатам деятельности Маркса, то не может быть никаких сомнений относительно огромной роли его. В настоящее время вряд ли кто сможет высказать по этому поводу беспристрастное суждение, так как этому мешает чрезмерное восхищение одних и слепая ненависть других. Но Маркс был бескорыстным и героическим защитником рабочего класса, толкавшим его на путь самостоятельного выступления против капитализма; он был в известном смысле искупителем рабов труда, точно так же, как он был одним из самых проницательных и талантливых диалектиков, кроме Прудона [?], подвизавшихся на поприще политической экономии».

Из всего имевшегося в нашем распоряжении обширного материала мы выбрали лишь некоторые особенно характерные моменты. Этого достаточно, чтобы показать, что предстоит еще огромная историко-филологическая работа над одним этим материалом, ибо Марксу посвящено много документов. Предстоит основательно изучить все отдельные факты в их взаимной связи, чтобы получить таким образом новые полезные данные для биографии Маркса и истории пролетарского движения в XIX столетии.

ДОКЛАД ГР. ЛОРИС-МЕЛИКОВА АЛЕКСАНДРУ III О ПЛЕХАНОВЕ

(СООБЩЕНИЕ Д. БАУМА)

Зимой 1881 года Г. В. Плеханов, как известно, жил в Париже, борясь с нуждой и усиленно работая. В это же время тамбовский губернатор, барон Фредерикс, был уверен, что Плеханов находится в России. 15 марта шифрованной телеграммой он сообщил министру внутренних дел. что, «по сведениям почти достоверным, государственный преступник Георгий Плеханов уже два месяца в России, но где — неизвестно; ведет переписку с своей матерью, проживающей в Липецке. Прошу разрешения на просмотр писем, получаемых в Липецке на имя Марии Федоровны Плехановой и дочери ее, живущей с нею. Поручение может быть возложено на исправника или капитана Куртьянова, помощника начальника губернского жандармского управления».

Эту телеграмму Лорис-Меликов немедленно доложил Александру III с сопровождением следующего доклада:

«Всеподданнейше представляя при сем копию с телеграммы, полученной от тамбовского губернатора, почитаю обязанностью доложить вашему императорскому величеству, что о содействии просмотру корреспонденции, получаемой Марией Федоровной Плехановой и ее дочерью, с целью выяснения места пребывания Георгия Плеханова, мною уже сообщено статс-секретарю Макову.

«Плеханов — дворянин Тамбовской губ., бывший юнкер Константиновского военного училища, а впоследствии студент Горного института. Первую известность в революционной деятельности он получил во время демонстрации на Казанской площади, но задержан не был и с этого времени разыскивается. Жена его была задержана с прочими арестованными на площади лицами, но тогда же освобождена по недостаточности улик. По показанию государственного преступника Гольденберга, Плеханов принадлежал к числу руководителей появившейся в 1877 г. революционной партии «бунтари», деятельность которых проявилась в особенности в Щигровском уезде. В революционной среде Г. Плеханов именовался «Жоржем». По сведениям прошлого года, он находился в Париже.

Генерал-ад'ютант гр. Лорис-Меликов».

16 марта 1881 г.

На этом докладе Александр III карандашом написал: «Читал». По возвращении доклада от царя имеется на нем надпись: «К делу о 1-ом марте»; под этой надписью имеется вторая: «В деле о 1 марта Плеханов вовсе не упоминается». И этот документ был приложен к делу «об эмигрантах» [1]).

---

[1]) Дело № 410, Департамент полиции, 3-е делопроизводство об эмигрантах. 1881 г.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

(СООБЩЕНИЕ Б. НИКОЛАЕВСКОГО)

Печатаемое ниже стихотворение И. С. Тургенева до сих пор нигде опубликовано не было, — хотя упоминания о нем в литературе и встречались. Являясь откликом на события, волновавшие в момент его написания всех прогрессивно настроенных людей Европы, оно представляется весьма ценным документом для характеристики взглядов И. С. Тургенева в период, непосредственно предшествовавший революции 1848 г., и с этой точки зрения заслуживает серьезного внимания.

Написано это стихотворение в форме обращения к Варнхагену фон-Энзе [1]). Дипломат не у дел, историк и литературный критик, последний был заметной фигурой в литературно-общественном мире предмартовской Пруссии. Созерцательная натура и либерал-просветитель по взглядам, он никогда не был активным политическим деятелем. От революционеров он был далек, общественно-политический облик его вообще не отличается ни радикализмом, ни четкостью; о неопределенности и расплывчатости его убеждений достаточно говорит та формула, которой сам Варнхаген зафиксировал в 1840 г. свое «исповедание веры»: «Моим девизом, — записал он тогда в своем дневнике, — могли бы быть следующие слова: в процессе образования новых форм необходима полная свобода духа. Для Пруссии я уже давно избрал девизом: стремиться к свободе посредством просвещения народа».

Но либералом он был несомненным и отличался большой терпимостью ко взглядам других, что давало ему возможность поддерживать дружеские отношения даже со многими крайними революционерами, — в том числе с Бакуниным.

Среди обширного круга знакомых Варнхагена не мало было и русских. Начало его связей с этими последними относится к 1813 — 1814 гг., когда Варнхаген, в качестве офицера русской службы, проделывал в отряде Теттенборна кампанию против Наполеона. Позднее, когда Варнхаген променял шпагу на перо, его русские знакомства все больше и больше сосредоточивались на мире, так или иначе связанном с литературою. То обстоятельство, что Варнхаген интересовался русской литературой и даже писал о ней в немецкой прессе (его статья о Пушкине, написанная вскоре после смерти последнего, произвела большое впечатление и в Германии, и в России), конечно, только содействовало расширению круга его русских знакомств. Через его дом прошли Жуковский, Фроловы, Неверов, Огарев, Станкевич.

---

[1]) K.-A. Varnhagen von Ense (1785—1858)—автор известных «Дневников», являющихся одним из важнейших источников для изучения общественно-политической жизни Германии второй четверти XIII века. И. С. Тургенев его фамилию пишет на старый лад: Фарнгаген.

Бакунин, Н. Мельгунов, Грановский и мн. др., — едва ли не все побывавшие в те годы в Берлине представители русского литературного мира; его отношения к некоторым из них — например, к Станкевичу, Фроловым и др. — исследователи квалифицируют даже как дружбу.

Среди этих русских знакомых Варнхагена был и И. С. Тургенев. Начало знакомства последнего с Варнхагеном относится еще к студенческим его годам. В дневниках Варнхагена имя Тургенева впервые встречается под 7 ноября 1840 г., — в этот день Варнхаген регистрирует визит к нему Тургенева, Бакунина и Скачкова. Но можно с уверенностью утверждать, что это была не первая их встреча; по крайней мере, Тургенев в своих воспоминаниях о Станкевиче [1]) в таком тоне говорит о частых визитах Варнхагена к Фроловым, что у читателя не может не создаться впечатления о частых встречах там с ним и автора этих воспоминаний. А Фроловы в Берлине проводили зимы в 1837 — 1840 гг.

О характере отношений Тургенева к Варнхагену в этот период никаких сведений не имеется; единственное за эти годы упоминание имени Тургенева в «Дневниках» Варнхагена, это — упомянутая уже выше запись об его визите к последнему. Но почти несомненно, что отношений в собственном смысле этого слова между ними в то время и не было и что Тургенев-юноша только почтительно наблюдал со стороны за Варнхагеном, уже тогда пользовавшимся значительной известностью и окутанным ореолом знакомства с великим Гете.

Весною 1841 г. Тургенев расстался с Берлином, чтобы почти не заглядывать в него в течение целых 6 лет, — к этим годам относится начало его настоящей литературной деятельности. В 1847 г., когда он вновь попал в Берлин, он был уже не юным студентом, а человеком, тесно связанным с передовыми русскими литературными кругами и уже располагавшим крупным литературным именем.

В Берлин он прибыл около 20 февраля н. ст. 1847 г., — источники свидетельствуют, что Петербург он покинул около середины февраля н. ст., — и пробыл здесь свыше двух месяцев. Одним из первых его визитов в Берлине был визит к Варнхагену, — уже 21 февраля этот последний записывал в свой «Дневник»: «Меня посетил Иван Тургенев. Он прибыл из Петербурга и едет во Францию. Сведения об умственных течениях (geistiges Treiben) в России, о состоянии литературы; печатается мало, но талантов имеется много; молодые русские замыкаются в себя».

Следующее посещение Тургенева Варнхаген регистрирует 19 марта, — под этим днем в его «Дневнике» занесено: «Посещение Ивана Тургенева. Он посвятил мне одно из своих стихотворений и принес несколько русских книг» [2]).

Сопоставление даты этой последней записи с датою печатаемого ниже стихотворения Тургенева не оставляет никаких сомнений в том, что Варнхаген в ней говорит именно о последнем. Но пониманию содержания стихотворения обе эти записи (в других записях Варнхагена за это время имя Тургенева не упоминается) ни в какой мере не помогают. Текст стихотворения с несомненностью свидетельствует, что оно является

---

[1]) См. «Русские Пропилеи», т. III, 1916 г., стр. 134.

[2]) А. Чумиков, напечатавший в «Русской старине» за 1878 г. выдержки из «Дневника» Варнхагена, данную запись сопроводил таким замечанием: «Интересно знать, было ли это стихотворение напечатано и где?» («Русская старина», 1878 г. № 9, стр. 145). Эту запись использовал и Гутьяр в своей канве к биографии Тургенева. (Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 87, СПБ. 1910 г.)

откликом Тургенева на какие-то разговоры между ним и Варнхагеном, ответом на какие-то упреки, брошенные последним, на какие-то фразы о проклятиях, которые летят — и летят, по мнению Тургенева, вполне справедливо — по адресу русских. Но о содержании этого разговора «Дневник» Варнхагена прямо не говорит ни слова.

Понять, о чем шла речь во время этих разговоров, можно только, вспомнив о настроениях, господствовавших тогда в Берлине, — о событиях, которые тогда волновали умы всей прогрессивной Германии.

Эта последняя зимою 1846 — 1847 гг. переживала полосу предреволюционного под'ема. За несколько дней перед приездом Тургенева в Берлин, 2 февраля 1847 г., король прусский Фридрих-Вильгельм IV, после долгого сопротивления, уступая давлению нараставших в стране оппозиционных настроений, издал «патент» о созыве в Берлине своего рода земского собора — Соединенного ландтага провинциальных собраний. Функции и права этого ландтага были весьма и весьма скромны, — тем не менее страна приняла этот созыв как первый шаг к введению в Пруссии конституционного образа правления. Ни для кого не было секретом, что проведение этой реформы наталкивалось на сильное сопротивление со стороны наиболее реакционных кругов, — не была секретом и роль, которую в этой борьбе с реформами играл Николай I.

Этот последний в то время был едва ли не в периоде апогея своей славы «защитника порядка и законности». Он совсем незадолго перед тем показал, как далеко он может пойти в этой защите, помогая раздавить восстание в Кракове.

Уже в этой борьбе против краковского восстания наметилось расхождение между Россией Николая I и Пруссией. Хотя польское восстание угрожало и этой последней, — Мерославский выступил на ее территории, — тем не менее прусская дипломатия явно косилась по поводу мер, принятых Николаем. Только после усиленного давления со стороны последнего удалось добиться согласия Пруссии на уничтожение существования Кракова как вольного города. Что же касается до общественного мнения, то оно целиком было на стороне поляков, и состоявшийся в 1847 г. в Берлине суд над Мерославским сопровождался сочувственными подсудимому демонстрациями берлинской интеллигенции. Варнхаген, — очень чуткий барометр этого общественного мнения, — по получении сведений об уничтожении краковских вольностей, занес в свой «Дневник»: «Много толков о Кракове: говорят, что Россия принудила две остальные державы уничтожить вольный город. Плохое извинение! Не есть ли это сознание в своей слабости и невозможности не следовать за Россией даже в нехорошем деле?» (22/XII 1846 г.).

Образ русского жандарма, стоящего на границе Пруссии и с явным недовольством взирающего на рост там «вольных настроений», вырисовывался очень четко, — опасность с этой стороны на самом деле была больше, чем реальна. Николай действительно созыв ландтага рассматривал как прямую измену прусского короля тому союзу трех императоров, который существовал, начиная с Венского конгресса. «Нас было трое, — писал он в эти дни Паскевичу, — теперь мы много что двое» [1]). А в другом письме, под свежим впечатлением известия о созыве ландтага, выражения Николая были едва ли не еще более определенны: «Итак, все, чего мы опасались, сбылось! Пруссия из наших рядов выбыла и ежели еще не перешла в ряды врагов,

---

[1]) Щербатов, Кн. Паскевич, его жизнь и деятельность, т. IV, стр. 393, 606.

то наверное можно полагать, что через малое время и вопреки воле короля станет явно против нас, т. е. против порядка и законов!»

Из этого своего отношения Николай не делал особой тайны, и в Берлине циркулировали вполне определенные рассказы об его недвусмысленных угрозах. Так, тот же Варнхаген 19 февраля 1847 г., т. е. всего за два дня до первого к нему визита Тургенева, записал в своем «Дневнике»: «Рассказывают, что русский царь сказал, если вследствие нового положения вещей произойдут беспорядки, то он вмешается, потому что пожар в соседнем доме угрожает его собственному». И непосредственно вслед за этим Варнхаген регистрирует слухи об увеличении количества русских войск в Польше...

Легко понять, какое в этих условиях должно было складываться отношение к России, и не трудно догадаться, какие именно по ее адресу должны были сыпаться «проклятия». Тургеневу, несомненно, их пришлось выслушивать не от одного Варнхагена, — весь круг его знакомых не мог не говорить с ним на эту тему [1]). И вполне естественно, что он счел нужным откликнуться на эти разговоры, высказать свое отношение к этому волновавшему всех вопросу, — это он и сделал в форме стихотворения, обращенного к Варнхагену...

Это стихотворение печатается мною, с сохранением орфографии подлинника, с оригинала, хранящегося в варнхагенском архиве, в рукописном отделе Прусской государственной библиотеки.

К.-А. Фарнгагену фон-Энзе.

Теперь, когда Россія наша
Своимъ путемъ идетъ одна —
И наконецъ отчизна Ваша
К судьбамъ другимъ увлечена —
Теперь, въ великій часъ разлуки,
Да будутъ русской рѣчи звуки
Для Васъ залогомъ, что года
Пройдутъ — и кончится вражда;
Что чуждый нѣмцу съ колыбели,
Черезъ одинъ короткій векъ
Сойдется съ нимъ у той же цѣли,
Какъ съ братомъ — Русскій человѣкъ;
Что если намъ теперь по праву
Проклятія гремятъ кругомъ —
Мы нашъ позоръ и нашу славу
Искупимъ славой и Добромъ...
Всему, чѣмъ ваша грудь согрѣта —
Всему сочувствуемъ и мы;
И мы желаемъ мира, свѣта,
Не разрушенья — и не тьмы.

Ив. Тургеневъ.

Берлин, 19 (7) марта 1847 г.

[1]) А этот его круг знакомых в то время был определенно лево настроен, — Тургенев тогда превосходно понимал, почему отсталым кажется не только «богоборец» Бр. Бауэр, но и наиболее последовательный в своем индивидуалистском анархизме лидер еще недавно так сильно шумевших «свободных», М. Штирнер (см. письмо Тургенева из Берлина, перепечатанное из «Современника» 1847 г. в «Русских Пропилеях», т. III, стр. 111.

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА К ПОЛЬСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже три письма Бакунина к генералу Л. Мерославскому относятся к периоду переговоров между генералом и кружком «Колокола», закончившихся разрывом. Бакунин, решивший принять активное участие в борьбе поляков за свободу, которая, как он надеялся, должна была повлечь за собою и революционное восстание в России, стремился сблизиться с польскими деятелями различного направления. С этой целью он в августе 1862 г. предпринял поездку в Париж, во время которой познакомился и с генералом Мерославским, числившимся на самом левом крыле польской эмиграции. Но при всей своей левизне Мерославский был ярым националистом старой школы и слышать не хотел ни о каком праве народов на самоопределение, считая это изменою Польше, которую он мыслил только в старых исторических границах 1772 г. («от моря до моря»). Готовый использовать помощь русских революционеров, возможные размеры которой он, как и другие, сначала сильно преувеличивал (отчасти, быть может, под влиянием рассказов энтузиаста Бакунина), Мерославский весьма отрицательно относился к их социалистическим стремлениям, которые он признавал пагубными для национальных интересов Польши.

Поэтому соглашение между Мерославским и кружком «Колокола», от имени которого с ним разговаривал Бакунин. было вообще весьма проблематичным. К этому присоединились безмерные претензии Мерославского. Считая себя призванным спасителем отечества, намечаемый на пост диктатора в грядущем польском восстании, он чрезвычайно ревниво относился ко всему, что могло стать ему на дороге. Отсюда его враждебное отношение к деятелям, работавшим в самом крае и составившим там Центральный Комитет, фактически ставший руководителем революционного движения в Польше. Совершенно естественно, что когда Мерославский поставил Бакунину, Герцену и Огареву ультиматум сделать выбор между соглашением с ним или с варшавским Комитетом, они предпочли союз с последним, тем более, что тайное военное русское общество, действовавшее среди стоявших в Польше русских войск, и слагавшаяся тогда в России «Земля и Воля» вошли в сношения именно с варшавским Комитетом. Об этом в мягких выражениях и говорит письмо Бакунина от 2-3 октября 1862 г., являющееся ответом на письмо Мерославского от конца августа, в котором тот требовал от лондонцев, чтобы они сносились по польским делам только с ним.

После этого разрыв стал совершившимся фактом. Мерославский открыл враждебную кампанию против русских революционеров и против польского Центрального Комитета как в своем органе «Baczność», так и в европейской прессе. Он обвинял русских революционеров в панславистской интриге и в служении интересам русского царизма, а польских революционеров, пошедших с ними на соглашение на основе признания за всеми народами, в том числе украинским, белорусским и литовским, права на самоопределение, — в измене польскому национальному делу.

На поднятую Мерославским кампанию Бакунин ответил письмом в редакцию «Европейского курьера», напечатанным отдельною брошюрою на русском, французском

и польском языках под заглавием «Варшавский Центральный Комитет и Русский Военный Комитет», вышедшей в начале 1863 г. Мерославский ответил на нее своей брошюрой, и эта полемика продолжалась еще в 1868 г., когда в ответ на новую выходку Мерославского в его «Письме к майору Бражевичу» Бакунин выпустил свое «Последнее слово о г. Л. Мерославском» (на французском языке).

Конфликт между Мерославским и Бакуниным представляет интересный штрих в истории взаимоотношений между русскими и польскими революционерами. В этом отношении он имеет интерес длительного характера, не утраченный и доныне.

Оригиналы писем (на французском языке) хранятся в польской национальной библиотеке Раперсвильского музея. Последнее из них было частично напечатано в упомянутой брошюре Бакунина. Полностью оно появляется здесь впервые.

Ю. Стеклов.

Письма к генералу Л. Мерославскому

1

Париж, 16 августа 1862 года.

Генерал,

Вчера вечером я позабыл у Вас две книжки, которые Вы имели любезность мне подарить. Будьте добры передать их г-ну Фенину [1]), которого спешу Вам рекомендовать, так как это один из тех эмигрировавших русских офицеров, о которых я Вам вчера говорил. Надеюсь, дорогой генерал, что скоро мы получим от Вас известия.

Преданный Вам М. Бакунин.

2

Лондон, 25 августа 1862 года.
10, Paddington Green. W.

Дорогой генерал,

Направляю к Вам и рекомендую Вам нашего соотечественника и друга, господина Бакста [2]), поверенного всех наших мыслей и желаний и горячего сотрудника всех наших предприятий. Ввиду того, что он еще пользуется охраною русского паспорта и благоразумно желает пользоваться им, елико возможно, я прошу Вас упоминать о нем по секрету только тем из Ваших друзей, с которыми Вы сочтете абсолютно необходимым говорить о нем. С своей стороны, я отвечаю за него и прошу Вас оказывать ему такое же доверие, какое Вы соблаговолили оказать мне.

Скоро ли Вы пришлете нам сколько-нибудь положительные известия из Варшавы, и вернулся ли оттуда господин Казин [3])? В ожидании скорого послания от Вас жму Вашу руку.

Преданный Вам М. Бакунин.

3

Лондон, 2 октября 1862 г.
10, Paddington Green. W.

Дорогой генерал,

Я долго не отвечал Вам. Но мое молчание имело ту серьезную причину, что я хотел дать Вам ясный, решительный и точный ответ на все вопросы и условия, поставленные Вами в письме к нам. Требуя от нас, чтобы мы впредь не имели с поляками никаких других отношений, кроме тех, которые Вам угодно было предложить нам, Вы ставите нас в крайне затруднительное положение. С одной стороны, мы совершенно

убеждены в том, что Вы являетесь самым энергичным, умным и наиболее решительным революционером среди польской эмиграции, — это значит, другими словами, что мы одушевлены живейшим желанием итти вместе с Вами. Но, с другой стороны, у нас уже нет свободного выбора, так как наши соотечественники в Царстве Польском, — именно те, которые рискуют своею свободой и жизнью, — свой выбор уже сделали. Вы сами очень хорошо знаете, что они вот уж около года работают в согласии с «Варшавским Центральным Комитетом», который, с своей стороны, прислал нам почти официальное письмо, каковое Вы найдете в последнем № 146 «Колокола» (от 1 октября) [4]. Мы не можем порвать эти отношения, не нами созданные, а лишь освященные нашим сочувствием и согласием. Так как программа, выраженная в этом письме, совершенно тожественная с нашей, то у нас нет никакого основания, а значит, и права расторгнуть союз, который на наш взгляд и, надеюсь, также на Ваш становится с каждым днем все более необходимым.

Вот в немногих словах вся наша позиция. Изменению она не подлежит. А потому мы просим Вас дать нам возможность итти вместе с Вами, не разрушая соглашения, уже существующего между нами и Варшавским Центральным Комитетом.

Примите выражение моего высокого уважения и искренней симпатии.

Преданный Вам М. Бакунин.

3 октября.

Я распечатал свое письмо, генерал, чтобы пожаловаться Вам на несправедливую, я чуть было не сказал — клеветническую, манеру, с какою говорится о моей брошюрке в польском журнале «Baczność», который, по Вашим словам, выражает Ваши собственные мысли [5]. Брошюру, прямо написанную против царя, превратили в сочинение, написанное за царя, что могло случиться только вследствие непонимания или же вследствие несправедливости и недобросовестности. Я предпочитаю допустить первое. Ввиду этого посылаю Вам свою небольшую работу, а в лице г. Сохновского [6], подателя сего, переводчика и защитника. Примите его, пожалуйста, это товарищ расстрелянных Сливицкого и Арнгольда, парень весьма неглупый, который, надеюсь, Вам понравится.

Письмо к К. Э. Хоецкому [7].

4 октября 1862 года. Лондон.
10. Paddington Green W.

Дорогой друг,

Я чрезвычайно доволен тем, что Ваш интерес к славянскому делу и газете не уменьшился. Г-н Зенкович [8] проявляет полнейшее отсутствие здравого смысла, когда позволяет себе заявлять, будто слышал от меня, что я желаю, чтобы наша газета редактировалась не в Париже. Так как она не должна носить демагогического характера и должна быть умеренною по форме, хотя и весьма твердою по содержанию, то я не усматриваю никакого неудобства, а, напротив, усматриваю тысячу выгодных сторон в том, чтобы она выходила в Париже. Но меня огорчает то, что Вы отказываетесь от редактирования ее в пользу г-на Ходьзко [9]. Г-н Ходьзко, без сомнения, превосходный человек и искренний поляк, но, будучи, как Вам известно, персидского про-

исхождения, он пришел к славизму только сентим[ент]альным и мистическим путем товяньщины. Он во-всю будет разводить славянские теории с [примесью? неразборчивое слово] болезненного полонизма. Это нам не подходит. Нам нужна практическая газета, а, значит, во главе ее нужен практический человек. Мы остановили свой выбор на Вас и сохраняем его. В противном случае мы поищем другого редактора не из среды поляков, потому что, по-моему, Вы единственный поляк, достаточно свободный духом для редактирования действительно славянской газеты, а не польской газеты под славянской вывеской. Польских газет у вас имеется достаточно, и если существующие вас не удовлетворяют, можете основать новую. Но бедные южные славяне, славяне венгерские, чехи не имеют своего органа, а он им безусловно необходим. Поляки должны выступать в нашей газете, подобно всем прочим, лишь в скромной роли одного из славянских народов, а не в качестве избранного народа-мессии. Вот как обстоит дело.

Дорогой друг, Вы дали нам слово, Вы связали себя и мы Вас не освобождаем. Вы — наш раб и, пожалуйста, не бунтуйте.

Виделись ли Вы снова с Лешининым [10])? Какой он дал Вам окончательный ответ? Когда будут деньги? Что думает он и что думаете Вы о новом обороте дел у южных славян? Что говорят у вас о Гарибальди и об Италии?

Посылаю Вам последние два номера «Колокола» и номер той же газеты, выпускаемой неким г. Фонтэном [11]) в Брюсселе.

В № 145 Вы найдете мою статейку под заглавием «Петербургская нескромность». В № 146 найдете нечто более важное: письмо Варшавского Центрального Комитета (Centralny Narodowy Komitet) редакторам «Колокола». Это предварительные условия союза, и, могу сказать Вам по секрету, это союз положительный, заключенный и ратификованный. Дорогой друг, Вы порадуетесь ему вместе с нами. Будем надеяться, что с об'единением наших сил дело двинется энергичнее и быстрее.

Прилагаю небольшую брошюру.

Преданный Вам М. Бакунин.

[Оригинал (на французском языке) хранится в Пушкинском доме при Академии наук в Ленинграде]

Письмо к Амборскому [12])

Лондон, 12 октября 1862 года.
10, Paddington Green. W.

Грустное известие, переданное мне по телеграфу, о постигшей Вас участи глубоко тронуло всех Ваших друзей [13]). В то время, когда мы ожидали самых важных услуг от Вашей неутомимой и опытной деятельности, Вы пали жертвою интриг нашего (гадкого) посольства и коварной измены кого-нибудь из Вам близких людей. Совершился удар, но будьте мужественны — ego omnia mecum porto [14]). Ваши идеи созреют.

Я узнал, что место заточения Вашего — Перпиньян, плохой городишко, пропитанный духом бонапартизма. Мы Вас не забудем, и расстояние не разлучит истинной дружбы. А. Ив. [Герцен] чувствует эту потерю, он видел в Вас союзника, и если бы Вы остались с нами в Лондоне, то избегнули бы этой горькой участи. Императорство, это — цепи свободы, они понимают свое призвание и потому им все средства позволительны.

Хорошие времена, результат 1848 года, наши дела двигаются; если бы достигнуть полного соединения с Вашими, тогда бы мы разрушили всю администрацию. Но враги портят все, и союз вожделенный еще не состоялся [15]). Может быть, события решат и сблизят. Польша негодует, в России сотни наших пробегают деревни и призывают к крестовому походу против монархизма [16]). Крайнее невежество наших крестьян и слепая преданность романовцам ослабляют пропаганду.

Ваш Комитет решил в январе низвержение ига, советую Вам какою бы [то ни было] ценою, [хотя бы] крови, выйти из постыдного рабства; энергия, — а войска [17]) помогут. Офицеры теперь не николаевской школы.

Партия наша и фонд [18]) растут. В последнее время прибыло 2 т. фунтов. Если так пойдет, то составится колоссальный капитал для предприятий. Вольский [19]) собирает суммы для нашего фонда, но I. С. [20]) молчит, ни слова, верно занят. Пишите к нам и будьте уверены, что все для Вас исполним. Ипполит [21]) уехал из Лондона. А. И. [Герцен] жмет Вам руку.

Преданный Вам М. Б.

Лозунг будет выслан через доверенного.
(Письма жгите.) [22])

Письма к И. Цверцякевичу [23]).

1

A M-me Marie Corday (J. C).
15 rue Jacob, Hôtel de Hambourg.
15 октября [18]62 [года. Лондон].
10, Paddington Green. W.

Kochany Panie,

Славу Богу, все наши страхи касательно писем, порученных нами Сохновскому [24]), совершенно рассеялись с Вашим письмом. Вместе с ним я получил другое от Мерославского, копию с которого спешу Вам послать, так как Вам необходимо знать все, что между нами делается по польско-русскому делу. Вот оно *):

8 октября 1862 года. Париж.

Дорогой сотоварищ по изгнанию,

Вы сообщаете мне о своем затруднении в связи с выбором между тем, что я не могу назвать иначе, как истиной и ошибкой, и высказываетесь за последнюю, чтобы не разойтись со своими соотечественниками. Это с Вашей стороны, быть может, благородно, но в то же время весьма опасно. То, что Вы называете громким именем Центрального Комитета, просто-напросто пустая фикция, верьте моей дружбе. Г... [25]), единственный обломок этого эфемерного об'единения, по прибытии своем в Париж узнал об этом из уст его прежнего представителя (что это значит? уж не Сикора ли?), и от него не осталось других следов, кроме неудачной декларации, которую Г... позволил себе передать в «Колокол». Это произведение оказало самое пагубное действие. То, что Вы претендуете преподавать нам географию нашей республики на ваш манер, это еще не большая беда; мы в отместку станем переделывать карту и этнографию России

*) Письмо Мерославского мы даем в переводе с французского текста.—Прим. ред.

на наш манер, а наши добрые отношения от этого не изменятся в худшую сторону. Но то, что нашелся хотя бы один поляк, способный играть в расчленение своего отечества на фантастические национальности, вот что является позором для всей нашей революционной школы. Этим путем вы приобрели неважного союзника и убили последнего могикана Центрального Комитета, если он вообще был жизнеспособен. Скоро вы услышите сильное и продолжительное эхо этого суждения во всей польской революционной прессе, и тогда Вы, может быть, вспомните о том, что я говорил Вам во время Вашего последнего посещения Парижа. До всяких деловых переговоров составьте солидную Московию подобно составленной нами Польше: ограниченную, определенную, ответственную партию, с которой можно было бы, наконец, разговаривать и столковаться на предмет борьбы с русской Империей вне духа возможной революции и пр., и пр. *)

Л. Мерославский.

Одним словом, Вы видите, он очень сердит и намерен вместе с другими воспользоваться недоразумением, чтобы оклеветать и по возможности ослабить наше влияние в Центральном Комитете в Варшаве. Мы ожидаем будущей статьи его в «Baczność» [26]), и не одна «Baczność», но и «Przegląd» [27]) подымет против нас зловещий голос. Нас это не смущает. Мы даже на первый раз не будем отвечать им, а предоставим это Вам. Мы же ограничимся разговором и полнейшим уразумением в «Колоколе» с Вами, дабы Вам дать возможность отвечать на нападения Ваших польских противников. Посылаю Вам последние №№ «Колокола», 146 и 147; Вы найдете в последнем наш ответ Центральному Комитету и ответ на письма русских офицеров. Надеюсь, что как то, так и другое удовлетворит Вас.

Любящий и искренний друг.

(Огонь любит бумагу, жгите письма.)

2

A M-me Marie Corday (J. C.)
15 rue Jacob, Hôtel de Hambourg.
18 октября [18]62 [года. Лондон.]
10, Paddington Green. W.

Что скажу еще? Надеюсь, Вы будете довольны 147 № «Колокола». В нем найдете адрес войск, расположенных в Царстве Польском, к великому князю Константину, в том же самом времени письмо Центрального Комитета и ответ к нему. Письмо к офицерам и адрес к в. князю будут напечатаны на следующей неделе в особом листе в числе 2 000 экземпляров по-русски (равно 2 000 экземпляров по-польски); мы отошлем бо́льшую часть их, как польских, так и русских, в Гейдельберг, к известному Вам нашему соотечественнику [28]), и попросим Вас тогда передать через одного из Ваших соотечественников ему же, по каким адресам он должен их послать в Царство Польское, в Литву, в Украйну, Познань и Галицию. Вообще попрошу Вас

*) Последняя фраза не совсем вразумительна. Об'ясняется это тем, что третье-отделенские копии вообще полны описок и искажений. Возможно, что и в данном случае переписчик просто наврал. — Прим. ред.

аккредитировать одного из Ваших лучших, серьезных и молчаливых соотечественников в Гейдельберге для постоянных сношений с нашими друзьями, но прошу Вас, чтобы имя его, — я говорю о том, которого Вы видели у меня и с которым накануне Вашего от'езда обедали вместе, — было известно Вам и Вашему доверенному агенту в Гейдельберге и не было бы употребляемо в переписке по ложе.

Вчера я получил от него письмо из Гейдельберга. Он пишет, что польская молодежь продолжает отдаляться от русских и что письмо Центрального Комитета не произвело на них желанного влияния, что он, однако, будет употреблять все силы, чтобы способствовать к сближению. Говорит, что и между русскою молодежью он нашел большое недоверие к полякам. Итак, Вы видите, любезный друг и союзник, и Вам, и нам придется еще много работать для полного сближения. Но мы верим в успех, потому что, заключив полный и явный союз с Центральным Комитетом польским, поставим, наконец, ногу на твердую почву. Мы верим в Вас, верьте и в нас. Вы правы, и потому прошу Вас, оставив все личные деликатности в спорах, обращайтесь к нам прямо со всеми сомнениями и требованиями — мы будем делать то же самое. И вы, и мы уверены, что в соединении наших усилий лежит общая польза Польши и России. Мы их победим скоро.

Вы, верно, получили мое последнее письмо о необходимости для Центрального Комитета обратиться официальным манифестом к эмиграции с требованием, чтобы она подчинилась национальному правительству, возникшему в недрах деспотизма, имевшему смелость об'явить о своем существовании под пушками и штыками наших дикарей и признанному всею революционерною Польшею. Такой манифест, по моему убеждению, будет иметь огромный успех, соберет в одно сильное тело самую лучшую часть эмиграции польской, которая возвысит и усилит действия Центрального Комитета. Это теперь более, чем когда-либо, необходимо, чтобы противодействовать интригам Мерославского, старающегося захватить власть в свои руки. Он теперь зашумит еще более и увлечет за собою много молодежи, особенно Шляхетский комитет [29]), имеющий в настоящее время большой успех в эмиграции. У этих господ в руках опасное средство — деньги; они просто закупают тех, кого не могут убедить. Эмиграция бедна, устала от лишений и бедности, и потому многие в ней, сами того не замечая, стали склонными к compromis de conscience*). Деньгам Вы можете противупоставить только великое революционное дело, да честное и громкое слово. Вы будете сильны, если не пропустите времени и смело выскажетесь.

Друзья наши обещали прислать нам свой адрес к польскому народу, где комитет об'явил себя правительством, адрес do chłopow **), равно Ваши журналы «Strażnica» [30]) и «Ruch» [31]) за последнее и настоящее время. Мы ждем все это с большим нетерпением. Когда прочту все, я издам новое послание к русским и польским друзьям, которым, надеюсь, будете вполне довольны.

Зная честность наших друзей, я был бы совершенно спокоен, если бы не боялся за друга нашего «Всеклото» [32]). Напрасно он был в Париже; теперь о его пребывании в Лондоне знают все, и нужно чудо, чтобы русское правительство, после писем и адресов, публикованных в «Колоколе», не обратило на него внимания. Вы

*) Компромиссам с совестью. — Прим. ред.

**) К крестьянам. — Прим. ред.

видите, Мерославский пишет мне о нем. А раз'яренное тщеславие генерала, пожалуй, может дойти до болтливой измены.

Мне кажется, что в эмиграции, сложившейся вокруг Центрального Комитета, образовался другой особый комитет не в Париже, а в Лондоне. В Париже никакому серьезному делу теперь делаться невозможно. Там все насквозь пронизано полицейскою наблюдательностью, и все серьезное будет тотчас передано варшавской, петербургской и берлинской полициям. Помните, что наш враг не дремлет.

Получили ли Вы посланные 146 [и] 147 №№ Колокола? Лиза[33]) еще не приехала; лишь приедет (в Лондон), извещу Вас. Я очень желаю поскорее увидеться с Вами в Лондоне, потому что о многом нужно серьезно переговорить. Здесь под влиянием моего приятеля Булевского[34]), на которого прошу обратить Ваше внимание, большинство польской демократии ждет только появления манифеста Центрального Комитета для того, чтобы подчиниться ему. Необходимо также Вам иметь свой орган; советую основать такой журнал в Лондоне с корреспонденциями из Польши. Не худо для этого дела приобресть Вам Э. Хоецкого[35]), которого я хорошо знаю, и, если можно, Вольского[36]): оба талантливые люди, хотя и без характера; имя первого известно в Польше, где его более уважают, чем в Париже.

От Сохновского — которого буду звать отныне Grégoire (а гейдельбергского друга — Théodore) — мы ожидаем очень большую пользу: он энергичен и осторожен.

Прилагаю письмо к нему, которое передайте, но, ради бога, уговаривайте удаляться от русской дряни, проживающей в Париже. Но если встретится человек наших убеждений, по природе серьезный, но только не слишком умный, тогда другое дело. Жаль, что Вы не познакомились с моим другом болгаром[37]). Теперь он в Лондоне, но через неделю будет в Париже и явится к Вам. Где выходит Ваш «Glos»? И если выходит, пересылайте его на имя Тхоржевского[38]), который передаст в редакцию «Колокола».

Не забудьте прислать нам верные адресы на границу Царства Польского, Украины, в Познань и Галицию или прикажите посылать по тем адресам, которые дал мне «Встеклый» (G.). Пошлите адресы и своему агенту в Гейдельберг.

С нетерпением жду известия о счастливом прибытии наших друзей[39]) в Варшаву: это будет доброе начало успеха. С тех пор, как Вы уехали из Лондона, в нас все замерло, и мы кроме враждебного шума из Парижа ничего хорошего не слышим.

Известия передавайте нам с надписью «верно», когда они несомненны, и «говорят», — когда сомнительны. Сохраняете ли Вы Ваш словарь для наших знаков? Если нет, то надо создать.

(Бумага любит огонь — жгите.)

3

A M-me Marie Corday.
15 rue Jacob, Hôtel de Hambourg.
30 октября 1862 года. Лондон.

Повторяю Вам то, что сказал Вам десять дней тому назад. Как только Варшава поднимется, я, если доживу до того дня, непременно буду там. Если польский национальный Комитет, не сулящий много надежд на успех, окончательно выскажется за

восстание, я буду более чем обязан поспешить к нему на помощь с партией моих русских. Но то же убеждение заставляет меня, равно как и моих друзей, высказать Вам самую горькую истину. Мы совершенно не готовы и не можем даже уверенно ручаться Вам за те русские войска, которые скоро должны прибыть из России для замены расположенных в Польше частей. Мы более чем уверены в том, что они будут драться против ваших добровольцев и против тех военных групп, которые поклялись вам выступить вместе с вами. Привлечь их на свою сторону в какие-нибудь два с половиною месяца невозможно. Я не думаю, чтобы войска, расположенные в Польше, были на столько хорошо подготовлены, чтобы вы могли рассчитывать на половину, четверть или пятую часть их, а тогда, если генералы не окажутся безумцами или трусами, четыре части раздавят пятую, прежде чем подойдут войска из России.

Все, что наши друзья говорят о соучастии Пруссии, более чем достоверно. Без сомнения между Францией, Пруссией и Россией существуют искренний союз и формальный сговор относительно торжества реакции в каждой из этих стран. Наполеон в настоящее время является другом, советником, покровителем и вместе с тем повелителем прусского короля, равно как и русского императора, который под его руководством начинает действовать более разумно. В большей части России Александр одной рукой вводит осадное положение, а другой отвлекает внимание всякими юридическими и административными преобразованиями. Кто знает! Наше правительство, ставшее несколько более благоразумным в предвидении страшной бури, приближающейся в Польше, и ввиду безостановочного роста враждебных ему элементов, которые рано или поздно должны на него обрушиться, наше правительство, чтобы избежать вероятной внешней войны, стремится по совету Наполеона поставить нас в критическое положение, при котором всякая борьба является невозможной. Принимая эту борьбу, вы будете служить планам ваших врагов. Поэтому, если у вас есть малейшая возможность уклониться от этой борьбы, сделайте это для спасения Польши.

Будьте любезны ответить на следующие вопросы:

1) Сколько предполагается взять рекрутов в городах — 25 000 или 5 000?

2) В какой степени польское движение будет деморализовано и ослаблено, если взято будет только 5 000? Следовательно, эти люди никогда не пропадут.

3) В России, благодаря нашей новой организации и всем нашим усилиям, эти люди были бы мощным средством пропаганды в войсках и разрушения императорского правительства вернее, чем в Польше. Года через два или позже они вернулись бы в свою страну в качестве победителей. Но это движение длительного характера, а при вашем темпераменте я не думаю, чтобы подобное движение казалось вам особенно привлекательным.

4) Скажите, пожалуйста, насколько подготовлены Литва, Украина и Великое Герцогство Познанское? Ведется ли там деятельная военная пропаганда?

5) Что нового вы знаете о Петербурге, ибо *сейчас все наши связи порвались, и мы ничего не знаем*?

6) Если восстание должно произойти, сообщите нам его крайний срок.

Можете ли Вы доставить нам верное средство сообщения с Петербургом, не компрометируя никого?

Когда Вы пришлете к нам Лизу или какого-нибудь офицера польской армии? Сможете ли Вы сообщить им подробности ваших планов и надежд на задуманное вами

восстание? Если Ваше здоровье это дозволяет и если Вы считаете это необходимым, приезжайте в Лондон. Я очень желал бы подробно побеседовать с Вами и представить Вас Маццини, который недавно прибыл и с ужасом узнал, что Центральный Национальный Комитет начнет свою демонстрацию лишь в январе. Обнимаю Вас и жду Вас с нетерпением.

М. Бакунин.

PS. Прошу Вас передать письма гг. Герцена и Огарева Центральному Комитету. Еще один вопрос.

Насколько вы можете рассчитывать на польских крестьян? Если каждый из них станет выступать против вас, чего я не сказал бы, но если они останутся бесстрастными зрителями того, что подготовляется в городах, то нет ни малейшей надежды на успех.

Письмо к Марьясу Соколовскому [40])

16 декабря 1862 года. Лондон.
10, Paddington Green. W.

Милостивый Государь!

Прибегаю снова к Вашей снисходительности и прошу Вас извинить меня за продолжительное молчание. Наконец-то я приискал для Вас корреспондента о России, но на русском языке, и не в Петербурге или в Москве, а здесь в Лондоне, человека интеллигентного, из числа наших друзей, который будет составлять извлечения из всех русских газет, получаемых нами здесь в изобилии, и будет присоединять к этому самые свежие новости, доходящие до нас из России в письмах; корреспонденции эти будут по возможности полны и фиктивно обозначены то Петербургом, то Москвою. Я отвечаю Вам за солидность и добросовестный характер его работы, и если Вам это подходит, то уведомьте меня, и он тотчас же примется за дело и с удовольствием согласится на предлагаемое Вами вознаграждение по 80 франков с печатного листа. Вот все, что я мог приискать для Вашей газеты, Вам же решить, подходит ли это для Вас или нет [41]).

Теперь перехожу к важной части Вашего последнего письма. Вы спрашиваете, не согласен ли я с тем мнением, что, заключивши сделку с партиею, представляющею энергию Вашей страны, мы должны стараться войти в соглашение и с тою партиею, которая представляет ее ум. Ум есть бесспорно великая вещь и качество, безусловно необходимое для доведения великого и трудного предприятия до благополучного конца. Но убеждены ли Вы сами, милостивый государь, в том, что этого ума недостает партии, которая первая подала нам руку? Вдобавок есть два рода ума. Есть ум партийный, который смотрит только назад; он достоин уважения, часто даже поэтичен, но на практике в большинстве случаев бессилен и бесплоден. Я сильно опасаюсь, что именно таков ум шляхты. Она, в деле спасения Польыни, рассчитывает на папу и на турецкого султана. Притом она находится в слишком хорошей компании для того, чтобы мы, сволочь, или, говоря более вежливо, нищие истории, могли иметь с нею дело. Есть ум будущего; он-то и живет как интерес — в народе и как страсть — в молодежи. Вы, милостивый государь, являетесь и должны быть одним из его апостолов; и я думаю, что Вы сами должны чувствовать себя чужим в этом ветхом мире, который всегда кажется правым и который ни-

когда не предостерегает. Вспомните, что книжники и фарисеи также представляли рассудок, а Христос был энергичным безумием спасения.

Что касается нас, милостивый государь, то наш выбор или, лучше сказать, выбор наших друзей из русской армии в Польше, число которых с каждым днем поразительно растет, уже сделан и не подлежит перерешению. Позвольте же нам остаться верными первой польской руке, которая братски пожала нашу; принимая ее, мы поклялись в верности не какой-либо партии, но свободе Польши.

Вы были столь любезны, что обратились ко мне, как к человеку старейшему Вас летами, а следовательно более испытанному, чем Вы. Позвольте же мне обратиться к Вам с авторитетом старца. Я думаю, милостивый государь, что ввиду подготовляющихся событий, которые должны решить судьбу вашего отечества, все ваши внутренние разногласия должны прекратиться и что все, что только есть благородного, преданного и истинно патриотического, должно сплотиться вокруг знамени Польского Центрального Комитета, единственно способного спасти Польшу.

Надеюсь, Вы не будете на меня в обиде за эту откровенность и в доказательство этого, милостивый государь, скоро мне ответите.

Преданный вам М. Бакунин.

А теперь, милостивый государь, прошу еще другого доказательства Вашего ко мне расположения. Вам, без сомнения, известно, что генерал Мерославский позволил себе напасть на нас самым нелойяльным образом. В ответ ему я написал статью в виде письма в газету «Siècle» и отдал ее Миловичу для доставки по принадлежности. Я не думаю, чтобы «Siècle» ее напечатал, так как события, послужившие главным предметом этой статьи, сделали ее слишком длинною. Но это не беда. Я все-таки напечатаю ее в Лондоне, но я хотел бы видеть ее в переводе на польский язык. Милович передаст Вам мою статью, а я прошу Вас, милостивый государь, употребить Ваше влияние, чтобы ее приняли в «Przegląd», который может сопроводить ее какими угодно комментариями и об'яснениями. По этому поводу я пишу к редакторам этого журнала письмо, которое они Вам, без сомнения, покажут, и я надеюсь, милостивый государь, что ни в Вас, ни в них я не встречу отказа. Вместе с тем я прошу их напечатать 1 000 экземпляров моего письма, с их комментариями, если они того пожелают, но не иначе, как с редакционной отметкой, дабы ясно было, что это есть выражение мнения редакции, а не моего. Милович или Цверцякевич уплатят Вам причитающуюся за это сумму, Вы же будьте добры передать им отпечатанные экземпляры для доставки их мне.

Прошу Вас, милостивый государь, до напечатания моей статьи сохранить все это в глубочайшей тайне. Еще раз примите уверение в моей преданности.

М. Бакунин [42]).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) Фенин — один из молодых офицеров, входивших в организацию Потебни и сочувствовавших борьбе поляков за независимость. Эмигрировал за границу, где стал близко к кружку «Колокола».

[2]) Бакст, Владимир Игнатьевич — эмигрант, стоявший близко к кружку «Колокола». В 1862 г., выехав легально за границу, хотя уже тогда подозреваемый правительством в сношениях с эмигрантами и в печатании революционных воззваний в своей типографии в Петербурге, самовольно остался за границей. Принимал участие в агитации за Земский собор. В 1870 г. получил разрешение вернуться в Россию, но в 1872 г. снова уехал за границу, где (в Цюрихе) состоял в сношениях с эмигрантами.

[3]) Не известно, о ком идет здесь речь. В списках подозрительных лиц, составлявшихся в III Отделении, среди польских эмигрантов 50-х годов называется гр. Людвиг Казинский (Сочинения Герцена, т. XIV, стр. 19), но о нем ли говорит Бакунин, не ясно.

[4]) Имеется в виду знаменитое письмо Центрального Комитета, признающее право крестьян на обрабатываемую ими землю и право всех наций, входящих в состав Польши, на самоопределение.

[5]) Журнал «Baczność» был органом Мерославского. Речь идет о брошюре «Народное Дело. Романов, Пугачев или Пестель», написанной Бакуниным летом 1862 г. и, действительно, носившей двусмысленный характер. Не только подозрительные поляки, но и Герцен и Огарев находили, что брошюру можно истолковать в монархическом духе. Впоследствии Бакунин сам признавал ее тактической ошибкой.

[6]) Сохновский, Александр — бывший русский офицер, прикосновенный к кружку Арнгольда и Сливицкого, успел бежать за границу, где примкнул к кружку «Колокола». Умер в 1867 году.

[7]) Хоецкий, Карл-Эдмунд — польский публицист; 1884 г. выехал во Францию, где и акклиматизировался, приняв псевдоним Шарль Эдмонд, под которым и известен; приятель Прудона и Герцена.

[8]) Зенкович, Леон — польский публицист и общественный деятель; кончил Варшавский университет; служил в польских войсках; после революции 1831 г. эмигрировал; сначала жил в Галиции, затем переехал в Англию; был членом Демократической Централизации (вместе с Ворцелем и Жабицким); знакомый Герцена.

[9]) Ходьзко — (настоящая фамилия Борейко, Леонард) — польский историк и публицист; приятель Герцена.

[10]) Лешинин — неизвестно кто из славянских приятелей Бакунина (вероятно, псевдоним).

[11]) Фонтэн, Леон — французский журналист, приятель Герцена; с 20 сентября 1862 г. издавал в Брюсселе газету «La Cloche», состоявшую, главным образом, из перепечаток из «Колокола»; издание прекратилось летом 1865 г. Всего вышло 64 номера.

[12]) Амборский, Иван — бывший студент Киевского университета; получив в Люблинском уезде паспорт на следование в Варшавскую и Радомскую губернии, бежал за границу в июне 1862 г. В Лондоне познакомился с Герценом и Бакуниным.

[13]) Выехав во Францию, Амборский был задержан французской полицией и водворен на жительство в Перпиньян.

[14]) «Все мое ношу с собою».

[15]) Речь идет о соглашении русских революционеров с польскими, которое вскоре состоялось.

[16]) Это преувеличение, вероятно основанное на первых известиях о «Земле и Воле», привезенных в Лондон А. Потебнею.

[17]) Надежда на помощь тайных офицерских организаций, существовавших тогда среди русских войск, расположенных в Польше.

[18]) «Общий фонд», который, однако, никогда не достигал крупных размеров.

[19]) Был польский революционный поэт Владимир Вольский, но о нем ли говорит здесь Бакунин, — не известно.

[20]) Вероятно, Иосиф Цверцякевич.

[21]) Кто скрывался под этим псевдонимом, — не известно.

[22]) Письмо (т. е. его полицейская копия) находится в делах высочайше учрежденной следственной комиссии за 1862 год в Ленинграде.

[23]) Иосиф Цверцякевич, которого Бакунин знал еще по Лондону, находился в тот момент в Париже, где вместе с Миловичем и Лангевичем состоял в комиссии вооружения под председательстгом генерала Иосифа Высоцкого. Впоследствии он вместе с Демонтовичем подготовлял морскую экспедицию повстанцев, во главе которой был поставлен Лапинский.

Письма эти в копиях находятся в делах высочайше учрежденной следственной комиссии за 1862 год в Ленинграде. Первое письмо обозначено там как «письмо к неизвестному», второе — так же, а третье как письмо Бакунина «к Лугинину». Последнее написано на французском языке, хотя обыкновенно Бакунин писал Цверцякевичу по-русски. Мы даем его в переводе.

[24]) А. Сохновский — см. выше прим. 6.

[25]) А. Гиллер — член Центрального Комитета, ездивший к Герцену в Лондон.

[26]) Орган Мерославского, выходивший с 1 апреля 1862 г. в Париже.

[27]) «Przegląd rzeczy polskich» — газета умеренного направления, отражавшая взгляды правого крыла польской эмиграции; выходила с 50-х годов.

[28]) В. Ф. Лугинин.

[29]) Комитет, составившийся в 1862 г. в Париже из молодежи, бежавшей из Польши.

[30]) Первый из подпольных органов, выходил в Варшаве с 1 июня 1861 г.

[31]) Официальный орган Центрального Национального Комитета, начавший выходить в Варшаве с 5 апреля 1862 г.

[32]) А. Гиллер.

[33]) Не известно, какой эмигрант скрывается под этим псевдонимом.

[34]) Польский эмигрант, демократ, приятель Маццини и Бакунина.

[35]) Хоецкий, Карл-Эдмунд, писавший под именем Шарль Эдмонд (1822—1898) — польский и французский писатель, склонный к бонапартизму; эмигрант с 1844 г.

[36]) Вероятно, Владимир Вольский (1825—1882) — польский писатель народно-романтического направления. После манифестаций 1861 года бежал за границу.

[37]) Приятель Бакунина, врач в турецкой армии. Фамилия его неизвестна.

[38]) Станислав Тхоржевский — польский эмигрант, приятель Герцена и Бакунина.

[39]) Вероятно, речь идет о С. Падлевском, А. Гиллере и В. Миловиче, ездивших в конце сентября 1862 года в Лондон для переговоров с редакцией «Колокола».

[40]) Соколовский, Марьян — польский эмигрант, редактор газеты «Przegląd», выражавшей взгляды «белых», аристократической партии.

[41]) Речь идет о «Przegląd'е». Кто был этот предполагаемый корреспондент, не известно. Вероятно, А. Сохновский, которому Бакунин старался тогда найти работу.

[42]) Копия этого письма, написанного по-французски, находится в делах высочайше утвержденной следственной комиссии за 1862 год. Там же имеется и перевод, сделанный, видимо, в III Отделении; но он чрезвычайно неточен, и нам пришлось радикально его переделать, основываясь на французском тексте.

А. ВОДЕН

НА ЗАРЕ «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА» [1]

(из воспоминаний)

III

Поручения, с которыми Г. В. Плеханов направил меня к Энгельсу. — Степняк. — П. А. Кропоткин. — Энгельс.

К середине марта 1893 г. я заработал (уроками математики в Лозанне) столько денег, что мог осуществить свою давнюю мечту пожить в Лондоне. У меня была и вполне определенная цель: работа по истории английской философии, которую целесообразнее всего было окончить в Британском музее.

Когда я попросил Г. В. Плеханова дать мне рекомендации, — и притом не только к лондонским русским, — он предложил мне дать письма не только к Степняку и Бернштейну, но и к самому Энгельсу.

Поблагодарив за оказываемую мне честь, я попросил указаний, как мне лучше всего подготовиться к разговорам с Энгельсом; но Г. В. Плеханов немедленно приступил к examen rigorosum по философии истории Маркса и по философии истории Гегеля; по суб'ективистам-народникам, настаивая на непридирчивом и сжатом изложении; по второму тому «Капитала», когда ассистентка — Вера Ивановна — возопила, что следует дать мне передышку; по Прудону (без пользования «Misère de la Philosophie»); наконец, по Фейербаху, Бауэру, Штирнеру, Тюбингенской школе, Штраусу и, как дессерт, по всему Гегелю, причем выяснились некоторые разногласия в понимании отношения «Феноменологии» к «Логике». Вера Ивановна присутствовала на этом «всенощном бдении»; она приписала Георгию Валентиновичу намерение установить такую программу-минимум для русских марксистов вообще; но Г. В. считал это для тогдашнего времени утопией и по отношению к товарищам, имевшим в виду литературную деятельность. Г. В. считал хорошим предзнаменованием, что я невольно переходил на немецкий язык; я выразил сомнение, чтобы на русском языке кто-либо когда-либо мыслил философски; но Вера Ивановна опровергла меня ироническим указанием не только на украинского мудреца Сковороду, но и на Флеровского-Берви.

На следующий день Г. В. Плеханов дал мне письмо к Энгельсу [2]) и напутствовал в путь-дорогу. Я настойчиво советовал Георгию Валентиновичу немедленно подготовить почву напечатанием в «Neue Zeit» резкой по существу, сжатой и сдержанной по тону статьи, в которой резюмировалась бы суть конфликта с народниками-суб'ективистами. Я считал очень существенным, во-первых, чтобы эта статья, появившись во время моего пребывания в Лондоне, поставила Энгельса лицом к лицу с фактом начавшейся полемики и побудила его высказаться; во-вторых, я имел

---

[1]) См. «Летописи марксизма» № III.

[2]) Г. В. Плеханов не сообщил мне, что именно он писал Энгельсу, так что я прочел это письмо только тогда, когда оно было показано мне в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса за несколько дней до его напечатания в журнале «Под знаменем марксизма».

основания ожидать, что кто-нибудь из русских марксистов заденет русских народников-суб'ективистов в немецкой печати, а тогда я предпочитал, чтобы это сделал именно Г. В. Плеханов, и притом сразу по существу; я уверял его, что такая статья немедленно распространилась бы в России и в оригинале, и во множестве переводов и оказалась бы ферментом, что о ней был бы прочитан ряд рефератов в Петербурге... Г. В. Плеханов утверждал, что не стоит обращать внимания европейских читателей на русских народников-суб'ективистов. В этом нежелании Г. В. Плеханова во́-время ясно и определенно взять на себя инициативу принципиального выступления против народничества в научном органе европейской социал-демократии я усматривал — и продолжаю усматривать — главную причину того, что не только мне, но и самому Плеханову при его свиданиях с Энгельсом во время Международного цюрихского конгресса и затем в Лондоне не удалось убедить Энгельса принципиально выступить против русских народников-суб'ективистов или хотя бы по конкретному поводу определенно высказаться против них в печати: ведь если сам Г. В. Плеханов не считал стоящим по существу дела ориентировать читателей «Neue Zeit» о своих методологических разногласиях с народниками-суб'ективистами, то и Энгельс, с своей стороны, мог счесть не стоящим вмешаться в перебранку между русскими.

Кроме того, Г. В. Плеханов просил меня сделать для него в Британском музее побольше выписок из «Heilige Familie». Мне он дал ряд чрезвычайно ценных советов относительно целесообразнейшего моего пребывания в Лондоне.

В Лондоне я прежде всего очутился без денег: у меня вытащили кошелек, когда я, выйдя с Victoria Station, отдыхал в Гайд-Парке. Это принудило меня сразу явиться в бюро Free Russia, где я застал В. Черкезова, который был так любезен, что помог мне найти дешевую комнату и даже кредит. Деньги мне немедленно выслали в долг из Парижа, а затем из России.

Врученное мне запечатанным письмо Г. В. Плеханова к Энгельсу я отправил в тот же день, прибавив от себя просьбу указать, если он считает возможным, когда я мог бы его видеть с наименьшим ущербом для его занятий. Я писал по-английски; Энгельс отвечал и писал свои дальнейшие письма [1]) по-английски же.

В ожидании ответа от Энгельса я побывал у Степняка; он дал мне рекомендацию в Британский музей; впоследствии, когда я получил возможность прожить в Лондоне четыре года (1896—1900 гг.), меня рекомендовала Элеонора Маркс-Эвелинг, а после ее смерти билет для входа в читальный зал возобновлялся автоматически, хотя я и предлагал новую рекомендацию.

Степняк проявил глубокий интерес к деталям жизни Г. В. Плеханова и В. И. Засулич. Он просил меня поддержать его давнюю просьбу, чтобы Георгий Валентинович совсем переселился в Англию; он находил, что Женева и ее окрестности для Г. В. Плеханова вреднее русской каторги, что можно было бы жить и не в самом Лондоне, а на острове Уайте, который Маркс предпочитал в климатическом отношении Алжиру; что в Лондоне Г. В. Плеханов нашел бы несравненно более подходящую арену для своих организаторских талантов; что он был бы там очень полезен против влияния П. А. Кропоткина; что сам он присмотрелся бы к конкретному массовому рабочему движению...

---

[1]) К сожалению, я был вынужден сжечь эти письма Энгельса ко мне в Париже осенью 1893 г., когда меня—за несколько минут до появления агентов — предупредили об обыске. Этот обыск был вызван, по всей вероятности, тем, что как раз перед этим я получил из Лондона на свое имя от Free Russia большую посылку, вызвавшую к себе интерес французских чиновников, и притом не только таможенных, хотя я и констатировал, что присланные издания — преимущественно 1870-х годов — представляют только антикварный, а не актуальный интерес. Обыскивавшие агенты грозили мне высылкой за находившиеся у меня монографии по истории Великой французской революции и нашли предосудительным ношение мною синих очков, придающих «нигилистическое выражение» моей физиономии. Я потребовал указания на закон, который воспрещал бы во Франции изучение основных фактов французской истории, а относительно цвета очков пригласил гг. агентов сопровождать меня в глазную клинику для выяснения вопроса, чьими указаниями мне следует в данном случае руководствоваться.

В. Черкезов передал мне приглашение от П. А. Кропоткина.

П. А. Кропоткин осведомился, не желание ли избежать воинской повинности побудило меня эмигрировать. Я констатировал, что я не эмигрант, что мой белый билет находится у черниговского губернатора, что я уехал из России, чтобы восстановить здоровье, поучиться, а главное, чтобы пожить в свободных, относительно свободных, странах. П. А. Кропоткин сказал, что в таком случае он не понимает, почему же мне не быть последовательным и не примкнуть к анархистам... Я констатировал, что анархистом я стать не могу, так как государственность считаю не только неустранимой, но и необходимой на долгие времена, а для России признаю необходимым переход земли к крестьянам в общегосударственном масштабе и всеобщее обязательное образование... П. А. Кропоткин утверждал, что анархизм следует понимать не как догматическую доктрину, а как душу живу рабочего движения, мешающую окостенению, изумлялся наивности, выражающейся в предположении, что социал-демократы — немецкие и иные — верят в осуществимость своих программ и когда-либо обнаружат склонность эти свои программы в самом деле начать осуществлять...

Относительно Г. В. Плеханова П. А. Кропоткин утверждал, что высоко ставит его талант при всем различии мнений; он выражал свое искреннее убеждение в том, что мелкотравчатость женевской среды, а главное воскуриваемые в этой среде Г. В. Плеханову фимиамы отравляют Г. В. Плеханова, заранее делая его неспособным к серьезной борьбе не в искусственной атмосфере, и сознавался, что ему лично было бы очень желательно иметь Г. В. Плеханова своим оппонентом в Лондоне. Переходя к «Гегелианской диалектике в ее отношении к теории эволюции», П. А. Кропоткин — я должен констатировать это при всем различии точек зрения — обнаружил не только редкую у не-специалистов и разностороннюю эрудицию, но и еще более редкое даже у писавших на эти темы умение разбираться в оттенках неокантианства и в постановке вопросов теории познания, живой интерес к методологическим вопросам и незаурядный диалектический талант, к сожалению извращаемый доктринерством.

За три месяца (от конца марта до начала июля 1893 г.), которые мне тогда удалось провести в Лондоне, я побывал у Энгельса — всякий раз по его особому (устному или письменному) приглашению — не менее десяти раз. Я должен констатировать, что мало с кем я чувствовал себя все время от первого визита до прощания так просто и естественно, как с Энгельсом. Дорогой я придумывал обороты речи, подыскивал наиболее подходящие конструкции; но все это оказалось совершенно излишним: обаяние его, как собеседника, не мешало мне чувствовать себя в его присутствии самим собой, а не об'ектом извращений моих мыслей, производимых — без всякой надобности, просто из любви к искусству — как виртуозами в этом деле, упоминаемыми в I и II главах этих воспоминаний, так и их последователями, усвоившими себе если не их знания и талантливость, то во всяком случае вышеуказанную виртуозность. Поэтому, говоря с Энгельсом, я имел редкое счастье: можно было думать не о том, какую именно ересь или бессмыслицу соблаговолит навязать мне собеседник, а о самом предмете. Это сразу само собой установилось. Почувствовав, что в разговорах с Энгельсом в самом деле можно и должно lasciare ogni sospetto, так как с ним я абсолютно гарантирован от попыток сделать вид, что мою аргументацию можно подвести под заранее заготовленную этикетку, к чему сводятся — столь «плодотворные» для выяснения вопросов по существу — типичные русские дискуссии, я перестал «mit den Worten kämpfen». По причинам самоочевидным я предпочитал слушать Энгельса; но говорить приходилось и мне, и не только отрывочными фразами, а и периодами: мне не только пришлось резюмировать марксистскую и народнические точки зрения на ряд теоретических программных вопросов; но Энгельс допустил меня к рукописям Маркса, лишь удостоверившись, — не «экзаменом», как Плеханов, а в непринужденном разговоре, — что я способен интересоваться деталями истории немецкой мысли. Кроме того, Энгельс многим интересовался о России: не только экономикой, а и идеологиями: что̂ именно и как читают из Маркса

в России, какова обычная подготовка читателей «Капитала» [1]), кого читают из утопистов, выражал интерес к провинциальным и столичным разновидностям русского либерализма, к конкретным формам толстовства, к народнической беллетристике и к русской литературной критике, классических представителей которой он в самом деле высоко ставил.

В своем — очень приветливом — первом письме Энгельс сообщил мне, что ждет меня к себе в любой из ближайших дней вечером. Когда я явился к нему в первый раз, он прежде всего познакомил меня со своим огромным котом и стал расспрашивать о Плеханове, о Вере Ивановне, о Лаврове, о котором отзывался с добродушной иронией. Он выразил высокое мнение о таланте Плеханова («не ниже Лафарга или даже Лассаля») и осведомился о его литературных планах; признал целесообразными и работы по истории французского материализма, и статьи о русской народнической беллетристике. Затем он выразил свое убеждение, что для русских социал-демократов необходимее всего серьезно заняться аграрным вопросом в России; что эта область исследований обещает по существу новые результаты, существенные и для истории форм землевладения и землепользования, и для применения — и проверки — экономической теории, особенно учения о дифференциальной ренте, при освещении огромного материала. Он упомянул, что ждет со дня на день труда своего уважаемого русского корреспондента Даниельсона, но при всем уважении к нему не думает, что его книга окажется исчерпывающею вопрос. Энгельс упомянул, что он считает чрезвычайно желательным, чтобы именно Плеханов занялся этим основным для России вопросом, и притом именно в серьезном исследовании, а не в полемических статьях. Я хотел тут же передать пожелание Плеханова, но появился Бернштейн, немедленно пригласивший меня зайти к себе. Я собирался удалиться, но был удержан на ужин, во время которого Энгельс рассказывал эпизоды из до-мартовского периода и из 1848 года. Прощаясь, Энгельс предложил мне продолжить разговор об аграрном вопросе в России в ближайшем будущем, обещав уведомить, когда ему удастся выполнить неотложнейшую задачу: написать несколько писем.

В следующий раз он прямо спросил меня, не дал ли мне Плеханов к нему определенных поручений? Я передал пожелания Плеханова [2]), представив дело так, что Плеханов вынужден защищаться и защищать от извращений со стороны народников основные положения марксизма и практические выводы из них. Энгельс с улыбкой процитировал по поводу жалоб Плеханова на полемику против него: «Quis tulerit Gracchos de seditione querentes»? и даже добавил по-русски: «Кто Плеханова обидит, не обидит ли всякого сам Плеханов?» Я уверял, что Плеханов на меня производит впечатление кроткого агнца, ведомого на заклание; к тому же дело идет о весьма небезразличных в практическом отношении выводах из того или иного взгляда на экономическое развитие России в ближайшем будущем... Энгельс выразил предположение, что полемика с народовольцами могла бы вестись не столь резко, но что он, конечно, не компетентен судить о реальном содержании, скрывающемся за русскими партийными лозунгами. Я поспешил констатировать, что народовольцы негодуют на Плеханова в сущности за речь на Парижском международном конгрессе и за проницательность, проявленную им по отношению к Тихомирову; Энгельс сказал, что речь на Парижском конгрессе и ему, и многим товарищам понравилась, но выразил убеждение, что отожествлять Тихомирова с народовольцами — хотя бы

---

[1]) Энгельс не считал целесообразным начинать изучение политической экономии с «Капитала», так как Маркс имел в виду читателей, имеющих некоторую подготовку. О популярных изложениях «Капитала» отзывался неодобрительно.

[2]) Разговоры происходили преимущественно на немецком языке; феноменальная добросовестность мышления Энгельса проявлялась между прочим в том, что в своих записках ко мне Энгельс иногда спешил делать поправки, если, наведя точнейшие справки, обнаруживал, что в предыдущем разговоре неточно цитировал. Например, приписав Ткачеву по существу бакунистские мысли, Энгельс поспешил написать мне, что, раздобыв первоисточники у Мендельсона, он убедился, что смешал того и другого Konfusionsrat'а: помню, что он употребил это немецкое обозначение в английском письме.

с Г. Лопатиным — нельзя. От меня Энгельс пожелал услышать сжатое резюмэ точки зрения народников. Я — по совету Г. В. Плеханова — начал с В. В. Энгельс выразил сомнение, можно ли — без полемических преувеличений — выводить за одни скобки с В. В. не только активных народовольцев, но и его корреспондента Даниельсона, предложив мне воздержаться от суждения об этом экономисте до прочтения его труда, экземпляр которого обещал дать. Я упомянул, что идеализация отживших форм, держащихся благодаря круговой поруке, мешает выяснить реальные перспективы разрешения аграрного вопроса в России. Энгельс спросил, жил ли я в деревне и где, а затем выразил мнение, что, может быть, некоторые иллюзии относительно будущего неизбежны для борцов. Я упомянул, что ведь идеализация «трудового хозяйства», артелей, разных видов домашней промышленности препятствует ясной постановке вопросов, связанных с неотложной повседневной борьбой против эксплоатации многочисленных жертв домашней индустрии. Энгельс заинтересовался конкретными данными и скоро признал, что, раз народники в самом деле идеализируют домашнюю индустрию, против этого бороться не только можно, но и должно; но что это, вероятно, можно в значительной степени делать и в цензурных рамках, по конкретным поводам, выясняя что следует на местах.

Затем Энгельс чрезвычайно удивил меня своим скептическим отношением к перспективам развития русской промышленности. Терпеливо выслушав то, что на моем месте, вероятно, сказал бы всякий русский марксист 1890-х годов на эту тему, Энгельс выразил — очень серьезно — свое убеждение, что, если бы, чего он не желает, очень не желает, ни для России, ни для Германии — война надолго отрезала Россию от ввоза из-за границы, то вам, русским, горьким опытом пришлось бы убедиться, что своими силами вы долго еще не сможете обойтись в производстве почти всех товаров. Я недоумевал, что слышу это от него. Энгельс пояснил, что вовсе не отрицает ни наличности капитализма в отдельных районах, ни неизбежности его дальнейшего развития, и что этого достаточно для конкретного обоснования социал-демократической программы, что он, конечно, приветствует выступления русских рабочих и уверен, что они сыграют решающую роль при свержении самодержавия; но что это его убеждение вряд ли нуждается в повторении, так как оно вытекает из точки зрения, проводимой Марксом и им во всех их произведениях, так что никаких сомнений относительно этого ни у кого, сколько-нибудь знакомого с этими произведениями, быть не может. Я заметил, что Плеханову несомненно будет особенно приятно услышать именно это, так как народники отрицают целесообразность пропаганды между рабочими. Энгельс усомнился в возможности этого, так как должны же они понимать, что административно высылаемые рабочие — лучшие пропагандисты и агитаторы в деревне, но заметил, что эти тактические вопросы следовало бы предоставлять решать товарищам на местах. Затем Энгельс сказал, что ему известно, что многие русские считают его немецким шовинистом, славянофобом, но что следовало бы понимать, что дело вовсе не в желании увековечить экономическую зависимость России от Германии, а в том, что, по его, Энгельса, убеждению — а он думал над этим вопросом — внешние рынки для сбыта продуктов русской промышленности надолго малодоступны, а внутренний рынок расширится при переходе помещичьих земель к крестьянам, что это — основной вопрос будущего России; что русский социал-демократ, достойный этого имени, обязан уметь обосновать, — и притом не цитатами из Маркса, а продумав вопрос, как это сделал бы Маркс, — программу экспроприации земель, прежде всего помещичьих, так как иначе неизбежен стихийный захват и разгром имений, вопрос же с выкупом или без выкупа фактически будет — каковы бы ни были программы — разрешен в зависимости от реального соотношения сил. А что дальше будет, зависит главным образом от успехов рабочего движения на Западе к тому времени.

Затем Энгельс сказал, что ждет от меня «обычного» вопроса о смысле письма Маркса в «Отечественные записки» и недоумевает, что же в этом письме неясного, так как Маркс совершенно ясно высказал свое и его, Энгельса, убеждение в важности совпадения достижения власти социал-демократией на Западе с политической

и аграрной революцией в России. А кроме того Энгельс желал бы, чтобы русские — да и не только русские — не подбирали цитат из Маркса и его, Энгельса, а мыслили бы так, как мыслил бы Маркс на их месте, и что только в этом смысле слово «марксист» имеет raison d'être. Относительно же шансов совпадения достижения западно-европейской социал-демократией власти и аграрно-политической революции в России он (Энгельс) должен признаться, что именно этот вопрос его всего более тревожит, а именно: осуществится ли то и другое без европейской войны? Вот вопрос вопросов всемирной истории. От его разрешения зависит прежде всего: сумеет ли, т. е. сможет ли, немецкая социал-демократия как следует использовать достижение ею власти, что произойдет в том случае, если власть достанется ей не в результате европейской войны; а в противном случае Энгельс не может без ужаса думать, что ждет и западную социал-демократию, и Россию, хотя и уверен, что политического господства буржуазии в Германии нельзя представить себе. В следующий раз Энгельс попросил меня сжато резюмировать методические разногласия между Плехановым и народниками. Он поморщился при упоминании о «суб'ективном методе в общественных науках», Лаврова разрешил не излагать, сближение дарвинизма с оперетками Оффенбаха и еще кое-что из Михайловского признал не лишенным остроумия, но когда я воспроизвел плехановские отзывы о трудах Н. И. Кареева, Энгельс подвел меня к одному из книжных шкапов, показал экземпляр диссертации Кареева о крестьянском вопросе во Франции, полученный Марксом от автора, сказал, что и Маркс, и он лично признали этот труд очень добросовестным и «eine bahnbrechende Leistung» и посоветовал мне — да и Плеханову — принять это к сведению, какова бы ни была неясность почтенного историка в принципиальных и даже методологических вопросах. Я был вынужден признать, что Энгельс прав, и сделал соответствующие выводы. Энгельс сказал, что он с интересом прочитал бы «sachliche» (по существу) возражения против народников-суб'ективистов в «Neue Zeit», но что по этому поводу он не считает стоящим выступать; комментировать письмо Маркса в «Отечественные записки» считает совершенно излишним ввиду самоочевидности смысла этого письма для всякого непредубежденного читателя и недостаточности какого бы то ни было комментария для читателей предубежденных: комментарий вызвал бы новые разногласия, стороны опять апеллировали бы к нему же и т. д.

В следующий раз зашла речь о ранних произведениях Маркса и Энгельса. Сперва Энгельс очень смутился, когда я выразил интерес к этим ранним произведениям, и упомянул, что ведь и Маркс писал в студенческие годы стихи, но что эти стихи вряд ли могут кого-либо интересовать [1])... Затем он спросил, какие именно ранние произведения Маркса и его интересуют Г. В. Плеханова и его единомышленников и чем собственно вызван этот интерес? Неужели недостаточно отрывка о Фейербахе, по его, Энгельса, мнению, наиболее содержательного из этого «старья»?

Я привел все эти аргументы Г. В. Плеханова в пользу наискорейшего издания всего философского наследия Маркса и их совместных трудов. Энгельс сказал, что он не раз слышал об этом от некоторых немцев, серьезности интереса которых к этому «старью» он не имеет никакого основания не доверять, но что он предлагает мне дать ему искренний ответ на вопрос, что важнее: чтобы он, Энгельс, затратил остаток жизни на издание заброшенных ими рукописей, имеющих отношение к публицистам 1840-х годов, теперь ни для кого, кроме специалистов, в сущности не интересных, или чтобы он, по выходе III тома «Капитала», занялся изданием рукописей Маркса по истории теорий прибавочной стоимости? Я молчал, а он резюмировал мне вкратце содержание этих рукописей Маркса (IV тома «Капитала»). Затем он выразил интерес: кого преимущественно читают в России из философов, кроме «модных философов» вроде Шопенгауэра? Когда я упомянул о неокантианцах, он

[1]) Когда я давал Г. В. Плеханову подробный отчет о разговорах Энгельса со мною, он об'яснил это непонятное для меня смущение Энгельса его предположением, что речь идет об его поэтических произведениях, которые будто бы грозил раскопать кто-то из немцев.

спросил меня, читал ли я Риля, каково мое мнение о Когене и Наторпе? Когда я упомянул о насмешках Риля над натурфилософией Гегеля, он оживился и прочел блестящую лекцию по натурфилософии, выясняя, какое богатое содержание кроется под неуклюжими и вычурными формулировками. Я воспользовался моментом, казавшимся наиболее благоприятным для того, чтобы побудить Энгельса все же извлечь из незаслуженного забвения хотя бы существеннейшее из ранних работ Маркса, так как одного «Фейербаха» мало. Энгельс сказал, что для того, чтобы в самом деле вникнуть в эту старую историю, нужно заинтересоваться самим Гегелем, а им теперь не интересуется ни один человек, точнее говоря, «ни Каутский, ни Бернштейн».

Затем Энгельс рассказал о личных отношениях с братьями Бауэрами; о «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel»... отозвался пренебрежительно [1]).

В следующие дни Энгельс приглашал меня являться с утра и, вооружив лупой, предоставил читать одну за другой рукописи Маркса: «Святого Макса», более подробную критику философии права Гегеля, части немецких идеологий [2]).

Потом Энгельс признался, что, оставляя меня одного над манускриптами с лупой и заходя иногда, он предполагал, что найдет меня спящим над рукописями, или, что если я симулировал интерес, то буду достаточно наказан скукой и не выдержу и сбегу. Однако он находил меня занятым чтением рукописей, переписанных более четко, или расшифровыванием почерка Маркса, по достоинству оцененного еще трирским преподавателем латинского языка, и оказывал помощь в этом и тогда для меня не легком занятии. Сначала я очень стеснялся занимать время изумительно деликатного человека, но я не мог не видеть, что Энгельс оживлялся, вспоминая дела давно минувших дней... К «Heilige Familie» он дал устные пояснения, которые разрешил передать Г. В. Плеханову. Разрешил он и резюмировать «Святого Макса» без цитирования чего бы то ни было на память. На дом он давал мне — к негодованию В. Черкезова и П. А. Кропоткина — номера «Deutsche Jahrbücher» и «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Когда я констатировал поразительное сходство некоторых взглядов «свободных» и «критических критиков» с идеологией русских суб'ективистов, Энгельс об'яснял это сходство не бессознательным воспроизведением немецких до-мартовских идеологий русской интеллигенцией, а главным образом непосредственным усвоением этих идеологий Лавровым и даже еще Бакуниным.

Когда я собирался уезжать из Лондона, я получил в ответ на свое прощальное письмо к Энгельсу любезное приглашение еще раз зайти к нему. Тогдашний разговор особенно запечатлелся в моей памяти. Спросив, интересуюсь ли я историей греческой философии, Энгельс предложил изложить мне первое философское произведение Маркса и — без рукописи, но очень подробно — изложил содержание докторской диссертации Маркса, цитируя наизусть не только Лукреция и Цицерона, но и множество греческих текстов (из Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, Климента). Затем Энгельс обратил мое внимание на то, что и во взгляде Эпикура на причинную связь, обычно истолковываемом как отсутствие у Эпикура желания вызвать в своих последователях стремление в самом деле rerum cognoscere causas, можно, при всей наивности и неуклюжести первоначальных формулировок, усматривать призыв к разностороннему исследованию причинных связей, лишь бы они не противоречили основному постулату. И Энгельс выразил недоумение, почему продолжают удовлетворяться историей материализма Ланге, не сумевшего указать на существеннейшее даже в точке зрения Канта.

---

[1]) В 1895 г. Г. В. Плеханов убеждал П. Б. Струве способствовать выходу русского перевода этого остроумного памфлета. Тогда П. Б. Струве перечитал его со мной почти целиком. Читал он гегельянские конструкции очень выразительно, несравненно лучше меня.

[2]) Страницы, относящиеся к Бруно Бауэру, Энгельс тогда же отложил для себя, желая перечитать их в связи с занимавшей его тогда мыслью написать более подробный обзор критики первоисточников истории раннего христианства после Бауэра. Для меня он считал достаточным сказанное о Бауэре в «Heilige Familie».

На мой вопрос: был ли Маркс когда-либо гегельянцем в собственном смысле слова, Энгельс ответил, что именно диссертация о различии между Демокритом и Эпикуром дает возможность установить, что в самом начале своей литературной деятельности Маркс, в совершенстве усвоив себе гегелевский диалектический метод и еще не будучи вынужден ходом своих занятий заменить его материалистическим диалектическим методом, уже обнаруживает полную самостоятельность от Гегеля[1]) в самом применении гегелевской диалектики, и притом именно в той сфере, где Гегель, несомненно, всего сильнее: в истории мышления. Гегель дает не реконструкцию имманентной диалектики системы Эпикура, а ряд пренебрежительных отзывов об этой системе, а Маркс дал именно реконструкцию имманентной диалектики эпикуреизма, которого он вовсе не идеализировал, выяснив малосодержательность его по сравнению с системой Аристотеля. Энгельс детально выяснил мне глубокое различие в этом отношении между сразу обнаружившим такую самостоятельность по отношению к Гегелю Марксом и не эманципировавшимся от ученического отношения к Гегелю Лассалем.

Философию Энгельс определял как учение о мышлении, утверждая, что все остальное представляет лишь исторический интерес и давно уж является каким-то пережитком. От попыток выразить суть марксизма в терминах рилевского критицизма Энгельс не ждал ничего хорошего...

Энгельс упомянул, что Маркс имел в виду продолжать заниматься историей греческой философии и даже впоследствии беседовал с ним на эти темы, не обнаруживая при этом одностороннего предпочтения по отношению к материалистическим системам, но останавливаясь преимущественно на диалектике у Платона, Аристотеля и из философов нового времени — у Лейбница, Канта.

На прощанье Энгельс вручил мне экземпляр «Очерков» Н. — она[2]). При этом Энгельс упомянул, что сам он еще не имел времени как следует прочесть это исследование, но заранее ждет обращений к нему по этому поводу от Плеханова и т. д. Выразив свое неизменное намерение соблюдать нейтралитет в этом и вообще аналогичных случаях, Энгельс высказал откровенно, что он руководится не только теми соображениями, которые он обыкновенно приводит, мотивируя свой отказ вмешаться.

Энгельс просил меня передать Плеханову, что он не одобряет стремления без крайней надобности обострять конфликт с революционными народниками, что он (Энгельс) не может симпатизировать намерению поскорее добиться осуществления в России противопоставления: здесь — правоверные марксисты, там — только оттенками различающаяся «реакционная» масса, считая такое предельное противопоставление политически нецелесообразным для России в 1893 г. Я был вынужден констатировать, что такие соображения вряд ли подействуют на Плеханова и тем более на непосредственно провоцируемых народниками социал-демократов в России; привел образчики народнических «возражений». Энгельс спросил, как относится сам Плеханов к вопросу о диктатуре пролетариата. Я был вынужден признать, что мне Г. В. Плеханов неоднократно выражал свое убеждение, что, конечно, когда «мы» будем у власти, никому кроме «нас» никаких свобод «мы» не предоставим...,

---

[1]) Г. В. Плеханов находил, что мне следовало бы, когда Энгельс заговорил о материалистах Демокрите и Эпикуре, перевести разговор на «более интересных» французских материалистов XVIII века. Я констатировал, что не мог отказать себе в наслаждении услышать от Энгельса изложение первой философской работы Маркса. Должен сознаться, что именно этому разговору с Энгельсом (я отстаивал традиционный взгляд на основании известных мне тогдъ первоисточников и литературы предмета) я обязан возрождением во мне серьезного интереса к греческой философии. Энгельс выразил, между прочим, желание, чтобы я установил и сообщил ему, проводится ли в литературе предмета точка зрения, сколько-нибудь приближающаяся к взгляду Маркса.

[2]) Впоследствии некоторые товарищи (Гинцбург-Кольцов и другие) говорили мне, что я должен был бы поспешить Н.—она перед Энгельсом изобличить; но ведь Н.—она я прочел уже в Лозанне, где и читал о нем—на французском языке — рефераты; кроме того, я a priori полагал, что Энгельс способен оценить аргументацию Н. — она не только лучше меня, но и не хуже Гинцбурга-Кольцова.

но что для того, чтобы в России для социал-демократов имело смысл в самом деле стремиться к захвату власти, по его (Плеханова) мнению, конечно, чрезвычайно желательно, чтобы русские социал-демократы могли использовать опыт немецких товарищей. А на мой вопрос, кого следует разуметь точнее под монополистами свобод, Плеханов ответил: рабочий класс, возглавляемый товарищами, правильно понимающими учение Маркса и делающими из этого учения правильные выводы. А на мой вопрос: в чем заключается об'ективный критерий правильности понимания учения Маркса и правильности вытекающих из него практических выводов, Г. В. Плеханов ограничился указанием, что все это, «кажется, достаточно ясно» изложено в его (Плеханова) сочинениях. Осведомившись, мог ли я лично в самом деле удовлетвориться столь об'ективным критерием, Энгельс выразил предположение, что применение такого рода критериев может или привести к обращению русской социал-демократии в секту с неизбежными и весьма нежелательными практическими последствиями этого, или вызвать в русской социал-демократии или, по крайней мере, среди русских заграничных социал-демократов ряд расколов, от которых может не поздоровиться и самому Плеханову. Затем Энгельс упомянул, что за последнее время и до него доходят слухи о все учащающихся трениях между Плехановым и другими русскими заграничными социал-демократами, вызывающих серьезные опасения за будущность русской партии. Энгельс сказал, что он не считает возможным меня об этом расспрашивать, так как я, вероятно, счел бы своим долгом солидаризироваться с лидером, каковы бы ни были мои личные впечатления. Я констатировал, что я мало видал русских в Швейцарии и в Париже, но что, по словам Плеханова, дело идет о том, что от него требуют, чтобы он писал только элементарнейшие брошюры.

Тогда Энгельс сказал, что Плеханов представляется ему русским аналогом Гайндмана [1]). А затем, по мнению Энгельса, целесообразнее было бы, если бы Плеханов отстаивал свои взгляды так, как он делал это в «Социализме и политической борьбе», воздерживаясь от полемических преувеличений. Я упомянул, что Плеханов неоднократно ссылался на образ действий Маркса и Энгельса в аналогичных случаях, но Энгельс утверждал, что Маркс и он прибегали к беспощадной полемике, только исчерпав все способы кроткого увещания: например, с Виллихом и Шаппером, с лассальянцами, с бакунистами, с Мостом; указал на аналогичный образ действий с «Молодыми». Энгельс говорил, что он вовсе не против полемики вообще, но он считал бы для русских чрезвычайно важным, чтобы они воздерживались от пользования отравленным оружием, а, в частности, от выдавания возможной в будущем эволюции направлений за непосредственную актуальность.

В частности он (Энгельс) не только не одобряет выдавания всех народников за реакционеров, но ставит на вид, что он лично не только ничего не имеет против предполагаемого сотрудничества Эвелингов в петербургском органе народников, но и сам сотрудничал бы в этом органе, если бы это допустила цензура. В заключение Энгельс сказал, что он надеется, что скоро в самой России выдвинутся энергичные вожди, что вообще из-за границы руководить политическим движением невозможно, что он лично воздерживается от вмешательства во «внутренние дела» немецкой социал-демократии, хотя и не одобряет кое-чего в «Vorwärts'е» и т. д.

Плеханову Энгельс поручил мне передать дружеский совет: заняться главным образом достойными его научными трудами, особенно по аграрному вопросу, но не в форме полемики, а по существу. При этом Энгельс упомянул, что русские вообще очень обидчивы и что, например, Степняк, которого он не смешивает с его entourage, перестал бывать у него из-за пустячного недоразумения.

---

[1]) Г. В. Плеханов принял эту характеристику,—которую Энгельс разрешил мне ему передать, когда я поставил на вид, что ведь Плеханов заинтересуется отзывами Энгельса о нем и вряд ли удовлетворится похвалами его литературному таланту,—за комплимент: ведь Гайндман отстаивает незыблемость марксизма. Но у Энгельса сравнение политического деятеля с лидером социал-демократической федерации не было комплиментом. Наоборот, в сравнении с Лассалем Г. В. Плеханов не усматривал ничего для себя лестного.

На прощанье Энгельс пожелал мне в моей научной и литературной деятельности не торопиться печатанием своих работ и всегда иметь в запасе больше аргументов, чем непосредственно приводимые. Я констатировал, что избранная мною, как основная специальность, история логики по существу исключает возможность иного отношения к делу.

Я привел только существеннейшее из того, что мне говорил Энгельс. У него — особенно за ужином — я встречал его обычных собеседников (и собутыльников) и приезжавших в Лондон деятелей... Особенно запечатлелась в моей памяти ночь первого мая 1893 г. Уехал я — с Мендельсонами — от Энгельса уже на рассвете, Maitrunk был восхитителен. Пели Марсельезу — классическую, французскую: в Лондоне, в устах вождей международного социализма, этот гимн звучал иначе, чем в тогдашней Франции. А когда я, как-то безотчетно, стал напевать: «Wohlan, wer Recht und Wahrheit achtet...», Энгельс шепнул мне: «Зачем вы бормочете эту лассальянскую подделку?», и пред'явил мою вышеупомянутую рукопись..., удовлетворившись, однако, моим об'яснением ее происхождения.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

И. Луппол. Ленин и философия. **К вопросу об отношении философии к революции. ГИЗ. М.—Л. 1927 г., стр. 208.**

Автор рецензируемой книги поставил перед собой задачу «представить читателю облик Ленина-философа, т. е. представить его отношение к философии и его решение основных философских проблем» и в связи с этим «дать материал к вопросу об отношении философии к революции».

Сообразно с этой задачей в книге в последовательном порядке рассматривается отношение В. И. Ленина к следующим пяти существеннейшим проблемам философии марксизма: 1. Проблема бытия и мышления. 2. Проблема материалистической диалектики. 3. Проблема социальной методологии. 4. Проблема диктатуры пролетариата и 5. Проблема культуры.

В первую очередь автор анализирует ленинское понимание теории познания как научной методологии знания и справедливо указывает, что проблема бытия и мышления Лениным разрешалась в тесной связи с вопросом о партийности в философии, путем противопоставления двух основных философских направлений — материализма и идеализма.

Мысль о неразрывном единстве диалектического материализма и научного коммунизма, методологии знания на основе действия и методологии действия на основе знания, составляет главную ось всей работы. Нашим современным отрицателям философии марксизма, смешивающим ее с «философией вообще», весьма полезно будет прочитать те страницы исследования, где автор, опираясь на Ленина, с полной убедительностью обрисовывает все значение философского обоснования материалистического мировоззрения; очень кстати в книге приводятся знаменательные ленинские слова:

«Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом».

Следует указать, что один из вопросов материалистической диалектики, затронутых автором, не разработан им достаточно полно и подробно, а именно вопрос о переходе возможности в необходимость; проблема эта, ввиду ее принципиального значения, требует дальнейшего углубления и уточнения.

Обращаясь далее к анализу основных положений социальной методологии, т. И. Луппол указывает теоретические заслуги Ленина в этой области, особенно выделяя его требование конкретности методологических определений.

Ввиду общей тенденции механистов игнорировать специфические особенности отдельных научных дисциплин, борьба с некритическим распространением

механических, биологических и других категорий на социальные явления приобретает в наше время принципиальное философское значение.

После анализа ленинских конкретных определений общества и класса автор рассматривает вопрос о партийности как основном элементе социальной методологии Ленина и, связывая теорию марксизма с революционной практикой, следующим образом формулирует основные методологические задачи революционного марксизма: на основе сличения идей с фактами понять предмет в его конкретности и развитии и, став на партийную точку зрения, сделать все практические выводы.

В пятой главе, посвященной проблеме диктатуры пролетариата, автор подходит вплотную к вопросу о переходе методологии социального знания в методологию социального действия и, оговариваясь, что рассмотрение принципов политической тактики Ленина вполне естественно не входит в задачи данной работы, подробно излагает ленинскую теорию пролетарского государства, т. е. диктатуры пролетариата, особенно выделяя методологическую сторону вопроса и его связь с общефилософскими взглядами Ленина.

Весьма ценной следует признать последнюю главу книги т. И. Луппола, специально рассматривающую проблему культуры. До настоящего времени мы имеем слишком незначительное число научных работ, в которых были бы с достаточной точностью и ясностью сформулированы хотя бы основные положения марксистского понимания искусства, литературы, религии и других надстроек. Задача методологического обоснования марксистского учения о культуре приобретает тем большее значение; очевидно, что ее разрешение выпадает на долю материалистической диалектики как научной методологии. Весьма интересны страницы, посвященные анализу отношения Ленина к лозунгу пролетарской культуры.

Известная спорность отдельных тезисов и недостаточная полнота тех или иных отделов книги вполне понятны, если принять во внимание широту и сложность поставленных в ней проблем; борьба против упрощения и вульгаризации материалистической диалектики, строго последовательное развертывание ее смысла как научной методологии, — таковы главные особенности работы т. И. Луппола, позволяющие считать ее ценным вкладом в нашу марксистскую литературу.

Wladimir Levinskyj. Marxismus, Erkenntnis und Weltanschauung. «Die Gesellschaft», № 12, 1926.

Владимир Левинский. Марксизм, познание и мировоззрение.

Задачей автора является выяснение вопроса: есть ли марксизм теория познания и может ли он быть мировоззрением. Для этой цели он бегло рассматривает основные философские направления, существовавшие до марксизма, — эмпиризм, скептицизм, критицизм, панлогизм, позитивизм, останавливаясь несколько подробнее на философии Фейербаха и характеризуя ее как антропологизм. Автор совершенно справедливо указывает на то громадное значение, какое имела философия Фейербаха для марксизма. Отмечает он также отсутствие диалектики у Фейербаха как основной недостаток его философии, благодаря которому его метод остался методом «старого материализма». Переходя к марксизму, автор говорит: «Три момента марксовского мышления: позитивная действительность, практика и диалектика... отличают марксизм, как научное направление мысли, от всех до сих пор бывших направлений мысли» (стр. 530). При этом он оговаривается, что диалектику он понимает как эволюцию.

Ошибочно называемый «материалистическим пониманием истории» марксизм является, по мнению автора, социологией. Понимать же марксизм как теорию познания отнюдь нельзя. Всякая теория познания занимает место между метафизикой и наукой. Марксизм же есть наука и может быть только наукой. Но, может быть, марксизм есть мировоззрение? «Материалистический и критический марксизм, — пишет автор, — утвердительно отвечали на этот вопрос».

Для Энгельса и Плеханова (представителей материалистического марксизма) и для Макса Адлера (представителя «критического марксизма») марксизм является мировоззрением, но для автора — нет. Марксизм для него только наука, и притом вполне определенная наука — социология. Будучи социологией, марксизм дает нам знание только одного отрезка природы, именно знание о социальном мире, предоставляя другим наукам пополнять наше знание о других областях природы.

Существует, говорит автор, стремление пополнять марксизм Дицгеном, Кантом и Махом. Два первые «дополнения», по мнению автора, следует отклонить. Что же касается «дополнения» марксизма Махом, то его следует приветствовать. Автор кончает свою статью цитатой из книги Фридриха Адлера, в которой последний говорит, что «махизм не есть дополнение марксистского понимания истории, но он есть соответствующее марксову пониманию истории понимание природы».

Автор статьи является типичным ревизионистом как в своей общей трактовке марксизма, так и в частностях.

Сводя марксизм к социологии, он не только совершенно неправомерно сужает его, но и неправильно истолковывает. Что касается вопроса о том, есть ли марксизм теория познания, то само собой понятно, что такая постановка вопроса является тоже неправильной: конечно, марксизм не есть только теория познания, но марксизм имеет свою теорию познания, о которой автор, очевидно, не имеет ни малейшего представления. Отрицать, что марксизм есть определенное мировоззрение, значит абсолютно не понимать сущности марксизма, ибо уже Маркс и Энгельс достаточно ясно высказывались об этом в свое время. Попытку «дополнить» марксизм Махом тоже никак нельзя признать удачной и оригинальной. Считать диалектику эволюцией, как это делает автор, может лишь тот, кто не понимает сущности диалектики.

Борис Рудаев. На путях к материализму XX века. Маркс и Аристотель. **Маркс и Эйнштейн.** Харьков 1927, стр. 70.

Предисловие начинается указанием на то, что Борис Рудаев уже (!) к 1911 г. разрешил «некоторую теоретико-познавательную задачу». Неопытный читатель может в этом усмотреть большой марксистский «стаж» автора и потому поверить, что он, хотя и не дошел до ортодоксального марксизма, все же обретается где-то «на путях» к нему. Жесточайшая ошибка. Борис Рудаев обретается одновременно в аристотелизме, эйнштейнианстве и гуссерльянстве. Но такова уже «система натяжений между людьми» (стр. 65) нашей страны, что эта схоластическая эклектика, па которой «лежит сумрак седых готических сводов» (стр 45), должна быть преподнесена под именем марксизма. Посему книга первая (автор обещает обширное исследование) носит название «Подходы». Ее первый выпуск — «Нужды и задачи современного материализма» — имеет подзаголовок «Подход тактический». Автор, однако, достаточно «бестактен» и сразу, в предисловии, раскрывает свое лицо. Оно неприглядно. «Путь к разрешению основной для данной эпохи познавательной задачи материализма лежит через Гуссерля и Аристотеля». В отношении первого надо поступить, как Маркс и Энгельс поступили в отношении Гегеля: использовать метод и отвергнуть систему. (На деле у Маркса свой метод, метод материалистической диалектики.) Аристотеля надо взять всего целиком, хотя и освободив его, как и Гуссерля, от «засоряющих порождений сознания эпохи» (стр. 6).

Правильно считая, что для... иных и прочих «блага публикационных возможностей» являются в настоящее время «весьма ограниченными», причисляя себя к «Несчастливцевым», а равным образом не желая «работать на склад» или действовать «в условиях устного предания» (стр. 9, прим.), автор с первой же страницы «опирается» на... Энгельса. «Материализм — говорит он — находится в одной из тех стадий своего развития, когда, по завету (!!) Энгельса, он должен (категорический императив, очевидно!) «изменить свою форму» применительно к «состоянию научного знания эпохи» (стр. 5). Роль же акушера, поскольку об'ек-

тивная возможность и долженствование установлены, любезно берет на себя Борис Рудаев. Ученый врач, воздев на нос очки, вещает дальше, что «на этот раз изменение формы должно состоять в прояснении теоретико-познавательных основ материализма и в их частичном обновлении» (стр. 5).

«Тактические подходы» автора, будучи «как бы введением», исходят «из того положения, что для нынешней эпохи основным и наиболее опасным противником материализма является уже не рационалистический и логико-реалистический идеализм... а сенсуалистический, номиналистический позитивизм»... (стр. 9). Эта мысль и служит для Бориса Рудаева достаточным основанием для отожествления философии Маркса с средневековым логическим реализмом. Подобной операции посвящена первая глава «Подходов», имеющая название «Две души материализма и его два основных врага».

Указав, что «основной», «истинный» (кавычки автора) смысл каждой теории связан с ее намерением (!), «ловким ударом ноги» выбив у Энгельса и Ленина их понятие энергии как движения, затем приведя для важности формулу кинетической и потенциальной энергии, Борис Рудаев считает нужным раскрыть фолианты Аристотеля и слегка порыться в известной книге Ueberweg'a «Grundriss d. Geschichte d. Philosophie d. patristischen u scholastischen Zeit». Этим последним он проявляет свое знание литературы, но, к сожалению, не проявляет понимания того, о чем говорит с столь профессорской ученостью. Попутно ученый автор бросает умную мысль о том, что системы схоластического реализма «не лишены элементов научной методологии», поскольку заключают в себе «попытку теоретического обоснования религии» (стр. 31). И все это для того, чтобы заявить, что «логический реализм не находится в необходимой и однозначной связи с отрицанием научного познания, а номинализм — в такой же связи с наукой и с правильным пониманием ее интересов (а следовательно, и с интересами материализма)» (стр. 33). Но тут автор сталкивается с Марксом, который, как известно, говорил диаметрально противоположное, — то, что зародышем материализма был в свое время номинализм. Борису Рудаеву это дает повод наговорить также бездну чепухи относительно марксовой оценки Бэкона и Гоббса, причем он открывает у Маркса некую «неясность», которая «не должна об'ясняться» (?!). Дальше следует довольно прозрачное указание на то, что вот ведь номинализм в своем историческом развитии привел же к епископу Беркли и «заставил класть кирпичи на (?) его, епископа, религиозную неоплатоническую систему» (стр. 42).

Но Борису Рудаеву этого мало. Он старается также отожествить Маркса с Эйнштейном, что и выполняется во второй главе под претенциозным названием: «Современная наука и философские задачи материализма наших дней». Сделать это, по Рудаеву, не трудно. У Маркса, как известно, идет речь об общественных отношениях. Поэтому мудрый автор полагает, что «Маркс предвосхищает Эйнштейна в релятивизировании вещных категорий» (стр. 66). Маркс — это Эйнштейн в политической экономии. Эйнштейн — это Маркс в физике.

Giuseppe Rensi. Der Kritische Materialismus.—«Symposion». Bd., I., H. 3.
Дж. Ренси. Критический материализм. — «Симпозион», т. I, вып. 3.

Проблема, которую автор стремится разрешить в данной статье, представляющей собою доклад на Философском конгрессе в Милане, следующая: правильно ли положение, являющееся каноном современного идеализма, что после Канта материализм не возможен и исповедуется только теми, кто не знает кантовской «Критики чистого разума». По мнению автора, материализм не только возможен после «Критики», но даже логически вытекает из нее. «Есть материализм, — говорит он, — который гармонирует с «Критикой», основывается на ней и порожден ею» (стр. 269). Его следует назвать поэтому критическим материализмом. Возможность существования критического материализма

доказывается следующим образом. Как известно, существенным пунктом «Критики» является положение: «Ничто не существует и не может существовать вне сферы суб'екта». Это утверждение может быть истолковано в двух смыслах. Во-первых, в том смысле, что все существующее есть только представление суб'екта. Это есть идеалистическое истолкование, наталкивающееся на неопределимые препятствия и означающее, собственно говоря, вызов логике и здравому человеческому рассудку. С этой точки зрения мы должны считать науки, изучающие предчеловеческую культуру (например, геологию), науками «Als ob», ибо они изучают и описывают факты, не действительно происходящие, но такие, какие должны были бы произойти, если бы тогда было сознание. Автор довольно подробно останавливается на выяснении абсурдности этой точки зрения, указывая на те неразрешимые противоречия, в которых при этом неизбежно запутывается идеализм.

Критический материализм должен по иному истолковать вышеприведенное положение Канта. Прежде всего, говорит автор, необходимо выяснить, что представляет собою тот суб'ект, который, по Канту, придает феноменам категориальный элемент. Это есть, конечно, не эмпирический суб'ект, а «чистое я», «сознание вообще», «трансцендентальная апперцепция». Но что такое это «чистое я»? От понимания его зависит правильность истолкования положения: «не существует ничего, что лежит вне сферы суб'екта». Что останется от «я», если абстрагироваться от всех эмпирических и психологических элементов? — «Категории форм сознания без сознания, формы мысли без мысли, формы я без я» (стр. 276). Остается «чистый комплекс логических условий», который должен все же где-то иметь свое место. Где? — В вещах, отвечает автор. Таким образом, «чистое я», «сознание вообще», есть не что иное, как «мир категориально связанных вещей», причем эта категориальная связь присуща им самим, а не навязывается им извне. «Сознание вообще» можно считать или богом, или материальной действительностью, говорит автор. Сам он считает его материальной действительностью, миром вещей. Что такое вещь, в чем ее сущность? Сущность вещи в ее познаваемости, содержащейся в ней независимо от эмпирического сознания. Вещи существуют не в суб'екте и не благодаря ему, а совершенно независимо, однако в такой форме, что они могут быть познаваемы суб'ектом, т. е. в формах пространства, времени и категорий. Только в таком смысле и нужно понимать коррелятивность об'екта и суб'екта (стр. 281). Кантовское положение «Ничто не существует вне сферы суб'екта» правильно в том смысле, что ничто не существует, что не может быть об'ектом для суб'екта, не обладает возможностью быть познанным, ибо «существование = познаваемости». Если под вещью в себе понимать вещь, не зависимую от актуального мышления, то явления сами суть вещи в себе, говорит Ренси. Если же под вещью в себе понимать ту таинственную и непознаваемую основу, из которой производятся вещи, то нужно, напротив, сказать, что вещи суть феномены. Отношение ноуменов и феноменов есть, по Ренси, отношение еще скрытой основы существования к развитию (стр. 284). Это развитие есть феноменализирование вещей, совершающееся не в суб'екте, а об'ективно. Вещи суть об'ективные феномены. Существование вещей, как мы уже знаем, есть их познаваемость. Давая дальнейшее определение существования познаваемости, Ренси говорит, что существование есть, прежде всего, воспринимаемость (Wahrnehmbarkeit). Чтобы существовать, вещь должна быть чувственно ощущаемой, т. е. материальной, так как «материя (все равно — мыслим ли мы ее в форме атомов, электронов и т. д.) есть не что другое, как то, что, в силу своей природы, может быть схвачено чувствами» (стр. 285).

Собственно говоря, смысл положения Канта о том, что бытие есть категория, а категории имеют значение только для феноменов, сводится к тому, что существует только то, что может быть видимо и осязаемо, т. е. материально. Таким образом, критический материализм согласуется с идеализмом, идентифицирующим мир и «я».

В заключение автор еще раз подчеркивает независимость мира вещей от суб'екта. «Вещи, — говорит он, — сами себя производят своими силами и существуют пространственно, временно, представляемо, материально, «an sich», до и вне всякого живого мышления» (стр. 291).

«В общем и целом» автор не прав, хотя некоторые положения его «критического материализма» правильны. Однако основное положение автора: «сознание вообще есть материальная действительность», не только не согласуется с духом и смыслом кантовской критики, а прямо ему противоречит. То же нужно сказать и об отношении ноуменов и феноменов по Ренси, — он, в конце концов, просто уничтожает кантовскую вещь в себе, как ноумен. Коррелятивность суб'екта и об'екта, установленная Ренси, тоже мало похожа на кантовскую.

Все это дает нам смелость утверждать, что попытка вывести из идеализма Канта материализм более парадоксальна, чем состоятельна...

Что касается критического материализма как такового, то в нем есть некоторые правильные положения, — к ним относится положение о существовании материальной действительности независимо от суб'екта. Однако, этим и исчерпываются точки соприкосновения критического материализма с диалектическим материализмом. Основным отличием является полное отсутствие в критическом материализме диалектики, чем обусловлен его дуализм и его неясность в определении коррелятивности суб'екта и об'екта.

Л. Я. Зивельчинская. Опыт марксистской критики эстетики Канта. **Гиз. 1927, стр. 207.**

Отметив, что система Канта в целом уже подвергалась обстоятельной критике в марксистской литературе, но об эстетическом учении Канта не имеется марксистской работы, Л. Я. Зивельчинская выражает мысль, что для того, чтобы «марксистски об'яснить» эстетику Канта, недостаточно иметь наглядное представление об экономическом, социально-политическом и культурном облике эпохи, в которой лишь готовилась борьба буржуазии против феодалов и феодально-бюрократической эпохи, но необходимо установить и сложное взаимодействие эстетических идей в эпоху Канта. Из этого вытекает, что значительная часть работы об эстетике Канта должна быть посвящена генетическому анализу идей Канта.

Нарисовав «схематически» картину общественной жизни второй половины XVIII века в Германии, Л. Я. Зивельчинская характеризует — еще более схематически — «умственную жизнь эпохи», признавая, на основании сравнения периода «бури и натиска» с французской революцией, что умственное и литературное направление этого периода есть «идеология буржуазии, начинавшей превращаться из класса в себе в класс для себя», и усматривая в философии Канта одно из сложнейших проявлений этого идеологического процесса» (стр. 16). В главе «Предшественники эстетики Канта» Л. Я. Зивельчинская дает сжатое изложение эстетических воззрений Баумгартена, М. Мендельсона, Лессинга, Винкельмана, Гамана, Д. Юма и Э. Борка. Относительно Юма Л. Я. Зивельчинская делает вызывающее недоумение замечание: «Юм был идейно уничтожен Марксом в политической экономии и Лениным в философии. Однако некоторые мысли Юма представляют значительный исторический интерес» (стр. 36). Не представляет ли значительного интереса и рационалистическая антиисторичность Юма, особенно ярко сказывающаяся в его исторических произведениях и в «суждениях, выражающих оценку», в том числе и эстетических?

Затем Л. Я. Зивельчинская дает изложение эстетики Канта, которое нельзя не признать очень добросовестным. Недоумение вызывает замечание: «В литературе встречается мнение, что понятие «эстетическая идея» есть выражение платонизма. Разве только в указанном понятии обнаруживается влияние Платона на Канта? Во всем расщеплении мира на чувственный и сверхчувственный — разве не видно влияния Платона?» (стр. 53). Отношение идеализма Платона, представляющего собой классический реализм понятий, к трансцендентальному идеализму

Канта вовсе не так просто, как это, повидимому, представляется Л. Я. Зивельчинской, и следовало бы или в самом деле выяснить отношение эстетических воззрений Канта к его теории познания и кантовского критицизма к теории познания Платона, или воздержаться от необоснованных суждений о связи весьма многозначной.

Критику эстетики Канта, даваемую Л. Я. Зивельчинской, и разбор взглядов Шиллера, как продолжателя кантовской эстетики, и Гердера, как критика Канта, нельзя не признать продуманными и в общем верными. Замечания о влиянии содержания на эстетическое состояние и постановка вопроса об идейном содержании искусства, о вопросах художественной формы и т. д. в марксистской эстетике заслуживают серьезного внимания, равно как и замечания о более или менее неудачных «марксистских» рассуждениях об искусстве, которые стяжали себе славу лишь благодаря «голоду на марксистские книги об искусстве» и «марксизм которых более походит на фрейдизм».

А. Ф. Вишневский. И с т о р и ч е с к и й м а т е р и а л и з м. Северокавказское краевое изд. «Севкавкнига». Ростов-Дон. 1927, стр. 174.

Книга представляет собою «цикл лекций, читанных автором в нескольких московских высших учебных заведениях за период 1922—1924 гг.». Она предназначена «главным образом для студенчества социально-экономических и педагогических вузов». По словам автора, в трактовке основных вопросов марксистской философии и исторического материализма он «старался возможно правильнее изложить взгляды Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина». «Единственно новое, что он пытался дать в настоящей книге, — это освещение основных категорий диалектического материализма в порядке их л о г и ч е с к о й п о с л е д о в а т е л ь н о с т и» (стр. 3).

Около трети содержания работы т. Вишневского посвящено вопросам философии диалектического материализма. Автор справедливо полагает, что диалектический материализм, будучи методом, является одновременно и философией марксизма, что всякая борьба с философией марксизма и отожествление ее с «последними выводами современной науки» (И. И. Степанов) ведут к ликвидации диалектического материализма и как философии, и как метода. Далее дается краткое изложение марксистского учения о познании, об абсолютах и относительных истинах. И по отношению к исторически предшествовавшим марксизму мировоззрениям, отмечает автор, не приходится говорить об абсолютном заблуждении. Но об'ективные корни, напр., религиозной идеологии еще кроются под мистической оболочкой: марксизм же, в отличие от прежних идеологий, «уже не иероглифичен». Автор показывает дальше, что понятия диалектики и материи не должны противопоставляться одно другому: «понятие диалектики коренится уже в самом понимании материи, как единства всего существующего! (стр. 21). С другой стороны, «подлинная диалектика не может быть не материалистической». Исходный принцип диалектики поэтому формулируется автором — скорее постулируется, чем обосновывается! — как «материальное динамическое единство противоположностей». На этой основе т. Вишневский пытается развить все категории диалектики.

В «специальной характеристике диалектического материализма» автор различает категории изменения и категории развития, относя к первым причинность, качество и количество, ко вторым — сущность, форму, содержание, закон, возникновение. Критикуя односторонне-механический взгляд на материю, как на оторванное от времени и пространства «вещество», автор показывает, что с понятием материи тесно связаны понятия пространства, времени и движения, причем в соотношении движения и покоя примат принадлежит движению. «Конкретизация материального движения» ведет, по мнению автора, к понятию причинности. Используя определение причины, как определяющего условия, данное А. М. Дебориным, автор дает критику идеалистического понимания причинности и уделяет

особое внимание категориям свободы и случайности. Определение случайности, по мнению т. Вишневского, «складывается из двух моментов: суб'ективного и об'ективного, причем последнему моменту принадлежит основное решающее значение» (стр. 35). Далее автор полемизирует со взглядом, стремящимся исчерпать и понятие причинности противоречием, указывая на то, что понятие причинности включает, кроме того, и вопрос о качестве и количестве. Анализ категорий качества и количества приводит автора далее к вопросу о бесконечности и непрерывности, о «мере» и «скачках» в процессах изменения.

От изменения вообще т. Вишневский отличает более частный его случай — развитие, которое предполагает «определенную с и с т е м у (курсив автора) материального движения или изменения с длительным направлением, складывающимся в известную закономерность» (стр. 46). Для характеристики этой системы автор привлекает категорию сущности—т. е. «то о б щ е е и о с н о в н о е, которое вскрывается в процессах и явлениях как их о п р е д е л я ю щ и й момент» (курсив автора), основная причина по отношению к совокупности явлений данной системы. Сущность порождает диалектическое расщепление на форму и содержание, и развитие есть «совокупное движение формы и содержания» (стр. 48). Основная особенность развития — возникновение нового. В то время как «единство формы и содержания, взятое в статическом разрезе, дает повторение процессов, связанных с определенным брожением системы», то же единство, «взятое в разрез динамическом, дает возникновение нового» (стр. 51).

Далее автор переходит к собственно историческому материализму. Он показывает, что закон общественной жизни «действует на почве собственных законов» и в то же время их «характер специфичен». Общество определяется, как «трудовое единство взаимодействующих людей» (стр. 65), подчеркивается об'ективная сторона общественных отношений. Далее т. Вишневский кратко излагает историческое развитие общественных форм, после чего переходит к теоретическим обобщениям. Производительные силы общества определяются как техника в соединении с рабочей силой: «конкретная трудовая деятельность людей есть элемент производительных сил общества» (стр. 88). От технических отношений, входящих, по мнению автора, в состав производительных сил, отличен «совершенно иной тип производственных отношений — экономические отношения», т. е. такая система отношений, которой подчинено движение продуктов совокупного труда людей и самого труда» (стр. 90). По вопросу об образовании классов автор склонен придерживаться теории А. А. Богданова, внеся в нее некоторые оговорки, и отвергает мысль о том, что основой классообразования являются отношения собственности на средства производства. Вопросы теории исторического материализма завершаются анализом диалектики общественного развития и вопросом о «базисе» и «надстройках». Автор различает надстройки об'ективные (семья, государство) и надстройки суб'ективные или идеологии (религия, философия, наука и т. д.). Наконец, четыре странички посвящены революции и ее стадиям, причем автор воспроизводит известную схему т. Бухарина. Книжка заканчивается «демонстрацией исторического материализма, как метода» в применении к изучению идеологий и к исследованию советского строя.

Несомненно, что в основном автор занимает правильную, ортодоксальную позицию в вопросах диалектического и исторического материализма. К достоинствам книжки нужно отнести и то обстоятельство, что, несмотря на сравнительно небольшие размеры книжки и ее учебное назначение, в ней достаточно углубленно рассматриваются важнейшие категории материалистической диалектики. На-ряду с этим книга имеет и не мало недостатков — и в первую очередь методического характера. В то время, как изложение отдельных моментов диалектики отличается большой трудностью и носит характер скорее научного исследования, освещение целого ряда других важных вопросов производится крайне бегло и упрощенно. Слабо и неотчетливо освещена, напр., проблема соотношения бытия и сознания в материализме и идеализме, а ведь на нее в первую очередь наталкиваются

учащиеся при чтении работ Плеханова и Ленина. Почти ничего не говорится о государстве, совершенно недостаточно о праве, не задета проблема соотношения революции и культуры и т. д. Уже исходя из чисто пропедевтических соображений, следовало бы дать гораздо более полное освещение основных проблем, возникавших в ходе исторического развития марксизма — напр. об'ективизма и суб'ективизма, проблемы опыта и т. д. — не ограничиваясь обозрением их с высоты птичьего полета, как частных проблем, «снимающихся» в диалектике.

Но имеются недочеты и чисто теоретического характера. Прежде всего, по вопросу о «логической последовательности» категорий диалектики. Странный характер носят уже самые притязания автора дать здесь нечто «новое» в сравнении с взглядами Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. Следует твердо помнить предостережение Энгельса, отметившего искусственность и произвольность гегелевских переходов от одной категории к другой. Разумеется, между диалектическими категориями можно установить и определенную логическую связь. Но такая взаимозависимость категорий уже дана в работах основоположников марксизма, которые только на этом базисе и могли развернуть систему своих историко-материалистических воззрений. Всякая же иная «последовательность» неминуемо сведется к схоластическим натяжкам, к теоретически спорной и методологически бесполезной конструкции. А между тем важнейший вопрос марксистского учения о развитии, проблема «спонтанейности» развития, «самодвижения», осталась почти неразобранной у т. Вишневского. Не освещена также в достаточной мере связь между «внутренним» и «внешним», между «сущностью» и «видимостью», содержанием и формой в их взаимных переходах, — в моментах их тожества и в то же время в моментах их различия. А неясность в этих вопросах сказалась и на трактовке проблем собственно исторического материализма.

Автор, например, воздвигает китайскую стену между техникой и экономикой. Технические отношения включаются им в состав производительных сил, а эти последние мыслятся чрезмерно отграниченно от экономической структуры общества. Логическая связь категорий содержания и формы, в которых Плеханов рассматривал уровень развития производительных сил и производственные отношения — аналогичные указания, цитируемые самим автором, имеются и у Маркса — эта связь здесь исчезает. Разумеется, технически-трудовые отношения людей нужно отличать от их классовых производственных отношений. Но ведь и техническое разделение труда точно так же является исторической, а не логической категорией. Будучи по своему характеру всегда тесно связано с соответствующей общественной формой, оно образует необходимый составной ингредиент экономической структуры общества. Здесь достаточно вспомнить хотя бы то, что говорили Маркс и Энгельс об экономическом противоречии между «общественной организацией производства» на отдельной фабрике и общим индивидуальным присвоением капиталистической эпохи или об отмирании узкого профессионализма при коммунизме. Мы проводим различие между капиталистической и социалистической рационализацией. Производительные силы определенной общественной формации не являются производительными силами «вообще», но носят отпечаток общественной структуры и определенного классового господства. Не как отвлеченную «возможность», лишь могущую претвориться в действительные экономические отношения, нужно трактовать производительные силы, но — согласно данному Энгельсом в «Диалектике природы» общему пониманию категории силы — как специфическое мерило, со стороны материальных факторов, — конкретно имеющего место уклада производственных отношений: стало быть, как нечто отличное от производственных отношений и в то же время тожественное с ними.

С тем же метафизическим разграничением основных категорий в производственном процессе связана и защита автором классовой теории А. Богданова: его явно ошибочное представление, будто бы попытка «некоторых марксистов» опе-

реться в вопросе о классах на распределение средств производства является отступлением от производственной точки зрения. Неотчетливость общей концепции сказывается и на разделении «надстроек» на об'ективные и суб'ективные. Ведь каждая «суб'ективная» надстройка (религия, нравственность, наука) складывается не только из воззрений, содержащихся в головах людей, но в первую очередь — из вполне об'ективных специфических общественных отношений (культ, обычаи, научная работа и т. д.). Если вспомнить историческую роль церкви — хотя бы при феодализме или в первоначальном капиталистическом накоплении — то едва ли окажется возможным об'явить церковь лишь «материальным символом» религиозной идеологии. Несколько произвольный характер носят и те разграничения, которые т. Вишневский устанавливает между экономией и правом. Действительный характер их связи во всем их различии дан Марксом в первом томе «Капитала», а общий вопрос о соотношении материальных и идеологических отношений формулирован Лениным еще в «Что такое друзья народа».

Можно было бы указать не мало других ошибок и упрощений. Совершенно напрасно, напр., в понимание об'ективной категории случайности автором вносится элемент суб'ективности; деление на сословия почему-то связывается им с профессиями, а не с юридическим местом сословий; совершенно не обоснована автором защищаемая им классовая теория происхождения понятия души и т. д. При всех этих достоинствах и недостатках книжка т. Вишневского сможет скорее сыграть роль небезынтересного ориентирующего материала в деле постановки теоретических проблем опытным руководителем учебной работы, чем послужит достаточно удовлетворительным пособием для самих учащихся.

А. Варьяш. История новой философии. Т. I, ч. 1. Рационалистический идеализм и материализм. Гиз. М.—Л. 1926, стр. 341.—Том I, ч. 2. Системы эмпиризма, материализма и сенсуализма. Гиз. М.—Л. 1926, стр. 240.

Книга рассчитана на три тома. В предисловии автор во всех подробностях рисует грандиозные очертания своего предприятия—«каждый том будет делиться на несколько частей», «все сочинение будет по плану обнимать примерно 140 печатных листов», «задача, надо признаться, для одного человека неосуществимая», и т. д. Автор старается об'яснить, что «все-таки», несмотря на грандиозность задач, больше чем «двадцатилетние исследования» «сулят надежду», что он овладел полностью марксистским методом...

Самое радикальное различие между материализмом и идеализмом состоит в понимании причинности, — говорит автор, забывая, что на самом деле проблема причинности разделяет суб'ективистический и рационалистический виды идеализма, а не материализм и идеализм; забывая все, что писал Энгельс по вопросу об основных линиях в философии, автор самым красноречивым образом обнаруживает полное непонимание целого ряда идеалистических решений «проблемы причинности», как только пытается перейти к практическому применению своего принципа к истории философии. Так, например, свою критику идеализма он строит на критике гуссерлевского «понимания причинности», не понимая того простого факта, что мнимые, яко бы им открытые недочеты в теории Гуссерля о причинности на самом деле сам Гуссерль считает достоинством своего учения.

Автор выступает против общепринятого, разработанного в основной марксистской литературе взгляда, когда пишет: «В ходе развития материалистической философии не было создано прочной и определенной точки зрения на него (т. е. на принцип причинности), кроме (!) общего основного положения, что причинность есть реальное отношение, т. е. является принципом действительности, как она существует сама по себе» (стр. 18, ч. 1). Требовать какого-то нового модернизированного определения причинности помимо того определения, которое вытекает из самой сути, из существа материалистической философии, значит извращать всю философскую установку марксизма, который яко бы не имеет «прочной и определенной точки зрения».

Автор, далее, ошибается, когда «открывает» родственные идеи между философией математики Рёсселя-Пеано (стр. 30, ч. 1), Вейля (стр. 33, ч. 1) и диалектическим материализмом Маркса и Энгельса. Ничего не поняв в принципиальных особенностях философии Гуссерля, извращая философскую основу марксизма, диалектический материализм, автор, разумеется, спешит приукрасить свой ревизионизм и пришить к марксизму «последнее слово», «самоновейшее достижение» современной «науки» и т. д. Мысль, что Маркс в своих математических работах развивал идеи формального арифметизма в смысле Пеано за 40 лет до появления работ последнего, — эта мысль — голая выдумка варьяшевского воображения.

Ту же ошибку совершает автор, когда судит о взаимоотношении базиса и надстройки (бытия и сознания, экономики и идеологии) с точки зрения социальной психологии, не говоря уж о недопустимом привнесении в эту проблему категорий фрейдизма («бессознательное», «функции» и т. д.) Глубокомыслие автора достигает величайших вершин, когда посредством особых психических функций он об'ясняет процесс возникновения идеологии.

Переходя от «Введения» к изложению, надо сказать, что по грандиозности своих творческих замыслов автор думал дать исследование, но он его не дал вследствие неумения перейти от единичных литературных памятников истории философии к пониманию **связи** философских идей, их **развития, социально-экономической** обусловленности их причин, их роста и гибели. **Повествование о книгах**—«Рассуждение о методе», «Принципы философии», «Les passions de l'âme», или: «Этика», «Теолого-политический трактат», или: «О телах», «О человеке», «Левиафан», или: «Естественная история религии», «Диалоги об естественной истории» и т. д. и пр., — **повествование** о философских книгах автору более или менее дается, но стоит раздвинуть исторические рамки, усложнить задачу перспективой развития, стоит поставить вопрос о формах и содержании **связи** идей с социально-экономическим развитием, как наш автор сбивается на такие общие места, что по сравнению с этим больше серьезности находишь даже в «Истории материализма» А. Ланге. Особенно показательна глава: «Диалектическое развитие философии XVII и XVIII веков, где задача оказалась просто не под силу автору. Вместо исследования, как развивалась, двигалась вперед и обогащалась диалектика, мы имеем здесь фантастические конструкции. Кроме этой главы, укажем еще на то, что между отдельными «социально-экономическими об'яснениями» у автора не получается никакой связи, что не удивительно в силу, во-первых, варьяшевского позитивизма, а во-вторых, в силу комического характера самих «социально-экономических об'яснений». Да и в самом деле — разве можно брать всерьез то, что пишет Варьяш о том, «представителем каких социальных группировок является Спиноза» (на стр. 192)? Можно удивляться остроумию автора, когда «отказ Декарта от понятия силы» он об'ясняет отсутствием «силы» у буржуазии (стр. 115), но какое отношение имеет это остроумие к историческому материализму? И напрасно вы пытаетесь узнать, в чем состоит механический характер материализма Гоббса, в чем значение этого **механического** материализма в историческом подготовлении материализма Маркса и Энгельса, роль Декарта в истории естествознания? В чем смысл спинозовой субстанции, если «дело гораздо сложнее» (стр. 143), чем принято думать у материалистов? Можно было бы значительно продолжить ряд вопросов, на которые фельетоны А. Варьяша не дадут и не могут дать ответа.

Любопытно, что когда этот позитивист, который никак не может примириться с тем, что в философских предпосылках марксизма отсутствует «прикладная социальная психология», осмеливается вступить в область, где позитивизму нечего делать, в область логики, то ползучий метафизический историко-философский позитивизм автора переходит в свою крайность — в парящий во облацех талмудизм (см. всю главу, стр. 215 — 220, о «логическом выведении понятия субстанции Спинозы»).

Б. Г. Столпнер и П. С. Юшкевич. История материализма. (В произведениях его представителей и историков), т. 1 (до XVIII века), ч. 1, стр. 230, ч. 2, стр. 512. Кооперативное издательство «Мир», М. 1927.

«Не претендуя заменить» историю материализма, составители дают однако «что-то большее, чем хрестоматия», что-то приближающееся к истории материализма (предисловие), подбирая не только извлечения из произведений материалистов, дающие по возможности цельное представление о всей материалистической системе или стороне системы данного философа, но и отрывки из историков философии.

Ограничиваясь для «древнего времени» греческими мыслителями и не включив хотя бы индийский атомизм, составители лишили себя возможности рельефно указать на отношение сознательно материалистических построений к наивно материалистическому примитивному мышлению, особенно отчетливо выясняющееся именно при рассмотрении индийских систем. Кроме того, включение индийского атомизма дало бы возможность отметить характерные отличия атомизма Вайшешики от демокритовского.

В отделе о Демокрите не лишне было бы привести классическую формулировку его основных положений, данную Ланге: пожалуй, это резюме — лучшее из того, что можно найти у Ланге.

Заслуживает внимания гл. И. Стратон. Компромисс между Аристотелем и Демокритом. Относительно Эпикура составители дают целиком 10-ю книгу Диогена Лаэрция в безукоризненном переводе А. О. Маковельского, за что им не могут не быть признательны все интересующиеся Эпикуром. Странное впечатление производит отсутствие выдержек из диссертации Маркса об Эпикуре. Хотя Маркс еще и не был марксистом, когда писал эту свою первую работу, — его глубоко оригинальное и мастерски обоснованное понимание существенных сторон учения Эпикура во всяком случае не менее заслуживает внимания, чем приводимые составителями выдержки из источников философии — идеалистов не-диалектиков, от которых диссертация Маркса существенно отличается именно гениальным применением диалектики, хотя еще и в ее идеалистической форме.

Для средних веков составители воспроизводят чрезвычайно ценные раз'яснения А. М. Деборина о реализме и номинализме и выясняют материалистические элементы учения Бруно.

Для нового времени выдержки из работы Деборина и из Ланге хорошо выясняют значение Бэкона как материалиста. Хорошо выяснен и материалистический аспект учения Декарта. Перевод возражений Гассенди на учение Декарта о душе сделан не с латинского подлинника, а с французского перевода. Для Гассенди следовало бы взять хотя бы главу о качествах тел из обстоятельного исследования Гастона Сортэ. Попытка преобразования картезианства в материалистическом духе А. Леруа хорошо выясняется выдержками из самого А. Леруа (Региуса) в очерке учения Леруа Н. Карева.

Не менее содержательна и вторая часть. Нельзя отрицать, что «История материализма», на-ряду с «Книгой для чтения по истории философии» А. М. Деборина, будет служить весьма ценным пособием для лиц, интересующихся научной историей философии вообще и материализма в частности. Но все же подобные труды лишь суррогат; необходима новая история материализма с точки зрения диалектического материализма или, по крайней мере, ряд монографий, которые были бы написаны с этой точки зрения и стояли бы на высоте современного состояния науки.

II. МАРКСИЗМ И ПЕДАГОГИКА

С. Д. Володарский. О марксистской педагогике. Изд. Красноярского педагогического техникума. Красноярск 1925, стр. 32.

Автор этой брошюры поставил себе целью, «не претендуя на оригинальность, охарактеризовать, по возможности, главные достижения современного естествознания, имеющие отношение к педагогике, — именно под углом их использования для органического комплексирования основ, принципов новой марксистской педагогики».

Протестуя против затушевывания педагогикой классового момента, изобличая педагогику, которая «даже теперь идею трудовой школы умеет одеть в одежды внеклассовые», автор полагает, что «без марксистского прорыва современной психофизиологии коммунистическая педагогика не сдвинется с места и попрежнему будет носить метафизический характер с сугубым психологизмом» (стр. 6). Самым надежным орудием для подобного обоснования марксисту, по мнению автора, может служить учение о рефлексах и учение о гормонах (секрециях) с присоединением сюда некоторых выводов Фрейда о вытеснении и сублимации, причем задачей марксистской педагогики является «ориентация на перспективу» замены классовой физиологии «единой физиологией человека», возможной «лишь в стройно организованном производстве при пропорционально распределенных производственно-общественных функциях, благодаря которому (производству) можно будет добиться «оздоровления человека, т. е. системы устойчивых, бесклассовых рефлексов».

Содержание брошюры составляет, главным образом, изложение влияния гормонов на психофизиологию (стр. 15—22) и психологического пандетерминизма Фрейда, представляющего собой, по мнению автора, «лучшее противоядие против учения о свободе воли» (!). В заключительных «нескольких словах о целевой установке нашей педагогики» нет ничего, кроме общих мест, напоминающих Енчмена. Брошюра неудовлетворительна.

Я. Л. Харапинский. Материалистическая диалектика в педагогике. Издание Вятского пединститута. Вятка 1927, стр. 23. Перепечатано из «Трудов Пединститута имени Ленина» за 1926 г.

Автор не пытается дать какую-нибудь систему педагогики, потому что всякая система годится только для определенного времени и определенного места» (стр. 3).

Диалектический метод автор определяет как «применение диалектического мышления в научном исследовании» (стр. 7). Затем автор резюмирует — к сожалению, слишком схематично — некоторые главы «Диалектики природы» Энгельса, главным образом «Основные формы движения» и «Общий характер диалектики как науки».

Переходя к «главной цели» своей статьи, к применению диалектики к педагогике, автор усматривает общую черту прежних определений педагогики в том, что «педагогика — это система планомерного воздействия одного человека на другого с целью приспособить его к обществу». Признавая это определение неполным, имеющим своим об'ектом «человека отвлеченного, стоящего вне времени и пространства», автор считает необходимым «вскрыть и остальные признаки» и дает для классового общества более правильное определение сущности и цели педагогики. «Педагогика — это научная система методов, приемов и техники воздействия на человека с целью приспособить его к защите интересов своего класса» (стр. 20). Для выработки надлежащего подхода к воспитуемому «он должен быть изучен не только со стороны его умственных способностей, необходимо также изучить его физическое состояние, его классовое и материальное положение... Это даст возможность, подготавливая всех к полезной для своего класса деятельности, индивидуализировать каждого из них и готовить его конкретно к наиболее для него подходящему виду деятельности» (стр. 21). При этой индивидуализации

человека, как об'екта воспитания, необходимо исходить из «конкретных задач, стоящих в тот или другой момент перед классом. Индивидуализация и социализация не исключают друг друга». Отчетливо выясняя задачи процесса обучения и усвоения, как трудового процесса, и подчеркивая, что учебный план, об'ем и содержание дисциплины, методы их проработки будут определяться интересами класса, строящего школу, автор не чужд, однако, некоторого формализма; например, принцип 8-й гласит: «Школа должна формировать активного творца жизни, борца за свои классовые интересы». Эта формулировка вызывает недоумение: ведь в советской единой трудовой школе не могут не воспитываться и должны будут воспитываться, особенно при осуществлении обязательного всеобщего обучения, не только учащиеся рабоче-крестьянского происхождения, но в задачи этой школы никоим образом не должно входить формирование из них борцов за их классовые интересы. Неудачная формулировка автора вызвана именно его стремлением к непреклонному, так сказать, алгебраическому схематизму, для которого конкретный и весьма злободневный вопрос о целесообразнейшем подходе к выработке из учащихся не-рабочего происхождения борцов за социализм как бы не существует.

П. Панкевич. Мысли Плеханова о воспитании и образовании. **С предисловием А. Г. Калашникова. Издательство «Работник просвещения». М. 1926. стр. 75.**

Автор предисловия констатирует, что «педагогика, как наука, только начинает складываться, так как буржуазные теоретики до сих пор создавали педагогические теории на основе частных эмпирических фактов и на основе классовой идеалистической философии... Были лишь эмпирически описанные куски педагогического ремесла, сдобренные и связанные отрывочными положениями той или иной философской теории» (стр. 3). Признавая «вопрос об об'ективной педагогической теории, могущей направлять дело воспитания, особенно для нас, волей исторического развития идущих к социализму», вопросом первостепенной важности и не удовлетворяясь «сугубым практицизмом», при котором педагогика обращается в «собрание нормализированных рецептов», А. Г. Калашников намечает задачу марксистской педагогической теории.

П. Панкевич отмечает, что хотя Плеханов специально не занимался вопросами воспитания и образования, его литературная деятельность не теряет своей ценности и для этой области общественного знания, так как, мимоходом затрагивая педагогические вопросы, Плеханов высказывает очень ценные мысли и дает «могучее методологическое оружие» для анализа педагогических систем. В очерке «Человек как продукт общественной среды» автор резюмирует, приводя характерные цитаты, взгляды Плеханова на педагогические теории французских материалистов и Руссо. Затем, чтобы показать, что, будучи сторонником общественного воспитания, Плеханов учитывал и значение домашней среды в деле воспитания, автор приводит рассуждение Плеханова относительно воспитания Н. Г. Чернышевского. В главе «Психология человека и теория познания» автор резюмирует взгляд Плеханова на психическую жизнь и на задачи психологии. И дальнейшие главы, в которых излагаются взгляды Плеханова на трудовое воспитание, на нравственное воспитание, при котором имеются в виду интересы пролетариата, на эстетическое воспитание, могут быть прочитаны и перечитываемы школьными работниками с большой пользой. В заключение автор подчеркивает важность детальной разработки вопросов воспитательной практики с точки зрения марксистской социологии, для обоснования и конкретного применения которой так много сделано Г. В. Плехановым.

О. Трахтенберг. Диалектика и педагогика. **Издательство «Работник просвещения. Москва» 1927, стр. 56.**

Не собираясь «открывать больших или даже малых Америк в области педагогики и школьной практики, и тем более в области диалектики», автор ставит

себе значительно более скромную задачу, а именно — наметить «теоретическую связь между некоторыми общими проблемами педагогики и принципами материалистической диалектики. Признавая диалектический метод основным, совершенно незаменимым методом познания и практической работы в любой жизненной сфере, автор диалектически раскрывает исходные определения педагогики, выясняя, что «нет педагогики, годной для всех эпох и всех классов, но что педагогика, подобно любой науке, имеет всегда исторически конкретный и чисто классовый характер» (стр. 8). Рассматривая педагогический процесс как процесс диалектического взаимодействия, автор подчеркивает, что «ученик—не обстрактная единица, не мертвый предмет для обработки» (стр. 11) и предлагает весьма нелишние в современной педагогической практике коррективы к уклонам, игнорирующим эту истину, и подчеркивает необходимость «тонко и ясно понять общий смысл классового вопроса в школе». Мысля диалектически и подкрепляя свои положения цитатами из рабст А. М. Деборина, автор выясняет, что марксистская педагогика и советская школа вовсе не должны начисто и с пренебрежением отвергнуть всю буржуазную педагогику, а сохранить то, что в ней было истинного, откинув направленное на укрепление классовой мощи буржуазии и извлекая все то частное, специальное, практическое, что весьма полезно и для нас»; напр., «грешно было бы не использовать практического опыта школ, руководимых Кершенштейнером, или отдельных его указаний относительно проведения трудового метода преподавания», отвергая его ярко реакционно-буржуазную педагогическую систему.

Методологические указания автора с пользой могут быть приняты к сведению не только педагогами. Очень важен протест автора против смешения диалектического метода с чистым эмпиризмом и вытекающих отсюда искажений, довольно «распространенных» в педагогике (стр. 25—26). Соображения автора о трудовом принципе в педагогике, о диалектике и комплексном методе представляют актуальный интерес, особенно «несколько слов относительно диалектического подхода к трем колонкам» гусовских программ (стр. 45—46).

Наиболее спорным представляется взгляд автора на ненужность, невозможность преподавания диалектики, как «предмета», в средней школе, и в особенности несколько упрощенный взгляд на отношение диалектической логики к формальной (стр. 53 — 54).

В заключение автор дает ценные библиографические указания.

III. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ИСТОРИЯ ТЕХНИКИ

Проф. Ю. Шаксель. Биологические теории и общественная **жизнь. Гиз 1926 г., стр. 89.**

Книжка Шакселя интересна хотя бы уже тем, что, начинаясь изложением Аристотеля, кончается агитацией против «Лиги наций», в полном соответствии со своим заглавием. Такая несколько странная амплитуда содержания интересна именно тем, что представляет собою путь университетского профессора к марксизму.

Брошюра Шакселя распадается на две части: 1) на изложение истории биологии, где, плохо ли, хорошо ли, он вносит марксистскую струю, и 2) на философию биологии («Система понятий»), где Шаксель самобытен.

Во второй части Шаксель только «по имени-отчеству» называет «диалектический метод», по сути же дела разделяет все основные недостатки философии современной биологии. Проф. Шаксель не может удовлетвориться «механическим мировоззрением», но для него также неприемлем и витализм. Неудовлетворенность существующими направлениями в биологической науке характерна не только для одного Шакселя в Западной Европе. Приобретает поэтому особую важность вопрос: «что живущий интересами общества человек должен делать» для спасения

положения, куда направляться за удовлетворяющей постановкой вопросов научного мировоззрения? Наш ответ: к марксизму, к диалектическому материализму. А как поступает профессор Шаксель?

Для омоложения биологии, по мнению Шакселя, требуется: «критический пересмотр понятий, необходимый для отчетливой постановки вопросов, и, прежде всего, накопление экспериментальных данных» (стр. 44).

Первое вытекает из второго. Сначала, по видимости в диалектической словесной форме, автор говорит: «Задуманный пересмотр понятий покоится на решении — в процессе мысли, в выработке идей исходить из действительности» (стр. 48). Значит, «прежде всего, накопление экспериментальных данных»: «Куда приведут исследователя фактические данные, — это пока не предвосхищается». Зачем же, в самом деле, предварять события. «Конкретное содержание постепенно вырабатываемых понятий, способ их сплетения в целое, постановка отдельных вопросов и их разрешение,—короче, все развитие учения из положенного в его начало основания предоставляется естественному развитию работы» (51 стр.). Такова теория «понятия» Шакселя. Но если такова и диалектическая теория понятия, то в чем тогда ее отличие от ползучего эмпиризма? Конечно, нужно «в выработке идей исходить из действительности», но можно ли предоставлять стихийному творчеству эмпиризма «способы сплетения в целое» понятий, когда теоретическое мышление имеет за собою не только длительную историю, но и познанные законы логики и диалектики.

Едва ли что изменяется в философии биологии Шакселя от того, что существование органических форм он называет «бытием», а их размножение «становлением». «Становление» он определяет как «длительное повторение тех же процессов в ряде поколений, последовательность во времени» (стр. 49). Трудно предположить, что Шаксель, цитировавший и Маркса, и Энгельса, не знает, что становление есть возникновение и уничтожение. Шаксель же, не задумываясь, уничтожает понятие вида при «критическом пересмотре основных понятий» биологии (это не мешает ему все же им далее пользоваться).

Под развитием Шаксель понимает просто рост особи от зародышевой клетки и до ее смерти; отсюда «последовательное развитие представляет собою лишь проявление, развертывание заложенных наследственно свойств» особи. По другой версии, «развитие представляет собой повторяющееся становление», т. е. просто размножение особей вида. В обоих случаях в развитие вкладывается количественное содержание.

«Если мы знаем, — пишет Шаксель, — как определяется развитие одного поколения, то мы знаем это и для всех последующих поколений вида, пока они остаются тожественны друг другу» (стр. 61). Но действительное развитие как раз только и начинается переходом от одного вида к другому.

Самобытность Шакселя в философии биологии в том и заключается, что, находясь в плену у категории количества, в изложении истории биологии он сам раскрывает движение от качества к количеству, от теорий биологов древних к теориям нового времени. «Качественный взгляд на единый космос,—говорит он,— уступает место количественным представлениям о влияниях природы» (стр. 11). Но Шаксель не замечает диалектической точки зрения в биологии. В историческом очерке также недооценивается значение теории в развитии науки. Излагая Аристотеля, Шаксель пишет: «Несомненно, непосредственный опыт и ощущение сыграли здесь бо̀льшую роль, чем строгое мышление» (стр. 18). Но Шакселю, участнику издания «Диалектики природы», не может быть неизвестно, как оценивал Аристотеля Энгельс, который Аристотеля, как теоретика диалектики, ставит почти наравне с Гегелем. Не только интерпретация, но само изложение Аристотеля некритично и напоминает дришевскую трактовку Аристотеля, в частности понятия «энтелехии».

Отсюда вытекают «прагматические» извращения марксизма, как, например, в формуле: «теория имеет своей единственной задачей такое определе-

ние и расположение накопленных опытных данных, которое наилучшим образом обеспечило бы их практическое применение» (стр. 47).

Значительно удачнее заключение книжки.

Найдя общественную обусловленность развития науки, Шаксель пришел к выводу что: «отдельные исследователи и мыслители не могут вывести биологию» из ее тупиков, что ее развитие связано с общественным переворотом; он говорит: «Новые цели, методы, пути и области исследования откроются лишь с падением границ, которые поставил ей буржуазно-капиталистический строй» (стр. 86). Поэтому он расценивает пролетарскую революцию как крупнейший фактор научного развития: «Уже при диктатуре пролетариата, представляющей лишь переходную стадию, нет больше причин скрывать получающиеся выводы. Освобождаются силы для беспрепятственной работы... Сброшена степа предвзятости, и взор свободно проникает вширь и вглубь». Обращаясь к «аполитичным» ученым, автор остроумно вскрывает классовый характер науки» и тот факт, что работники ее становятся «бессознательным орудием господствующего класса».

Е. А. Аркин. Л и ч н о с т ь и с р е д а в с в е т е с о в р е м е н н о й б и о л о г и и. Издание исправленное и дополненное. Гиз. 1927 г., стр 260.

Второе издание книги более совершенно, чем первое. В ней специально и исключительно собраны биологические факты и теории, могущие стать подсобными при трактовке проблемы «л и ч н о с т ь и с р е д а».

В самом начале автор останавливается на некоторых вопросах мировоззрения. Затем исключительное внимание уделяет анатомическому и, главным образом, физиологическому развитию («структуре и диалектике», по выражению автора) нервной системы. Изучение деятельности нервной системы Павловым стоит в центре внимания книги. Достаточно внимания уделено внутренней секреции. Почти вскользь затронуты вопросы педагогики в связи с рефлексологией.

Автор добросовестно и обстоятельно популяризирует достижения научной биологии, воюя против «биофобии».

Для педагогических работников, интересующихся биологической природой человека, материал в книге Аркина подобран интересный. Социальная сторона развита слабо. Можно было бы книгу выпустить под названием: «Некоторые вопросы биологии человека». На 200 страницах автор собирает материал, чтобы затем к нему прибавить, что между средой и личностью существует «взаимодействие», — только и всего. Он считает «плоскими, реакционными и ненаучными» как тех, «которые утверждают, что среда создает личность», так и тех, «которые провозглашают, что личность господствует над средой». Аркин предпочитает серединку. Как постановка, так и решение проблемы страдают неопределенностью, потому что автор говорит о «личности вообще», о «среде вообще».

Меры и грани биологии и социологии в книге иногда теряются, сливаясь в «эволюционном» единстве. Так, например, изложив добросовестно закон иррадиации и концентрации нервных возбуждений, автор вспоминает «диференциацию и интеграцию» Спенсера и пишет следующее: «Эволюция движется от неясных, общих, однородных реакций примитивного человека к определенным, точным, специализированным реакциям современной техники, промышленности, науки и искусств: от иррадиации нервных токов к их концентрации, от экстенсивного использования нервной энергии к интенсивному. В сущности мы здесь имеем проявление общего закона мировой эволюции, установленного еще Гербертом Спенсером» (стр. 140). Страничек так через 90 автор возражает против тех, «которые занимаются всяческой сводимостью одних явлений к другим» и формулируют «общественное развитие в терминах рефлексологических» (стр. 228).

«Мы, — говорит он, — знаем, что, насколько велико теоретическое значение спенсеровского закона, настолько же бесплоден он в практическом отношении, в применении к социальному развитию» (стр. 229). Очевидно, что высказывания книги не сведены в стройное единство.

Автор не различает эволюционизма от диалектики.

Он стоит на точке зрения суб'ективности качества. Для него сознание — это «такое же отвлеченное понятие, абстракция, не имеющая себе соответствия в реальном мире, как цвет, звук, красота и т. п.» (стр. 237). Это своего рода солипсизм наизнанку. Если для солипсиста весь мир существует только в его собственном сознании, то для Аркина, наоборот, не существует сознания. Но где, в какой сфере сознается отрицание сознания? Хотя Аркин ограничивает себя рамками «биологического освещения», но в его книжке есть «искорки» «цельного» социологического мировоззрения. Вот один пример: «Нет сомнения, — говорит он, — что в конечном итоге движущими пружинами общественной жизни и общественного развития являются могучие человеческие потребности и влечения, которые с тем большей силой ищут удовлетворения, чем больше они заглушаются или затормаживаются» (стр. 226). Самое занятное в приведенной «искорке» то, что автор цитирует далее себе в подтверждение (?!) Энгельса. Аркин процитировал из Энгельса одну часть предложения, другую отбросил, и Энгельс превратился в вульгарного материалиста. Приведем эту выдержку. В речи на могиле Маркса Энгельс говорит: «Как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот простой, скрытый до последнего времени идеологическими наслоениями, факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»; здесь Аркину угодно было поставить точку, меж тем Энгельс продолжает: «что, следовательно, производство непосредственных материальных средств жизни, а вместе с этим ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они должны быть об'яснены, а не обратно, как это делалось до сих пор».

Когда Аркин находит, что: «Вся культура человечества своими завоеваниями обязана способности человека ставить себе отдаленные цели и добиваться их» (стр. 118), и выводит эту «способность» из павловского «рефлекса цели», то это — плоский, пошлый, вульгарный (физиологический) материализм: материализм, пока он не выходит из рамок физиологии и физиологических потребностей, превращается в свою противоположность—в идеализм, противоположный диалектическому материализму Маркса и Энгельса.

Говоря о способности человека ставить себе цели и их выполнять, автор, конечно, не имеет в виду качественного своеобразия человеческого труда, труда сознательного, так как сознания для него вообще не существует. Различие в развитии рефлекса цели у животных и человека, по автору, только количественное. Нельзя упрекать автора в «сознательном» идеализме, но и в диалектике, если она проскальзывает, он также не «повинен». Диалектика стихийно рождается в современном естествознании. Аркин ее бессознательно отражает. В главе «рефлексология и психология» автор признает за психологией «право на существование».

При всех своих недостатках книга насыщена свежими биологическими данными. Для педагогов она представит известный интерес хотя бы потому, что автор ее пытается втянуть в круг проблем педагогики выдающиеся достижения биологии.

М. М. Местергази. Человек-машина. Хозяйство человеческого тела. «Молодая гвардия» М. 1927 г., стр. 72.

Название книги может навести на мысль о шефстве знаменитого Ламеттри над Местергази. Но нет. Он равняется по Боссе; ему «кажется, что сложный организм, каким является наше тело, следует сравнивать не с машиной, а с организацией более сложной, ну хотя бы с заводом, трестом или еще более крупным хозяйственным об'единением» (стр. 10). Как апостол прославленного Боссе, он ищет сравнений в организме с «топкой», «насосом», «кухней»,

«дымоходом», «двигателем», «центральным отоплением» и прочее. По технологии читатель может получить такие познания: «Паровоз, например, имеет собственный двигатель в виде котла, в котором пар подогревается из топки» (подчеркнуто нами), по химии узнать, что «зола... с воздухом не соединяется... Вода, соединенная с углем, имеется во всяком дереве». О разных необразованных мнениях читатель узнает, что «многие думают, что сила для жизни нашего тела выделяется или в желудке, или в сердце, или в легких». Но это только некоторые результаты Боссе-подобной вульгаризации. В книге Местергази не это главное. Давая популярный очерк строения и отправлений человеческого организма, автор вынужден следовать аналитическому изложению. Сначала он знакомит читателя с системами органов: пищеварительной, кровеносной, дыхательной, выделительной, внутренней секреции, двигательной и нервной системами, затем с органами чувств. Попутно излагает и аналитические, и физиологические сведения.

Рост, размножение и обмен веществ, затронутые в самом начале книги, уже при постановке темы не выдерживают сравнения с машиной, заводом или трестом, и автор забывает постепенно эти сравнения. В конце книги, когда потребовалось вернуться после длительного аналитического разбора организма вновь к организму, как целому, Местергази опять вспоминает об исходном «сравнении» и решает, что организм есть «союз самостоятельных частей» притом оказывается, что простое сравнение его с обыкновенной машиной, в которой части сами по себе действовать не могут, не подходяще. Зачем же тогда книга названа так «неподходяще»?

В подкрепление мысли о самостоятельности частей он приводит и экспериментальное подкрепление. От «самостоятельных» органов мысль течет к клеткам тканей и свободным клеткам крови, составляющим «коллективно» организм. Организм как «хозяйственная организация» оказывается далее «бесхозяйственным», так как для оплодотворения одного яйца расточаются полчища сперматозоидов. Тем и заканчивается книга. Здесь любопытно отметить, что категория механизма, машины, у Местергази стихийно появляется там, где нужно говорить об организме, как о целом, все равно — отправляется ли он в ознакомление читателя с организмом или хочет уже заканчивать свою работу. Сознательно же Местергази привлек «машину» в интересах популяризации: это видно хотя бы из того, что он настаивает на знакомстве и крестьян с машинами. С обеих сторон категория машины беспомощна, «не подходяща». Но почему-то автор за нее держится. Изложение темы не однородно в смысле популярности. Местами изложение хорошее и популярное.

В. А. Дорфан. Механика жизни. **ГИЗ. 1927 г., стр. 102.**

Тов. Дорфан излагает свою тему в выдержанно механистическом духе. Язык брошюры сравнительно простой и понятный. В ней использовано много из нового в современном состоянии механистического понимания жизни.

Химическая основа многообразия органических форм доказывается арифметическим вычислением возможного количества комбинаций известных 20 аминокислот. Нельзя считать доказательным подобного рода арифметические упражнения.

Читатель в книге познакомится с механикой искусственного оплодотворения, с явлением регенерации, с некоторыми успехами эндокринологии, с популярным, но интересным изложением теорий наследственности.

Несколько осложнено автором раз'яснение процесса адсорбции и его значения в биологии.

Внешне безупречное изложение страдает тем, что рассчитывает на абстрактного читателя; поэтому в книге можно встретить даже сказочки на-ряду со специфической терминологией и скучноватыми (разумеется, и трудноватыми для популярного читателя) вычислениями и описанием совершенно не наглядных процес-

сов. Нельзя не отметить также и того обстоятельства, что марксистские споры вокруг «механистического естествознания», которых не мог не знать т. Дорфан, ни в какой степени не затронуты автором; как будто их и не существовало. Это уже плохо. Искрой диалектической мысли в книге являются те моменты, где автор пытается связать наследственность со специфичностью процессов ассимиляции.

Гладкое и методично-последовательное изложение книги завоюет, безусловно, себе читателя.

П. П. Лазарев. Исторический очерк развития точных наук в России в продолжение 200 лет. Издание Академии наук СССР. Ленинград 1926 г., стр. 23.

Брошюра академика П. П. Лазарева представляет собою стенограмму его речи, произнесенной 13 сентября 1925 г. на торжественном заседании Академии наук в Москве по случаю ее 200-летнего юбилея.

Нельзя, конечно, ожидать здесь марксистского охвата указанного исторического периода: брошюру можно оценивать лишь с точки зрения ознакомления с важнейшими фактами. И с этой точки зрения брошюру с интересом прочтет всякий, кто хочет познакомиться с тем вкладом, который был сделан в мировую науку русскими и живущими в России учеными. Очень хорошо, хотя и в сжатой форме, изображена роль Михайлы Ломоносова в истории естествознания. Не мешает лишь сделать здесь немаловажную оговорку. Как бы верно ни было то, что Ломоносов был выдающимся естествоиспытателем, опередившим свой век на много десятилетий, его замечательные работы не оказали влияния на ход научного развития ни у нас, ни на Западе. Ломоносова, в сущности, «открыли» лишь спустя сто лет после его смерти.

В книге совершенно отсутствует указание на теневые стороны в истории науки в России (частые смены гнева на милость и обратно со стороны царского правительства и т. п.), а также и в истории самой Академии (неизбрание в академики оппозиционеров, хотя бы они были и очень выдающимися учеными, упоминаемыми в брошюре).

Внешне книжка издана очень хорошо и снабжена многими портретами виднейших ученых.

Развитие машин. § 2 XIII главы I тома «Капитала» Маркса с примечаниями С. А. Бессонова. «Московский рабочий». Москва—Ленинград 1925, стр. 441.

Буржуазная литература по истории механики, в особенности немецкая, довольно богата. Нет недостатка в работах, занимающихся «философией» техники. Однако ценность буржуазной истории и «философии» техники в огромном большинстве случаев весьма низка. Это либо ряд картин из истории техники, либо биографии гениальных изобретателей, либо просто нагромождение фактов, часто без всякой системы и связи.

Если же делается попытка об'единить материал руководящей идеей, то, в подавляющем большинстве случаев, основною установкой является положение: «Машина освобождает человечество от физического труда. Развитие науки двигает технику вперед». Задача марксиста — осветить роль машины в классовом обществе и проследить те изменения в экономической и социальной структуре, которые она производит.

Общеизвестно, какое громадное значение придавал Маркс истории техники. Его знаменитое положение о том, что эпоха определяется не тем, что она производит, а тем, как она производит, достаточно рельефно указывает важность марксистской разработкой истории развития техники.

Несмотря на это, в настоящее время, — если не считать того, что дали и сам Маркс и Энгельс, — марксистской истории техники фактически не существует.

Книга Бессонова ценна тем, что дает марксистскую постановку основных проблем истории техники, исходя из тех положений, которые установил Маркс в XIII главе «Капитала».

Особый интерес книга приобретает и потому, что автор не ограничивается расшифровкой отдельных указаний Маркса, касающихся современной ему техники, а старается проследить и показать, как тенденции, намеченные Марксом на основе анализа современной ему техники, получили полное развитие и подтверждение в технике самого последнего времени (автор берет и послевоенную технику).

Первая часть книги посвящена методологическим вопросам об орудиях вообще и о их влиянии на тип рабочего, об эпохах в истории техники и вопросу о происхождении машины.

В вопросе об эпохах в буржуазной литературе господствует взгляд Зомбарта — «развитие науки определяет развитие техники», — и автор на многих примерах дает исчерпывающую критику этого взгляда. К сожалению, вследствие своеобразного построения книги, эта критика разбросана по различным отделам.

В вопросе о происхождении машины автор дает критический обзор взглядов буржуазных «философов» техники и противопоставляет им определение машины, данное Марксом. За методологической частью следует описание основных машин в их историческом развитии.

На этой части более всего отразилось своеобразие построения книги. Автор назвал ее «примечаниями» и поэтому в своем изложении был связан текстом Маркса. Поэтому ко многим вопросам автору приходится возвращаться и повторять их по нескольку раз, и различные отделы и вопросы, внутренне связанные между собою, разрываются и выхватываются из общей связи.

Излишняя скромность автора, несомненно, пошла в ущерб изложению, которое много выиграло бы в цельности и яркости, если бы автор не был связан текстом Маркса.

Благодаря этому конкретная часть книги, дающая фактическую историю развития машины, вышла несколько разрозненной, хотя автор пользуется всяким случаем для того, чтобы на истории развития машины иллюстрировать основные тенденции, установленные Марксом.

В большинстве случаев история развития машин доведена до самого последнего времени (1924 г.), и на новейших достижениях техники, на своеобразии ее развития особенно четко выявляются гениальная прозорливость Маркса.

Эта прозорливость иллюстрирована т. Бессоновым особенно удачно на примере эволюции трансмиссии.

Вопрос о трансмиссии и о конвеере поставлен глубоко и разработан не только с технической, но и с социологической точки зрения.

Достаточно внимания уделяется вопросу о взаимоотношении науки и техники, но и здесь, как и в предыдущем отделе, отмеченный выше характер изложения мешает цельности.

В общем автор ярко показал, как наука вырастает из техники.

Обзор науки эпохи мануфактуры слишком скомкан. Ее связь с техникой освещена недостаточно. Эта глава не свободна и от ошибок: так, например, Лагранжу приписывается первое приложение математики к механике. Математическая механика ко времени Лагранжа была настолько разработана, что Лагранж мог ее уже излагать как а н а л и т и ч е с к у ю механику, как рациональную науку.

Много места уделено вопросу о развитии двигателя. Эта глава изложена наиболее полно и хорошо.

В связи с вопросом о паровой машине затронут вопрос о производстве машин. Этот вопрос обыкновенно обходится молчанием в историях техники, а между тем то, как производятся машины, является одним из основных опреде-

ляющих моментов в истории техники. Интересна также глава о развитии транспорта и связи при капитализме.

Включение т. Бессоновым вопроса о технической базе капитализма,— вопроса, как кажется на первый взгляд, выходящего из рамок истории техники,— очень уместно, так как этот вопрос стоит в непосредственной связи с развитием промышленности вообще, а в особенности с развитием тяжелой индустрии.

Заканчивается книга рассмотрением вопроса об основных чертах технического прогресса при капитализме, где автор подвергает критике теорию Р. Люксембург.

Что касается специально технологических и естественно-научных вопросов,— а автор оперирует с громадным технологическим материалом,— то книга составлена вполне грамотно. Некоторые ошибки все же следует отметить: электронная теория создана Лоренцом, а не Планком-Бэром (стр. 397); последние являются творцами теории квант. Лошадиная сила есть мера не силы, несмотря на свое название, а мощности. Эти и некоторые другие неточности (в отделе о тепловых машинах и газовых двигателях) вполне извинительны для неспециалистов.

В настоящем виде книга, несмотря на громоздкость, является ценным пособием при изучении истории техники для всех тех, кого интересует не только картина успехов техники, но и марксистское их осмысливание.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Джон Гобсон. Империализм. Изд. «Прибой», стр. 286.

Целью своего труда Гобсон считает задачу выяснить принципы империалистической политики. Но он претендует также и на роль социал-реформатора — из его анализа «социальной патологии» должны быть сделаны определенные практические выводы для преодоления империализма. «Книга эта обращается к разуму того меньшинства, которое не удовлетворяется плаванием по волнам политического оппортунизма и не желает покориться гнету слепого «рока», а хочет понять политические силы, чтобы уметь управлять ими» (стр. 17). По этим двум основным магистралям, причудливо переплетенным во всех главах, и построена рецензируемая книга: анализ экономических и политических особенностей империализма и пути его преодоления. Империализм, как политику, направленную на захват тропических и подтропических стран, Гобсон об'ясняет перепроизводством, избытком капиталов. Характерною чертой «современного империализма» Гобсон считает вывоз капиталов. На основании богатого конкретного материала Гобсон приходит к выводу, что империализм,— русло, по которому направляются избыточные капиталы,— не выгоден народу, но зато он льет воду на мельницу некоторых общественных групп, кровно заинтересованных в политике территориальной экспансии.

Империализм,—отмечает далее Гобсон,—характеризуется борьбой империализмов различных стран. «Современный империализм отличается от империализма былых времен, во-первых, тем, что честолюбивые стремления создать единую могучую империю уступили место теории и практике соперничающих между собой империй, из которых каждая охвачена одними и теми же вожделениями политической экспансии и коммерческой наживы; во-вторых, преобладанием интересов финансовых, интересов денежного капитала, над чисто-торговыми интересами». (стр. 242). Как отмечает Ленин, правильным учетом указанных двух «исторически-конкретных» особенностей империализма — социал-либерал Гобсон стоит выше марксиста Каутского. Подчеркивание еще одной особенности империализма — его паразитизма — ставит, по Ленину, Гобсона выше и Гильфердинга. Государство — по Гобсону — стоит на стороне интересов «всесильного финансового дельца», ибо «государство, в котором хозяйственные интересы отдельных хорошо органи-

зованных классов могут брать перевес над слабыми, расплывчатыми интересами всего общества, принуждено вести политику, которая содействует закреплению их господства над последними!» (стр. 56—57). Эта политика связана с милитаризмом — «империализмом работает на войну и на милитаризм и безгранично увеличивает затраты народных средств на вооружение» (стр. 120). Подведя итоги политического значения империализма, Гобсон заключает: «Империализм заключает в себе постоянную угрозу миру, он постоянно подстрекает к дальнейшим посягательствам на земли, занятые низшими расами, он ссорит наш народ с другими народами, соперничающими с нами в территориальном честолюбии; он к опасности войны прибавляет хроническую опасность и унизительное иго милитаризма, он не только истощает физические и моральные силы народа, но и задерживает прогресс цивилизации... Дух, политика, методы империализма враждебны учреждениям народного самоуправления, так как они поощряют политическую тиранию и социальное неравенство, которые являются смертельными врагами истинной свободы и истинного равенства» (стр. 130) Целый ряд положений Гобсона, как мы видим, верен. Однако анализ генезиса империализма, анализ его движущих сил — у Гобсона чрезвычайно поверхностен.

Причину избытка капиталов — Гобсон видит в «ложной экономике» распределения. «Борьба за рынки, в которой страстное рвение производителя продать преобладает над желанием потребителя купить — самое веское доказательство ложной экономики распределения. Империализм есть плод этой ложной экономики...» (стр. 85).

Нужно реформировать «ложную экономику» распределения, и тогда не будет империализма, этого «искажения» истинного пути исторического процесса к интернационализму, «искажения», «при котором народы, нарушая границы естественной ассимиляции, превращают здоровое соревнование различных национальных типов в разбойную борьбу соперничающих между собой империй» (стр. 24). Если Гобсон правильно подмечает некоторые исторические особенности империализма, то «экономически основное» (Ленин) — монополия — в этой стадии капитализма ему неясно. По Гобсону — империализм не есть результат исторической эволюции «нормального» капитализма, смены свободной конкуренции монополией, — а «искажение» пути мирного «врастания» в интернационализм; Гобсону ясно, что монополия противоречит принципу свободной торговли (стр. 70), но он не понимает, что свободная конкуренция на известной ступени своего развития неизбежно превращается в свою противоположность, в монополию, а следовательно, что империализм — монополистический капитализм — не есть «игра» истории, а историческая необходимость. По Гобсону империализм — плод «ложной экономики» распределения. Основная ошибка Гобсона — в непонимании, что «отношения и способы распределения являются... лишь оборотной стороной агентов производства» (Маркс). Неправильный диагноз — нерациональное лечение. Как панацею от всех зол империализма Гобсон выдвигает социальные реформы, ибо «всякая социальная реформа является нападением на священный капитал, а последний может лучше всего защитить себя, когда общественное мнение целиком занято действенным империализмом» (стр. 122). «Здоровая система обложения прямо подсекла бы самый корень недуга» (стр. 92), ибо для того, чтобы уничтожить корни империализма, нужно отнять излишки доходов классов, заинтересованных в империализме (стр. 89), «единственное спасение народов — в отнятии у имущих классов излишков их нетрудового дохода»... (стр. 86). Носители же социальных реформ — либерализм и тред-юнионизм. Гобсон мечтает также о международной власти (Лиги наций?), которая уничтожением и восстановлением свободной торговли откроет новую эру истории, когда—«народы, перестав соперничать пушками и тарифами, будут соперничать своими чувствами и идеями» (стр. 154). Если же не наступит «отрезвление», то, подобно империализму древнего Рима, современный империализм должен погибнуть, ибо «природу не обманешь, законы ее действуют повсюду, они обрекают паразита на атрофию, на вымирание

и полнейшее исчезновение, — этих законов не избежать ни народам, ни отдельным организмам» (стр. 286). Итак, либо социальные реформы, либо «истинная» демократия, и все это при сохранении «священного» института частной собственности. Пролетариат же, как могильщик буржуазии, для реформиста Гобсона не существует. Блестящие страницы, насыщенные богатым фактическим материалом, посвящает Гобсон характеристике истинных отношений «белых» к «низшим расам». Гобсон отвергает теорию «мандата на цивилизацию», он считает лживыми уверения, что иностранная политика «христианского мира» вдохновляется желанием исполнить цивилизаторскую миссию. Гобсон считает только тогда законным «мандат на цивилизацию», когда «контроль» над «низшими расами» осуществляется международной организацией в интересах этих «низших рас» — и все это, конечно, при незыблемости капитализма. С большим интересом читаются страницы, посвященные идеологическим силам империализма. Народное образование, печать, наука и т. п. — все на службе «всесильного финансового дельца». Здесь он говорит языком марксиста, хотя считает исторический материализм «слишком узким путем» (стр. 66). В указанной работе проскальзывает целый ряд «высказываний» Гобсона о проблемах политической экономии: кризисы — феномен распределения (стр. 84), он сторонник «закона убывающего плодородия» (стр. 147) и др.

В лице Гобсона мы имеем трагедию социал-реформатора, который, при правильном учете существенных особенностей империализма, не может указать истинных путей его преодоления.

Werner List. Das Kapital bei Marx. Münster 1922 (диссертация), p. 88.

В. Лист. Капитал у Маркса.

Настоящая диссертация представляет собой работу одного из учеников профессора Пленге, автора нескольких книг о Марксе и проблемах марксизма («Marx und Hegel», 1911; «Die Revolutionierung der Revolutionäre», 1918). Пленге распределил между своими учениками ряд работ, освещающих отдельные стороны экономической теории Маркса. Некоторые из этих диссертаций учеников Пленге вышли в печатном виде: 1) Lukas, Spekulation und Wirklichkeit im oekonomichen Marxismus; 2) Odenbreit, Die vergleichende Wirtschaftstheorie bei Marx; 3) Eberstein, Die Organisation bei Marx. Другие же остались напечатанными на пишущей машине в небольшом количестве экземпляров. К числу их относится, на-ряду с диссертацией Emminghaus'a, Die Technik bei Marx, также разбираемая нами диссертация Листа.

Если некоторые из перечисленных диссертаций (напр. Лукаса) отличаются известной самостоятельностью мысли, а другие (напр. Оденбрейта) систематическим подбором цитат из Маркса по определенным вопросам могут оказаться полезными для лиц, изучающих Маркса, то этого нельзя сказать о работе Листа, отличающейся ученическим характером. Автор слепо и некритически повторяет положения Пленге, высказанные им по поводу марксовой теории капитала. Пленге утверждает, что Маркс дал только «негативную теорию капитала», игнорирующую его положительные достижения и в частности организационные успехи новейшего капитализма, устраняющие анархию производства. Лист не идет дальше повторения этих положений Пленге, отказываясь от какой бы то ни было попытки дать их самостоятельное обоснование или привести в подтверждение их какие-нибудь факты.

Диссертация Листа разбита на 11 частей, из которых каждая в свою очередь состоит из нескольких параграфов. Каждый параграф занимает в лучшем случае пару страниц, иногда 1 или ½ страницы. Лист включает в свою работу не только проблему капитала вообще, но трактует и о концентрации капитала, о торговом капитале, капитале, приносящем проценты, и т. п. По каждому пункту его изложение ограничивается сопоставлением нескольких цитат — чаще всего общеизвестных — из Маркса, без малейшей попытки их анализа и критического сравне-

ния. В наиболее важных пунктах вслед за рядом цитат из Маркса следует длинная цитата из сочинений Пленгс. Слепое повторение утверждений Пленге делает изложение автора совершенно голословным и у читателя, не знакомого с работами самого Пленге, может вызвать только недоумение.

На стр. 3 и 4 читатель найдет высокую оценку марксовой теории капитала, которая «значительно превосходит все то, что дала буржуазная политическая экономия». В дальнейшем Марксу ставится в заслугу, — и в данном пункте Лист лишь повторяет мнение Пленге, — что он рассматривал капитал как процесс движения стоимости, принимающей в своем кругообороте формы товара и денег (стр. 7—8). Маркс учил, что капитал может быть понят лишь как движение, а не как покоящаяся вещь (стр. 18). И после этого читатель, к удивлению своему, узнает (на стр. 8), что понимание капитала у Маркса носит «механистический» характер, что процесс самовозрастания стоимости (Д — Д) представлялся Марксу происходящим автоматически, без содействия людей и в частности, без «организаторской» деятельности капиталистов.

«Организаторская» деятельность капиталистов, по мнению Листа, уже сумела преодолеть и устранить отрицательные стороны капитализма, т. е. «детские болезни», которые Маркс ошибочно принял за постоянных спутников капиталистического хозяйства. Так, напр., Маркс считал характерною особенностью капитализма постоянную смену кон'юнктур, между тем как здесь имеется лишь «временное ускорение и замедление его роста» (стр. 87). Далее, Маркс ошибочно «конструировал необходимость для всех лиц, лишенных собственности (Besitzlosen), впасть в пауперизм» (?). Что же противопоставляет Лист этому мнимо-марксистскому учению о «пауперизации»? Он не находит ничего другого, кроме следующего детски беспомощного ответа: «Действительность повседневно доказывает, что каждый дельный (tüchtiger) человек имеет возможность выбиться в люди (voranzukommen)» (стр. 37).

В какой мере изложение Листа носит поверхностный характер, видно хотя бы из того, что вопросу о делении капитала на постоянный и переменный, играющему такую важную роль в теории Маркса, — Лист посвятил менее одной странички (стр. 23).

Schlesinger. Das Verhältnis von Produktion und Distribution bei Marx und Engels. Frankf. a. M. 1923.

Шлезингер. Отношение между производством и распределением у Маркса и Энгельса.

Автор настоящей диссертации, ученик и последователь Франца Оппенгеймера, исходит в своей критике взглядов Маркса из установленного Оппенгеймером различия между «чистой» и «политической» экономией. Оппенгеймер резко противопоставляет действие «экономических» или «производственных» факторов действию «политических» или «распределительных» факторов. Маркс, по его мнению, переоценил действие первых и недооценил действие последних.

Исходя из этого общего положения, установленного Оппенгеймером, Шлезингер подвергает критике учение Маркса о примате производства над распределением. Шлезингер признает большую заслугу Маркса, вскрывшего функциональную зависимость между производством и распределением, в то время как буржуазные экономисты рассматривали их как причины, не связанные друг с другом и изолированные категории (pp. 6—7, 9a). Но Маркс ошибочно рассматривал производство как «данную независимую переменную, как ту величину, на которой каузальное исследование обрывается или искусственно ограничивается» (p. 10). Такое признание односторонней зависимости распределения от производства может быть оправдано, поскольку речь идет только о «чистой» экономии; но в сфере «политической» экономии мы должны признать обратную причинную зависимость производства от распределения (p. 11), в особенности от распределения средств производства (которое Шлезингер, по примеру Маркса, отличает

от распределения продуктов). Мы должны сделать исходным пунктом нашего исследования не производство, а распределение, именно «die durch das politische Mittel geschaffene vorökonomische Urdistribution der Produktionsagenten» (p. 13). Напр., для понимания возникновения капиталистического производства мы должны, — как то вынужден делать и сам Маркс в главе о первоначальном накоплении капиталов, — прежде всего изучить ту «vorökonomische Urdistribution der Produktionsagenten», которая на заре капитализма выразилась в насильственном обезземелении крестьян, захвате земли крупными землевладельцами, завоевании колоний и т. п.

Маркс уклоняется от вывода о решающем влиянии этой «vorökonomische Urdistribution» на процесс производства лишь благодаря тому, что он рассматривает последний «nicht in statu nascendi der politischen Oekonomie, sondern als fluktuirenden Prozess der reinen Oekonomie» (p. 17—18). «Sehen wir von historischen Prozessen in statu nascendi ab, so können wir seiner (Marxens) Ansicht beipflichten: Das bestimmte Verteilungsverhältnis ist nur Ausdruck des geschichtlich bestimmten Produktionsverhältnisses. Sobald wir aber die begriffliche Unbestimmtheit des fluktuierenden Prozesses verlassen und die historische Veränderungen der Produktions-und Distributionsweise, das Vergehen der alten und die Genesis der neuen Produktionsverfassungen ins Auge fassen, werden wir unweigerlich auf die Ursachenfrage hingedrängt» (p. 60.)

Как только мы от чисто логического анализа явлений перейдем к исследованию их причинной зависимости, мы убедимся в решающем влиянии распределения: «Weil die Distribution der neuen Produktion zeitlich, kausal (als Ursache) vorausgeht» (p. 16).

Маркс смешивал чисто-логические предпосылки с временно-историческими (pp. 17, 20). Но если производство является логическою предпосылкою распределения, то, с точки зрения каузально-исторического исследования, распределение обусловливает собою производство. К этому выводу необходимо приходил и Маркс, как только он становился на почву казуально-исторического исследования, напр., в главе о первоначальном накоплении. В III главе своей работы Шлезингер приводит длинный ряд цитат из Маркса, доказывающих, что Маркс признавал огромное влияние «политических» или «распределительных» факторов (напр., захвата земли, завоеваний, рабства, крепостного права и т. п.).

Главная ошибка Шлезингера заключается в том, что он в своей критике марксовой теории исходит из методологической точки зрения, совершенно чуждой Марксу, а именно из резкого противопоставления «чистой» экономии и «политической» экономии. Исходя из этого противопоставления, Шлезингер приходит к дуалистическому решению вопроса о соотношении между производством и распределением: он признает примат производства в «чистой» экономии и примат распределения в «политической» экономии. Такого рода дуализм в корне противоречит концепции Маркса, который за исходный пункт об'яснения общественного развития принимает процесс производства, и в первую очередь развитие производительных сил. Конечно, не следует, по примеру Шлезингера, думать, что Маркс рассматривает производство как «ту величину, на которой каузальное исследование обрывается или искусственно ограничивается (p. 10). Еще более несправедлив аналогичный упрек Шлезингера, по мнению которого Маркс будто бы уклоняется от изучения исторического генезиса данного процесса производства, — генезиса, для об'яснения которого необходимо прибегнуть к «vorökonomische Urdistribution»». Упрек этот тем более несправедлив, что именно Маркс первый поставил во всем об'еме вопрос о генезисе капиталистического производства и показал нам этот генезис в главе о первоначальном накоплении капитала, — главе, усиленно расхваливаемой Оппенгеймером и Шлезингером. Но, в отличие от Оппенгеймера, Маркс отличает исследование исторических условий возникновения данной системы производства (напр., капиталистической) от теоретического исследования законов функционирования этой системы. В частности он отличает законы первоначального накопления капиталов от законов накопления капитала

в развитом капиталистическом хозяйстве, между тем как Оппенгеймер и его ученик Шлезингер склонны эти законы отождествлять.

Диссертация Шлезингера обнаруживает в ее авторе способность к самостоятельной постановке и критической разработке вопросов. Если прибавить к этому, что вопрос о соотношении между производством и распределением в теории Маркса представляет огромнейший интерес и и до сих пор почти не подвергался разработке в марксистской литературе, то мы можем сказать, что диссертация Шлезингера принесет свою пользу, несмотря на коренную ошибочность взглядов ее автора.

Karl Muhs. Anti-Marx. B. I. Iena 1927. Fischer.
Карл Мус. Анти-Маркс. Т. I.

Под горделивым и кричащим названием «Анти-Маркс» проф. Карл Мус, автор нескольких небольших работ (о психическом и материалистическом понимании хозяйства, о функции капитала и т. д.), выпустил недавно об'емистую книгу в 500 с лишним страниц, посвященную критике первого тома «Капитала» Маркса. Во втором томе своей работы Мус обещает дать критику следующих томов «Капитала». В первом томе работы Муса изложение расположено приблизительно параллельно изложению первого тома «Капитала» Маркса. Тут мы найдем главы, посвященные стоимости, деньгам, капиталу, абсолютной и относительной прибавочной стоимости, накоплению капитала. Мус, так сказать, преследует Маркса по пятам, не оставляя ни одного его положения без критического опровержения.

Мус понимает, что у более или менее догадливого читателя невольно явится вопрос: как об'ясиить тот странный факт, что в 1927 году понадобилось написать об'емистый «Анти-Маркс» и выступить крестовым походом против марксовой теории, которая давно уже об'явлена окончательно опровергнутою? Чтобы ответить на этот вопрос, Мус считает нужным подчеркнуть своеобразие своего критического похода: он заявляет, что намерен дать, в отличие от прежних критиков Маркса, чисто «имманентную» критику экономической теории Маркса, т. е. вскрыть ее внутренние противоречия и бить Маркса Марксом же. Мус, действительно, старается выполнить эту начертанную им программу и на протяжении сотен страниц неутомимо выискивает и с торжеством преподносит читателю многочисленные противоречия, якобы имеющиеся у Маркса. Если верить Мусу, то у Маркса не найдется, пожалуй, ни одной страницы, конец которой не находился бы в вопиющем противоречии с ее началом. Однако в своем критическом усердии Мус заходит слишком далеко. Обилие противоречий у Маркса начинает смущать читателя, у которого не может не появиться вопроса: почему, например, такой жестокий критик Маркса, как Бем-Баверк, утверждал, что из исходных посылок марксовой теории стоимости с необходимостью вытекают дальнейшие части марксова учения? По мнению Бем-Баверка, средние части марксовой системы, занимающие промежуточное место между исходными посылками его теории стоимости и учением о ценах производства, представляют собою образец логической последовательности и стройности. Мус же заявляет, что и в этих частях своего сочинения Маркс на каждом шагу противоречит себе.

Читателю, которому чрезмерное обилие противоречий у Маркса покажется подозрительным, не останется другого выхода, как подвергнуть критическому анализу самый метод работы Муса и на детальном разборе отдельных примеров исследовать, откуда Мус на самом деле черпает те противоречащие друг другу положения, которые, по его словам, найдены им будто бы у самого Маркса. Читатель, если он займется этой неблагодарной, но необходимой работой, легко вскроет всю нехитрую механику антиномий Муса, приписываемых им Марксу. Чаще всего читатель найдет, что мнимые противоречия построены Мусом при помощи одного из следующих двух нехитрых приемов.

Первый прием заключается в том, что Марксу приписывается положение, которое либо вовсе отсутствует у него, либо имеет у него совершенно другой смысл, чем приписываемый ему Мусом. Сопоставляя это выдуманное положение

с другими положениями, действительно высказанными Марксом, Мус легко находит между ними «противоречие».

Покажем на примере, как Мус применяет описанный нами прием. Мус критикует понятие экономического закона у Маркса (стр. 22—24). Во-первых, Маркс, по мнению Муса, отожествляет целиком экономические законы с «законами природы», что доказывается его известною фразою об экономических законах, которые действуют наподобие закона природы, проявляющегося в падении на нашу голову обрушивающегося дома. Но законы природы, по мнению Муса, отличаются «абсолютным» характером: действие их не ограничено определенною историческою эпохою и не может быть парализовано действием противоположных сил. Маркс, однако, признает экономические законы действительными только для данной исторической эпохи и, кроме того, рассматривает их как «тенденции», действие которых проявляется лишь при отсутствии сил противоположного характера. Наконец, в других местах Маркс признает, что некоторые экономические законы, напр., закон трудовой стоимости в его чистом виде, не действуют в капиталистическом хозяйстве. Итак, под экономическим законом Маркс понимает: 1) то абсолютный закон природы, 2) то тенденцию, 3) то исторически-обусловленный закон, действующий только в капиталистическом хозяйстве, 4) то закон, не применимый к капиталистическому хозяйству.

Легко показать, что приведенные «антиномии» выдуманы самим Мусом. Никакого отожествления экономических законов с законами природы мы у Маркса, конечно, не найдем (упомянутая выше фраза Маркса о доме, обрушившемся над головою, имеет целью лишь подчеркнуть стихийный характер капиталистического хозяйства). Независимо от этого и законам природы нелепо приписывать «абсолютный» характер, якобы отличающий их от «тенденций». Далее Мус приписывает Марксу мысль, совершенно ему чуждую, а именно, что закон стоимости не действует в капиталистическом хозяйстве. Из того, что закон стоимости действует также в простом товарном хозяйстве, не следует, что он не действует в капиталистическом хозяйстве. Как видим, определения, указанные выше под №№ 1 и 4, придуманы самим Мусом и облыжно приписаны им Марксу. Остаются вполне правильные определения под №№ 2 и 3, друг другу не противоречащие.

Второй прием Муса заключается в следующем. Противоположные стороны явления, рассматриваемые Марксом в их диалектическом движении и единстве, превращаются Мусом в абстрактные противоположности, оторванные одна от другой. В теории стоимости Маркс рассматривает стоимость отдельно от потребительной стоимости, — заявляет Мус. Но в учении об обмене и в дальнейших частях своей теории Маркс принимает во внимание также и потребительную стоимость. Следовательно, Маркс противоречит самому себе, — с торжеством провозглашает Мус. Вместо того, чтобы исследовать, каково действительное соотношение в марксовой системе между стоимостью и потребительною стоимостью, Мус ограничивается легкою задачею констатирования мнимых противоречий Маркса, который, по его словам, то игнорирует потребительную стоимость, то признает ее предпосылкою или формою проявления стоимости.

Приведенные примеры показывают, что Мус скользит всюду по поверхности явлений, избегая их более глубокого анализа и ограничиваясь коллекционированием мнимых противоречий Маркса. Детальный анализ аргументации Муса, — который, надо надеяться, не заставит себя ждать в марксистской литературе, — обнаружит всю ее легковесность, скрываемую солидною внешностью книги и ее литературными достоинствами.

Franz Oppenheimer. Kritik des Marxismus. (Серия статей в газете «Neue Freie Presse», январь—апрель 1927 г.).

Ф. Оппенгеймер. Критика марксизма.

Венская газета «Neue Freie Presse» напечатала в январе—апреле 1927 г. серию статей известного экономиста Франца Оппенгеймера, под названием «Критика

марксизма». И редакция газеты, и сам автор придают этой серии статей в высшей степени важное значение. Редакция в специальном вводном слове отмечает их «важность»; Оппенгеймер претендует на роль социального реформатора, который «ищет выхода из убийственной сумятицы нашего тяжелого времени». Оппенгеймер упрекает марксистов в том, что они уклоняются от идейного сражения с ним, на которое он уже давно их вызывает. «При таких условиях, — пишет он, — я вынужден, несмотря на то, что я являюсь решительным социалистом, обратиться к буржуазной газете, чтобы еще раз сделать попытку серьезного спора с моими социалистическими противниками».

По мнению Оппенгеймера, Маркс, в своем стремлении превратить утопический социализм в научный, поставил себе целью решение следующих двух больших проблем: он должен был, во-первых, дать «анализ капитализма, как общественного строя, в котором господствует стремление к прибавочной стоимости», и, во-вторых, «доказать, что это общество в силу своих собственных имманентных тенденций развития с естественною необходимостью должно привести к коллективизму». Первую задачу Маркс пытался решить в своей теории стоимости и прибавочной стоимости, вторую задачу — в своей теории накопления капитала и концентрации производства. Против обеих этих частей марксовой системы Оппенгеймер и направляет свою критику.

По существу новые статьи Оппенгеймера дают мало нового по сравнению с его прежними работами. Уже в книгах: «Die soziale Frage und der Sozialismus» и «Wert und Kapitalprofit» Оппенгеймер пытался дать критику марксовой теории стоимости и прибавочной стоимости, а свою более раннюю работу «Das Grundgesetz der Marxschen Gesellschaftslehre» он посвятил критике учения Маркса о накоплении капитала. В своих новых статьях Оппенгеймер повторяет — в более закругленном и популярном изложении, рассчитанном на широкую публику — прежние доводы. Главный грех марксовой теории стоимости он усматривает в «неполной индукции». Маркс ошибочно ограничил свое исследование продуктами, производимыми в условиях неограниченной конкуренции. Он игнорировал монопольные продукты и в частности «услуги» (труд рабочего), покупаемые капиталистом у рабочего по монопольной цене, которая ниже «стоимости труда» рабочего. Утверждая, что цена «труда» рабочего должна рассматриваться нами как «монопольная», а не «конкурентная цена», Оппенгеймер даже не пытается выяснить глубокое различие между процессом образования стоимости рабочей силы и процессом регулирования цен на действительно монопольные продукты (напр., изготовляемые трестами и т. п.). Прибавочную стоимость, извлекаемую классом капиталистов, Оппенгеймер смешивает с монопольными прибылями, характеризующими процесс перераспределения совокупной прибавочной стоимости между капиталистами монополистами и капиталистами, не обладающими монополией.

Любопытно отметить некоторые различия в прежней и новой аргументации: Оппенгеймеру нужно опровергнуть учение Маркса о том, что рабочий продает капиталисту свою «рабочую силу», а не свой «труд». Раньше, в своей книге «Wert und Kapitalprofit» (1922, p. 182), Оппенгеймер выставил против Маркса следующее возражение: если бы рабочий продавал капиталисту всю свою рабочую силу, его трудоспособность после процесса труда «была бы исчерпана до крайних пределов, так что у него не оставалось бы ни малейшей силы для каких-либо собственных целей». Но на деле это не так: рабочий находит в себе силы вечером покопаться в своем огороде или даже взять сверхурочную работу. Следовательно, он продал капиталисту не всю свою рабочую силу. Такова аргументация, которую развивал Оппенгеймер в своих прежних работах. В новых же статьях, в которых Оппенгеймер обращается к широким кругам читателей и претендует на звание «решительного и надежного социалиста», он счел нужным, на-ряду с изложенным аргументом, привести также другой, прямо противоположного характера. Оказывается, что капиталисты, не ограничиваясь нормальным ис-

пользованием рабочей силы рабочего, хищнически подрывают последнюю; доказательством этого служит факт меньшей средней продолжительности жизни рабочих по сравнению с продолжительностью жизни членов других классов общества. И этот аргумент также служит к вящшему посрамлению Маркса, который учил, что капиталист покупает у рабочего его рабочую силу!

Для опровержения второй части марксовой теории, его учения о накоплении капитала и концентрации производства, Оппенгеймер прибегает к обычным указаниям на отсутствие концентрации производства в сельском хозяйстве и т. п. По мнению Оппенгеймера, учение Маркса о необходимом превращении капиталистического хозяйства в социалистическое могло бы быть доказано лишь при наличии факта абсолютного обнищания рабочих. «Маркс должен доказать, что фонд заработной платы должен уменьшаться не только по отношению к совокупному капиталу, но и по отношению к числу рабочих». Приведенная цитата ярко характеризует научный уровень статей Оппенгеймера. Оппенгеймер, претендующий на роль истинного ученика Маркса, исправляющего его ошибки и развивающего дальше его учение, в важнейших пунктах так же извращает мысль Маркса, как это делали его злейшие критики.

V. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ.

Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). **Сборник документов и материалов. Перевод Н. П. Ф р е й б е р г под редакцией Н. М. Л у к и н а** Рекомендовано **научно-политической секцией ГУС. Изд. Коммунистической академии. М.** 1927 **г.,** стр. 719.

Сборник предназначается в качестве учебного пособия для семинарских занятий в вузах, однако непомерно высокая цена (6 р.) делает его совершенно недоступным учащимся и тем самым умаляет его значение как учебного пособия.

Задуман сборник весьма широко; по идее, он должен был бы охватить период от революции 10 августа 1792 г. до 9 термидора II года, т. е. охватить почти всю историю Конвента. Такая широта задачи и обилие относящегося сюда материала не могли, конечно, не перегрузить книгу и не сделать ее малодоступной для широкого читателя. Нам кажется, что именно в педагогических интересах необходимо было ограничить задачу сборника и тем самым приблизить его к учащемуся.

Это можно было бы сделать, ограничив подбор материала рамками эпохи собственно «революционного правительства», т. е. эпохой, примерно, с сентября 1793 года по 9 термидора, но в то же время несколько пополнив материалы, характеризующие этот период, особенно эпоху робеспьеристской диктатуры; из материалов, относящихся к предшествующему периоду (особенно, с марта 1793 года), следовало бы оставить лишь немногое, самое необходимое. От этого сборник, несомненно, только выиграл бы и в своем единстве, и в полноте.

Сборник представляется нам не выдержанным по единому плану: первые его отделы составлены по предметно-систематическому принципу, тогда как материалы шестого, самого обширного, отдела подобраны в порядке хронологическом. Систематический принцип размещения материала вообще представляется менее удобным: отдельные факты при этом вырываются из своей конкретной исторической обстановки, утрачивают свой специфический характер; содержание различных отделов неизбежно перекрещивается. Если читатель захочет, например, ознакомиться по настоящему сборнику с эпохой робеспьеристской диктатуры (апрель-июль 1794 года), ему придется не мало потратить труда и времени для того, чтобы составить себе предварительно необходимый для этого перечень соответствующих материалов, разбросанных по различным отделам сборника. Точно так же, пользуясь сборником, читатель не сможет непосредственно установить,

например, особенности государственного революционного строительства осени 1793 года или весны и лета 1794 года, так как соответствующие декреты вырваны из соответствующей конкретной исторической обстановки. Исторический (хронологический) принцип размещения материала¹) кажется нам поэтому более удобным, конечно с необходимым дополнением в виде предметно-систематического и именного указателей, а также хронологической таблицы; отсутствие в сборнике именного указателя (с краткими характеристиками каждого лица) и хронологической таблицы значительно затруднит учащемуся пользование книгой.

Отметим также, что имеющиеся немногие примечания к документам носят несколько случайный, отрывочный характер. Хотелось бы иметь более разработанные примечания, необходимые для понимания учащимся отдельного документа.

Несмотря на указанные недостатки, сборник и в настоящем своем виде является ценным приобретением для семинарских занятий по истории Великой французской революции в наших вузах. Его значение, конечно, шире этих рамок: это вообще весьма полезное пособие для каждого, изучающего историю Великой революции и нуждающегося в собрании основных документов и материалов. Последние подобраны весьма тщательно и с большим знанием дела.

П. П. Щеголев. Заговор Бабефа. Изд. «Прибой», стр. 209.

Центр тяжести рецензируемой книги не столько в описании самого заговора Бабефа (несмотря на ее заглавие), сколько в раскрытии мировоззрения Бабефа, социально-экономических и идеологических источников этого мировоззрения и существа наследия, оставленного нам «заговором равных». Для разрешения поставленных задач автор привлек ряд материалов, имевшихся в распоряжении Ленинградской публичной библиотеке: «обе газеты Бабефа, «Journal de la liberté de la presse» и «Tribun du Peuple» («Tribun» оказался неполным, последнего, 43-го номера не было в комплекте и автор цитирует его со вторых рук), брошюры Бабефа, из которых одна, «Voyage de Jacobins dans les quatre parties du monde», исследователями не использована, известный сборник Олара «Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire», работы Адвиелля и Эспинаса и ряд других работ, касающихся эпохи термидоровской реакции. Автор, к сожалению, не имел в своем распоряжении ни 8 томов «Débats du procès», ни двух томов «Copies des pieces».

Первая глава работы «Исход Великой французской революции» является как бы вводной главой и составлена на основании важнейших работ: Тарле, Лучицкого, Ковалевского, Лукина, Жореса и др. Написанная вполне грамотно и по-марксистски, эта глава некоторыми поспешными формулировками вызывает, однако, ряд возражений. Так, автор ограничивается обычной трактовкой переворота 9 термидора, причиной которого явилось сужение социальной базы, на которой держалась диктатура робеспьеристов, только вскользь привлекая к об'яснению вопроса ряд соображений о противоречии между об'ективными задачами буржуазной революции и суб'ективной формой мелкобуржуазной диктатуры. «Бешеных» автор вначале почему-то считает вождями «парижского люмпен-пролетариата» (стр. 15), не приводя для своего определения никаких оснований, а несколькими страницами дальше (стр. 16), «бешеные об'являются «проповедниками своеобразного» уравнительного «коммунизма»; абсолютная монархия, по определению автора, является «орудием классового господства дворянства» (стр. 14), а диктатура якобинцев трактуется как «диктатура добродетельно-революционного мещанства». Эта, мы бы сказали, нечеткость определений, с которыми мы встречаемся в первой главе, совершенно, — вернее, почти совершенно, — пропадает в дальнейшем изложении автора, когда он переходит к собственно исследованию поставленных им проблем.

---

¹) По этому принципу подобран материал и в сборнике Mautouchet «Le gouvernement révolutionnaire» (Paris 1912), послужившем образцом для рецензируемого сборника.

Читатель знакомится с биографией Бабефа, эволюцией его идей, содержанием его важнейших работ, настроением рабочих масс в эпоху «заговора равных», подготовкой и крахом заговора. Идеологические корни бабувизма тщательно прослежены по источникам и даны в очень интересном толковании; Гельвеций, Райналь, Мабли, Морелли, Руссо знакомы автору по их подлинным произведениям, трактовка их идей вполне марксистская, критика совершенно обоснованная. Хороши также те места книги, в которых изображается настроение парижской бедноты в это время. Вся работа, вообще, производит впечатление серьезностью анализа и изложения, научно-литературной опрятностью, которой лишены некоторые, ранее вышедшие работы о Бабефе.

Однако не все рассуждения автора кажутся нам убедительными и вполне доказанными. Так, например, несколько неожиданно звучит заявление автора на стр. 28, что уже в 1787 году Бабеф был коммунистом и чуть ли не сложившимся революционером «с головы до ног», по выражению автора. Между тем, через страницу, т. Щеголев, характеризуя суждения Бабефа в этот же период, справедливо пишет, что «эти суждения очень характерны для молодого Бабефа, еще не успевшего окончательно закрепить и определить свои общественные воззрения» (стр. 29). В самом деле, все дальнейшее изложение показывает, что Бабеф пришел к коммунистическому мировоззрению мучительным и извилистым путем, что он не понял вначале смысла термидорианского переворота, что он расценивал Робеспьера, как более реакционного деятеля, чем термидорианцев, что лишь тогда, когда торжествующая реакция обрушилась на важнейшие завоевания революции, Бабеф понял, где революция и где контр-революция. Собственно только в 1795 году у Бабефа окончательно сложилось коммунистическое мировоззрение, до этого времени Бабеф был мелкобуржуазным демократом — это явствует из документов, приводимых т. Щеголевым. С большой убедительностью автор разбивает доводы некоторых исследователей, будто Бабеф был когда-либо на «левом фланге» якобинизма; особенно интересна брошюра «Voyage de Jacobins», которую автор цитирует: в ней Бабеф предстает перед нами как антиякобинец, как человек, враждебно настроенный по отношению к якобинскому мировоззрению. И все же это обстоятельство еще не означает, что Бабеф сразу сделался коммунистом: он являлся долгое время сторонником «аграрного закона». Между тем, т. Щеголев хочет во что бы то ни стало доказать, что коммунистом Бабеф был чуть ли не с первых дней своей общественно-литературной деятельности. Об'ясняя, почему Бабеф в 1792 году выдвигал идею «аграрного закона», автор заявляет, что «это первый практический лозунг по пути к осуществлению коммунизма», что это что-то вроде «программы-минимум», которую выдвигал Бабеф, что это выдающийся т а к т и ч е с к и й шаг нашего революционера: «надо было обладать большим политическим чутьем — пишет т. Щеголев, — чтобы предвидеть невозможность, преждевременность программы-максимум коммунистического переворота» (стр. 48). Между тем, нигде в дальнейшем, вплоть до конца 1795 г., нельзя найти никаких документальных доказательств коммунизма Бабефа. Только с 28 номера его «Tribun du peuple» можно проследить резкое изменение ориентации Бабефа на новую революцию и на рабочих как самую страдающую группу населения, на новую республику «бедных». Но даже это еще не означает коммунизма: сам т. Щеголев это признает: «во всем этом нет еще никакого коммунизма»—заявляет он (стр. 92). Только в Аррасской тюрьме Бабеф окончательно складывается в коммуниста, в автора «заговора равных». Но если это так, — а именно это и следует из всего контекста документов, приводимых автором,—зачем понадобилось т. Щеголеву об'являть Бабефа коммунистом еще в 1787 г., а затем говорить о «программе-минимум» в 1792 г.? Все это нам кажется очень неубедительным и представляется явным преувеличением, некоторым перенесением представлений сегодняшнего дня на конец XVIII века.

Гораздо более доказательным представляется нам то место в работе т. Щеголева, где он указывает на то, что бабувисты предусматривали планово

управляемое хозяйство и сосредоточение всей внешней торговли в руках революционной власти. Это, несомненно, представляет собой шаг вперед по сравнению с положениями Морелли. Думается, однако, что «Госплан», «внешторг» «торгпредство» не совсем сюда подходят: особые магазины, расположенные на границе бабефовской республики, ни в какой степени не напоминают наших торгпредств, а верховная администрация, стоящая во главе того или другого района, не есть еще «госплан». Применяя эти названия, т. Щеголев несколько преувеличивает верную в основе мысль о том новом, что Бабеф внес в положения своих предшественников: новое было внесено, но в такой еще неясной форме, что нужно эти зачатки отмечать с осторожностью.

Основная же, руководящая мысль автора о том, что заговор Бабефа ориентировался на рабочих в первую очередь (хотя ни Бабеф, ни его единомышленники не говорили о пролетариате только, а о «трудящихся», о «бедных») — нам кажется весьма убедительной: коммунизм Бабефа является первой неудачной попыткой совершить радикальный общественный переворот, попыткой, выросшей на базе французского «предпролетариата» 95 — 96 гг. Интересным является также и освещение взглядов Бабефа на «науки и искусства»; теперь ясно, что слова Маркса о «грубой уравнительности» бабувизма должны быть отнесены не столько к самому Бабефу, сколько к Сильвену Марешалю.

Впрочем, т. Щеголев на отношении Маркса к бабувизму не останавливается, хотя этот вопрос представляет несомненный интерес: элементы «грубой уравнительности» и «всеобщего аскетизма» были и у самого Бабефа, — в противоположность Морелли, например, Бабеф был сторонников «дезурбанизации, превращения городов в крупные, цветущие села». Это отмечает и т. Щеголев (стр. 193), но мимоходом, не придавая этому особого значения; между тем, научный социализм Маркса отвергает эту безусловно реакционную идею.

Резюмируем: книга т. Щеголева представляет, в общем, удачное исследование мировоззрения и деятельности Бабефа; некоторые преувеличения, допущенные автором, вполне исправимы; на основе тех материалов, которые имеются в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, книгу можно было превратить в настоящую, серьезную монографию. У автора есть для этого все данные.

И. М. Нусинов. Проблема исторического романа. В. Гюго и **А. Франс. Государственное издательство. 1927, стр. 315.**

И. М. Нусинов делит исторические художественные произведения на «суб'ективные, в которых автор сознательно игнорирует историческую правду и трактует историческое событие так, как это ему нужно для выявления своей идеи», (стр. 8), и «об'ективные, авторы которых верят, что их трактовка сюжета соответствует исторической действительности» (стр. 9), но приводит, как примеры произведений «суб'ективных», не исторические романы, а исторические драмы, произвольно расширяя при этом понятие «исторической правды» путем приравнивания к ней такой «трактовки» Прометея, Каина и т. п., которая «была традицией возведена как бы в степень исторической достоверности» (стр. 9).

Разрешение «проблемы исторического романа» сводится в книге И. М. Нусинова к констатированию «на примере двух великих французских художников, Виктора Гюго и Анатоля Франса, как один и тот же исторический процесс — Великая французская революция — по разному показан в романах «Девяносто третий год» и «Боги жаждут», и как это различное восприятие прошлого было предопределено временем и классом, к которому каждый из этих писателей принадлежит» (стр. 13).

Изучая метод В. Гюго, И. М. Нусинов делает ряд метких замечаний и дает в общем верную характеристику литературных приемов автора «93-го года». Исследуя генезис этих приемов, И. М. Нусинов доказывает, что «художественный метод романа «93-й год» был предопределен эпохой реставрации и июльской мо-

нархии, а не эпохой второй империи, приводя «отчаяние, как основной тон реакционных романтиков», в связь с положением французского дворянства, которому «как классу предстояло погибнуть», и «лишь неудовлетворенность демократических романтиков» — в связь с положением мелкой буржуазии, которой «предстояло приспособиться». Менее удачными приходится признать рассуждения И. М. Нусинова на конкретно-исторические темы, напр. утверждение, что «начиная со второй половины 1793 года Франция устала от конфликтов, противоречий и контрастов» (стр. 31): вряд ли можно говорить о Франции как об однородном целом.

По мнению И. М. Нусинова, «образ 93-го года, как его дал Гюго, был определен историческим и политическим опытом мелкой буржуазии за период второй республики и второй империи» (стр. 17), и «по существу разница между 1793 годом и его отображением у В. Гюго сводится к различию между положением и значением Горы 1793 года и Горы 1848 года» (стр. 78).

Во второй части своей книги И. М. Нусинов дает тонкий анализ романа «Боги жаждут», противопоставляя «исторические» 1793—1794 годы «их образу по А. Франсу». Очень содержательна глава «Философия французской революции и философия романа «Боги жаждут». Указав на существенные отступления точки зрения выводимого в этом романе «детерминиста и гедониста» Бротто от философии материалистов XVIII века, Ламеттри, Гельвеция, Дидро и Гольбаха, завсегдатаем которого Бротто был до революции, И. М. Нусинов выясняет, что «философия Бротто лишена всех тех свойств, которые составляют живую душу материализма XVIII века», и что это различие сказывается даже на самом стиле: у «оторвавшегося от класса интеллигента Бротто—спокойный афоризм, который всегда содержит статическое констатирование, а для мыслителей XVIII века характерен «призывной стиль», «вопросительная или повелительная форма трибуна, которая всегда несет в себе динамику разрушения и утверждения» (стр. 247). Но вряд ли можно признать правильным предложение И. М. Нусинова, что «доживи Гольбах до 1793 года, он был бы с жирондистами». Этому противоречит тот факт, что ближайшим аналогом Гольбаха в эпоху революции был не кто иной, как Анахарсис Клоотс.

И. М. Нусинов приходит к выводу, что «приемы, которыми создан роман «Боги жаждут», являются в такой же степени результатом социального бытия А. Франса, как и приемы «93-го года» В. Гюго были результатом социального бытия романтиков» (стр. 304).

Констатировав, что «едва ли может быть более чуждое для марксиста и революционера понимание Великой революции, чем то, которое мы находим у Гюго и Франса», И. М. Нусинов выражает убеждение, что «путь к совершенному торжеству об'ективной исторической науки и об'ективного исторического искусства лежит через философию пролетариата, через диалектический материализм», подчеркивая, что «дело, конечно, здесь не в механическом воссоздании истории по только что прочитанному учебнику по теории исторического материализма».

К. Маркс. Гражданская война во Франции 1871 г. (с приложением обоих воззваний Генерального совета Международного товарищества рабочих по поводу франко-прусской войны и писем и статей К. Маркса и Ф. Энгельса о Парижской коммуне). Редакция и примечания А. И. Молок. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1926, стр. 205

Настоящее издание «Гражданской войны» К. Маркса страдает слишком большой перегруженностью примечаниями. На 48 страниц самого текста Маркса 13 страниц обоих первых воззваний Генерального совета и 29 страниц прочих приложений приходится целых 100 страниц убористого петита примечаний А. И. Молок. Текст прямо пестрит ссылками на примечания (всего 355 примеча-

ний), что крайне затрудняет самое чтение. Притом весьма значительное число примечаний имеет лишь косвенное отношение к тексту, отвлекая внимание читателя на побочные обстоятельства и мешая ему сосредоточиться на самом произведении Маркса. Автор примечаний в своем желании возможно полнее изложить результаты своих работ в области вопросов, имеющих большее или меньшее отношение к Коммуне, явно преступил границы необходимого, говоря решительно de omnibus rebus et quibusdam aliis.

Возбуждает недоумение примечание 11-е (стр. 104): т. Молок называет здесь редактора газеты «Марсельеза», А. Рошфора, «автором убийственного памфлета «Фонарь». Неужели же автор не знает, что «Фонарь» был, подобно «Марсельезе», тоже периодическим органом Рошфора, выходившим еженедельно с 31 мая 1868 года по 20 ноября 1869 года (всего вышло 77 номеров) [1]) и смененным впоследствии «Марсельезой»?

Другую ошибку делает т. Молок в примечании 349-м (стр. 199), когда он изображает расслоение французских социалистических течений конца XIX и начала XX века (какое только имеет это отношение к Коммуне?); аллеманисты изображаются здесь составной частью марксистской «социалистической партии Франции» (во главе с Гэдом), тогда как в действительности аллеманисты входили в состав «французской социалистической партии», в которую входили также бруссисты и независимые социалисты.

Что касается отдела приложений, то нам кажется, что и печатание статьи Энгельса «Программа коммунаров-бланкистов» (приложение VII), написанной в 1874 году и характеризовавшей бланкистскую эмиграцию после поражения Коммуны, не вызывалось необходимостью; статья эта прямого отношения к характеристике Парижской коммуны не имеет.

Наш массовый читатель, которого, вероятно, и имеет в виду рабочее издательство «Прибой», нуждается в таких изданиях основных сочинений Маркса и Энгельса, которые, не будучи перегружены излишним научно-академическим балластом, давали бы этому читателю более легкие и доступные пути к пониманию классиков марксизма, чем разбираемое издание.

Все тексты взяты из других русских изданий и не всегда сверены с подлинниками, вследствие чего местами оставлены неточности прежних изданий.

Я. Л. Харапинский. Социально-философские воззрения Фурье. Изд. Вятского педагогического института им. Ленина. Вятка 1927 г.

Не вполне понятно, зачем понадобилось Вятскому педагогическому институту издавать эту книгу. На русском языке имеется уже не одно изложение системы Фурье. В этом смысле, — как изложение, — и старая работа Н. Водовозова, и новая книга Арк. А—на стоят значительно выше статьи Я. Харапинского. Что же касается собственных рассуждений автора и того толкования, которое он придает отдельным положениям великого утописта, то они в большинстве случаев неприемлемы, а иногда производят прямо комическое впечатление.

Для того, чтобы писать о Фурье, не мешает прежде всего быть знакомым с исторической обстановкой, в которой складывалось его учение. Исторические соображения автора свидетельствуют о чрезвычайной неотчетливости его представлений в этой области. Сбивчиво даже его изложение процесса промышленного переворота. Он явно не знает, что такое мануфактура, или употребляет этот термин совсем не в том смысле, в каком его применяли Маркс и большинство историков промышленной революции (стр. 4). Он почему-то думает, что во Франции «переход от феодального хозяйства к капиталистическому совершался более ускоренным темпом», чем в Англии, и что «промышленный капитал» еще до революции

---

[1]) Позднее, в 70-х годах, «Фонарь» был возобновлен Рошфором.

«вытеснял» (?) землевладельческую аристократию (стр. 5). Вообще историческое введение дано автором небрежно и упрощенно. Однако еще хуже обстоит дело с соображениями Я. Харапинского, относящимися к непосредственному предмету его изучения. Я. Харапинский на странице 13-ой своей книги делает изумительное открытие. Оказывается, что «попытка Фурье обосновать философски социальную теорию является методологически правильной». А между тем он же утверждает, что исходным пунктом учения Фурье является личность со свободной волей (стр. 10), что Фурье выводит законы общественного развития не из общественного бытия, а из своего суб'ективного сознания (стр. 33), что он отметал всякую закономерность в общественных явлениях (стр. 54). Все это далеко не точно. Но допустим, что автор прав. Как же в таком случае он, считающий себя марксистом, может говорить о «методологически правильном подходе» Фурье? Но еще занятней, что Я. Харапинскому этот «подход» Фурье напоминает одновременно и «подход» Маркса, и «подход некоторых крупных буржуазных философов, напр., Канта, Спенсера и др.». Подумать только, к каким выводам сможет прийти бесхитростный читатель, поверивший Я. Харапинскому!

На частных промахах Я. Харапинского не стоит, думаем, после сказанного останавливаться. Надлежит лишь отметить еще невероятно претенциозный и в то же время курьезно беспомощный стиль автора. В идеальном обществе Фурье «мир и наслаждение господствуют во-всю» (стр. 6); Фурье «обходит своим умственным взором капиталистический строй, как Тамерлан, уничтожая и губя все на своем пути (стр. 31). Настоящим шедевром является рассуждение автора о сходстве и различии между гением и сумасшедшим: «и тот, и другой сходят с обыкновенного ума», но гений, сойдя с ума, «становится на высоту, недосягаемую для ума обыкновенного», а сумасшедший «не становится ни на какую высоту». Просто и ясно!

Можно посоветовать Вятскому институту относиться строже к печатанию предлагаемых рукописей, а читателю, интересующемуся Фурье, — не читать книги Я. Харапинского.

«Биографии революционных деятелей» под ред. М. Равич-Черкасского. Изд. «Книгоспилка».

Б. Ийриш. Август Бебель. 1926, стр. 59.

К. М. Дешевов. Жюль Гед (на украинском языке). 1926, стр. 16.

К. Дешевов. П. Лафарг (на украинском языке). 1926, стр. 16.

Полезность такой серии, при условии добросовестного и научно-грамотного ее выполнения, вне всяких сомнений. К сожалению, ни один из рецензируемых нами выпусков не удовлетворяет требованиям, какие мы в праве пред'явить брошюрам, предназначенным для массового читателя. Наиболее пристального внимания заслуживает, не в силу своих достоинств (их нет у этой книжки), а в силу совершенно недопустимых приемов, какими пользуется автор, брошюра о Бебеле. Книга эта просто-напросто в основном списана у Германа Венделя [1]). Достаточно сравнить для этого страницу 5 рецензируемой книжки со стр. 5 Венделя, стр. 6 Ийриша с той же страницей Венделя, стр. 13 со стр. 11 и т. д. вплоть до стр. 52, крайне напоминающей стр. 82 и 83. Б. Ийриш делает даже вид, что цитирует самого Бебеля, — не верьте, читатель, цитата от начала до конца «позаимствована» у того же Венделя (стр. 7) в обеих книгах. Но даже списать автор как следует быть не смог, поэтому у него и получилось, что Готский об'единительный с'езд происходил в 1877 г. (это повторено трижды, — поэтому об опечатке не может быть и речи), рейхсканцлер Бюлов превратился в генерал-фельдмаршала, а Бебель уже в 1889 г.—в яростного сторонника «социал-патриотизма». Кстати, для характеристики позиции Бебеля в вопросе о войне, автор пытался использовать

[1]) См. Герман Вендель, Август Бебель. Перев. с 3-го нем. изд. В. Н. Розанова 1924 г.

широко известную книгу Г. Е. Зиновьева «Война и кризис социализма», но, увы, это удалось ему еще менее, чем «использование» Венделя.

Две следующих брошюрки выполнены безусловно более добросовестно, но за крайней незначительностью своего размера они не дают исчерпывающей характеристики места Геда и Лафарга в истории социализма. К сожалению, и в них имеются ошибки самого досадного свойства. На стр. 7 книжки о Лафарге мы с удивлением читаем, что господство Наполеона III продолжалось десять лет (!?!), а в книжке о Геде автор уверяет нас в том, что сектантская, «ультра-левая» позиция Геда в деле Дрейфуса является образцом революционной тактики пролетариата; очень нечетко также об'яснение, даваемое автором переходу Геда на сторону «социал-патриотизма». К числу достоинств последних двух брошюр следует отнести вполне популярное изложение.

Alice Kroner. Eduard Bernstein und der theoretische Sozialismus. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der staatswissenschaftlichen Doktorwürde, vorgelegt der Hohen Rechts-und Staatswissenschaftlichen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg in B. 1923, p. 141.

А. Кронер. Эдуард Бернштейн и теоретический социализм.

Автор начинает с определения, что такое социализм, марксизм и ревизионизм. Первая глава посвящена изложению марксо-энгельсовой теории и бернштейновской ее критики, вторая — влиянию Бернштейна на теорию и практику социалистического движения, третья и последняя — развитию Бернштейна и общим критическим замечаниям.

Работа производит впечатление обычного докторского «экстемпорале», написанного по всем правилам буржуазной полуучености, т. е. с обязательными 3-4 цитатами на каждой странице, с длинным списком использованной литературы в конце, с заглавным афоризмом из ницшевского Заратустры, с Дилем, Штаммлером, Зомбартом, как главными первоисточниками информации о социалистическом движении. И нужно очень и очень внимательно прочесть всю работу от начала до конца, чтобы за грудой всевозможных идей-цитат выловить, наконец, пару убогеньких выводов-мыслищек и самого автора диссертации. Если все же мы решаемся отнять у читателя некоторое время для ее разбора, то с единственной целью показать, как представляет себе средний немецкий буржуазный интеллигент современное бернштейнианство.

Раньше, до революции, докторский диплом в Германии легче всего было, как известно, заработать на «опровержении» марксизма. Теперь той же цели добиваются, расточая хвалы ревизионизму.

Марксизм, признает Кронер, претерпел в лице Бернштейна радикальное превращение в сторону буржуазной идеологии. Этот же бернштейновский «марксизм» завоевал современную немецкую социал-демократию. Ни социал-демократия, ни буржуазные партии не питают больше никаких иллюзий насчет своих добрососедских отношений, насчет отсутствия между ними каких-либо принципиальных перегородок. Факт бернштейнианского перерождения социал-демократии, т. е. ее превращения в одну из буржуазных партий, начинает получать общее признание. Кронер обосновывает его сличением Эрфуртской программы с Герлицкой. Если отвлечься от немаловажных уступок оппортунизму, которые уже Эрфуртская программа содержала (см. Fr. Engels «Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes.» — «N. Z.», XX, Bd. 1), то и это утверждение будет верно. Последняя Гейдельбергская (1925) программа германской социал-демократии вносит еще бо́льшую ясность в некоторые положения Герлица. В Герлице старая марксистская теория обнищания заменена была утверждением, что пролетариат и крестьянство «почти совершенно лишены выгод, связанных с ростом производительных сил капиталистического хозяйства». В Гейдельберге речь идет уже о том, что пролетариату и средним классам недоступно «полное участие в материальном и культурном прогрессе, которое делают возможным нарастающие

производительные силы» (Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll Verl. Dietz 1925, p. 5). Повидимому, путем к этому полному участию может быть для рабочего только систематическое повышение производительности труда. Заключающаяся здесь мысль: «понатужься и добьешься когда-нибудь участия в капиталистической прибыли», воспроизводит старые идеи Бернштейна на этот счет.

В Герлице отказ от теории кризисов и отрицание неизбежного при капитализме существования резервной армии сопровождался стыдливым, дипломатическим упоминанием о классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией. В Гейдельберге борьба происходит уже не между пролетариатом и буржуазией, а «между капиталистическими повелителями хозяйства и повелеваемыми» (там же, стр. 7). Причем под повелеваемыми, по смыслу текста, следует понимать не только низшие, но и значительную часть средних, а то и высших классов. Итак, борьбу классов Гейдельбергская программа подменяет борьбой внутри буржуазии. Само социалистическое преобразование, совершавшееся в двух предыдущих программах руками рабочего класса, теперь вручается в надежные руки всего «образованного общества».

Герлицкая программа, хотя и не говорила больше о гибели мелкого крестьянского хозяйства, но признавала факт его вытеснения крупным. В Гейдельберге ни о том, ни о другом больше не говорится.

Продолжая анализ, не трудно было бы показать и в остальных пунктах программы это срастание с.-д. идеологии с буржуазной. Правда, в Гейдельбергскую программу понатыкано несколько забытых было «абзацев» из Эрфуртской программы; таким образом, внешне может получиться впечатление большого радикализма. Но все это не больше как стилистические украшения, сделанные в угоду бывшим независимцам, об'единившимся после 1922 г. с правыми. Весь этот процесс теоретического, программного линяния можно формулировать в одной фразе: программа социал-демократии фактически сведена к тактике.

Все эти выводы выше, конечно, понимания кандидата на степень доктора буржуазного права и государствоведения. Будем же снисходительны и удовлетворимся тем, что он нам дает; а именно: констатирование факта сближения, сращения оппортунизма с буржуазной идеологией.

По Кронер, чем больше в программе осторожности и чем меньше предвидения, тем она «научнее».

Чем больше процесс перехода от капитализма к социализму делается сомнительным, суб'ективным, медленным, осторожным, неопределенным, чем больше смешиваются и спутываются понятия капитализма и социализма, тем больше, оказывается, мы приближаемся к научности. Критерий, поистине, достойный старых бернштейновских традиций.

Не менее характерно для современной мещанской трактовки Бернштейна замалчивание его взглядов на войну и колониальный вопрос. Кронер отделывается здесь вскользь брошенным замечанием, что это сейчас для Германии не актуально (стр. 119). А известно ли автору докторской диссертации о Бернштейне, что как раз статья его о «Теории переворота и колониальной политике», напечатанная в «N. Z.» в 1897 г., и послужила первым сигналом ко всей антибернштейновской кампании? Не приметил ли он также, что «Предпосылки социализма» поддержали колониальный грабеж Германии под предлогом «культурного» воздействия на отсталые народы? Не обратил ли он внимания на такое «случайное» стечение обстоятельств, как знаменитая статья Бернштейна («Soz. Monatsheft» 1900 г.) о колониальной политике, напечатанная как раз вскоре после принятия в рейхстаге новой грандиозной флотской программы? В ней Бернштейн приравнивает борьбу рабочих с империалистической политикой к борьбе их против машин в начале прошлого века и умиляется перед образцовым развитием английского империализма, который ставит в пример Германии.

Что ревизионизм был буржуазным течением внутри рабочего класса, порожденным эпохой империализма и проводившим империалистические лозунги под покровом лже-пацифистских и лже-демократических категорий, что его историческая задача состояла в подведении немецкого пролетариата под топор мировой войны и что, таким образом, поддержка завоевательной колониальной политики была и, пожалуй, снова начинает становиться существеннейшим моментом бернштейнианства — все это, понятно, нашему исследователю и не снилось.

А. Кронер не понимает, что такое бернштейнианство. Но, может быть, она нам сумеет об'яснить, как случилось, что не Бебель, не Каутский и не Роза Люксембург, а именно Бернштейн победил в германской с.-д.? Если абстрагироваться от вопроса о постепенном перерождении с.-д. центра и Каутского еще до войны, о чем автор тоже, повидимому, не имеет никакого представления, то победа Бернштейна Кронер представляется как победа времени, т. е. победа об'ективных условий над суб'ективными мечтами ортодоксальных литераторов и ораторов. «Der grosse Revisionist war... die Zeit, die allgemeine Entwicklung» — сказал Бернштейн на Кассельском партейтаге в 1920 г. Под этим положением Кронер подписывается полностью. Но оно столь же старо и распространенно, сколь и неверно. До войны немецкая с.-д. воспитывалась в духе постепенщины и веры в неуклонное приближение к победе. «История, время работают на нас» — говорили вожди. История, однако, несколько подвела: она работала не на социал-демократию, а на войну. Правда, не вся история. Лишь та, которая делалась руками империалистической буржуазии и помогающих ей бернштейнианцев. Но была и другая история, это—история все увеличивающегося еще до войны экономического и политического нажима на рабочий класс, история уничтожения лучших его сил в мировой войне, история послевоенных революционных потрясений, вооруженных восстаний, борьбы за пролетарскую диктатуру, глубочайшего национального унижения немецкой буржуазии, величайшего экономического и политического хаоса буржуазного государства. Где усмотрел здесь Бернштейн об'ективное подтверждение его эволюционистских и пацифистских идей, откуда взял он, что «время и развитие» союзничают с ним — никому не известно.

Последнее замечание. Кронер — большая почитательница Бернштейна, его талантов, его исторических заслуг, его великой роли в истории германской с.-д.

Мы, грешным делом, неизмеримо более скромно представляем себе место бернштейновского ревизионизма в истории социализма и в истории человеческой мысли. Вся бернштейновская «система», думаем мы, есть не что иное, как эклектический перепев старых идей катедер-социализма, дополненных неокантианцами-антимарксистами (Штаммлер, Риккерт, Барт и др.), сдобренных кой-какими наиболее реакционными из идей Луи Блана, Прудона и Лассаля и облитых соусом марксистской и социалистической терминологии.

Пауль Фрелих. К истории германской революции, т. I. Гиз, 1927 г.

Книга написана активным работником германского коммунистического движения и представляет собою первую попытку подхода с точки зрения революционного марксизма к истории германской революции. Тов. Фрелих пытался широко охватить основные проблемы германской революции, начиная с главных корней рабочего движения и кончая событиями 9 ноября. Книга написана живо, интересно, местами талантливо, в ней чувствуется живой пульс революционного движения Германии. Отдельные моменты из истории группы Спартака, «интернациональных социалистов» Германии и левых радикалов (к ним принадлежал и сам автор во время войны) впервые освещаются в этой книге, — при этом автор использует чрезвычайно интересный материал. С большой непосредственностью и силой изображены фигуры отмирающей Германии — Людендорф и Вильгельм. Все колебания и бесхарактерность, проявленные вождями социал-демократии в назревающем революционном кризисе, мастерски описаны. Не справился автор в достаточной степени с теоретической стороной дела: слишком широкий охват темы,

отсутствие других работ по данному вопросу, подчас слишком односторонний подход к тактическим проблемам помешали автору сохранить «пафос дистанции» и подняться над событиями на должную высоту.

Тов. Фрелих начинает характеристику немецкого рабочего движения с отсутствия революционной традиции в германском пролетариате; этот факт сыграл несомненно немаловажную роль в поражениях германской революции, но анализ, который т. Фрелих дал этому явлению, нельзя ни в коем случае признать достаточным. Книге должен был предшествовать хотя бы короткий очерк, характеризующий развитие хозяйственной жизни Германии, рост классовой борьбы и диференциацию в самом пролетариате; отдельные переломные моменты в развитии событий должны были быть более основательно проанализированы в связи с переломом в основных классах Германии — без этого отдельные тактические замечания остаются недостаточно обоснованными, а книга — боевой публицистикой без достаточной научной ценности. Эти недочеты особенно важны потому, что последующие фазы в развитии революции еще менее разработаны, а автора ждет еще больше соблазнов заменить научный анализ публицистикой. Встречаются, к сожалению, в книге и некоторые ляпсусы (о расколе русской партии после брестского мира и т. п.).

Что бы из себя ни представляла дальнейшая работа т. Фрелиха, судя по началу, она явится, несмотря на все ее недостатки, очень ценным вкладом в марксистскую литературу о германской революции.

Книга хорошо издана. Перевод вполне удовлетворительный.

Социал - демократические партии. Составил Е. Варга. **Изд. «Московский рабочий», стр. 255.**

Книга представляет собой собрание статей и очерков, написанных группой товарищей под общей редакцией и обработкой Е. Варга. Тема охватывает политику II Интернационала, историю всех сколько-нибудь значительных социалистических партий, их политику и структуру. Книга ставит себе целью дать не только характер кризиса II Интернационала, как он отразился в работах Ленина, Зиновьева, Троцкого и Бухарина, и не только анализ общего развития социал-демократии, но и характеристику особых свойств каждой отдельной социал-демократической партии в настоящий период. Совершенно очевидно, что такая работа или, правильнее, ряд таких работ являются в настоящее время насущной необходимостью.

К сожалению, первый опыт нельзя признать вполне удовлетворительным. Очерки носят слишком общий и схематический характер. Составитель сам в предисловии признает, что это «лишь первый опыт, произведенный недостаточными средствами и не вполне успешно. Так как книга эта неизбежно получит широкое распространение ввиду отсутствия каких бы то ни было аналогичных работ, некоторые дефекты должны обязательно быть исправлены.

В общем анализе политики II Интернационала нет характеристики ревизии основных философских, социологических и экономических взглядов Маркса и Энгельса, как она отразилась в работах Кунова, Реннера, Гильфердинга и Каутского; только на этом фоне «демократическая теория государства», теория «коалиции классов» и сверх'империализм станут более ясными читателю. Не меньшим недостатком является отсутствие очерка о развитии II Интернационала; из книги не совсем ясно, как произошло перерождение социал-демократии в буржуазную рабочую партию, какие фазы перерождения прошла социал-демократия от 90-х годов прошлого столетия по настоящее время. Это—вопрос настолько важный, что нельзя ограничиться по этому поводу отдельными замечаниями в статье о германской социал-демократии. Отдельные очерки различны по охвату, материалу и основательности, но общий недостаток всех очерков — слишком организационный подход к внутренней жизни социал-демократических партий. Нельзя дать характеристики германской социал-демократии, не коснувшись ее поведения и тактики

в революционных кризисах 1919, 1920, 1921 и 1923 гг. Поэтому очерки о партиях дают подчас не плохой справочный материал, но нет настоящей живой жизни партий.

Дать «характеристику особых свойств каждой отдельной социал-демократической партии в настоящий период» авторам не удалось. Такую задачу можно было бы только выполнить в работе, охватывающей все партии каждой страны, только на конкретной почве взаимоотношения ее с другими партиями. Будем надеяться, что во втором издании эти основные дефекты будут исправлены.

VII. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Леонид Райский. Социальные воззрения петрашевцев. **Очерк из истории утопического социализма в России. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1927, стр. 150.**

В этом очерке, являющемся разработкой доклада, читанного в Институте красной профессуры, в семинарии М. Н. Покровского, Л. Райский «стремится по возможности исчерпать» недостаточно использованный прежними исследователями богатый фактический материал («Словарь» петрашевцев, их записки и воспоминания, хранящийся в Коммунистической академии архив В. И. Семевского, содержащий судебное дело петрашевцев, показания подсудимых и правительственных агентов-провокаторов, материалы, захваченные при обысках и пр.), «осветив его с точки зрения диалектического материализма».

В отличие от исследователей, реконструирующих мировоззрение петрашевцев на основании взглядов не характерных для них авторов, бравших в учении Фурье как раз то, что отвергало большинство петрашевцев, Л. Райский подчеркивает, что «не все русские ученики Фурье усматривали в доктрине своего учителя одно и то же действительное содержание».

Переходя к изданному в 1845 г. Н. Кирилловым «Словарю иностранных слов», являющемуся ценным источником для реконструкции взглядов петрашевцев и самого М. В. Буташевича-Петрашевского, Л. Райский правильно отмечает, что исследователи чаще всего совершенно некритически пользовались обоими выпусками «Словаря», хотя их тенденции далеко не совпадают, так как редакция и главные статьи первого выпуска принадлежат В. Майкову, а второго выпуска — М. В. Петрашевскому. Выяснив мелкобуржуазность идеологии Майкова, находившегося под влиянием Сисмонди, Л. Райский считает его «ранним и притом своеобразным представителем русского народничества», выразителем «мелкобуржуазной реакции против буржуазно-капиталистического развития России, успевшего ущемить интересы мелкой буржуазии», в отличие от концепции Петрашевского, которому часто «навязывались взгляды Майкова» (стр. 10).

Указав в главе I (Экономический и социально-политический строй России на рубеже второй половины XIX столетия) на отношение различных дворянских слоев к крепостничеству и на условия развития промышленности и приведя мнения «обуржуазившихся помещиков» и политический символ веры и «верноподданнический восторг начальника III отделения», Л. Райский переходит во II главе к изложению «особого мнения» петрашевцев, подготовлявших «атаку феодально-абсолютистского строя, подобно французским просветителям, философским его обстрелом» (стр. 191). Л. Райский подчеркивает, что Петрашевский и петрашевцы не признавали космологии Фурье и «решительно отрицали идею бога, хотя бы и бутафорского», усматривая в борьбе против религиозных предрассудков одну из своих основных задач и разрешая проблему религии в духе материализма Фейербаха.

«Социализм петрашевцев» (глава III) Л. Райский усматривает в их критике современного общества, носящей «неопределенно этический характер» у Ахшару-

мова (стр. 26—28), но более конкретной у других петрашевцев, особенно у самого Петрашевского, написавшего по предложению следственной комиссии «Что такое социализм» и «Краткий очерк основных начал системы Фурье». В пропагандистских письмах Беклемишева, одно из которых «и сейчас могло бы служить недурным агитационным произведением в пользу всяких видов кооперации», в речи Ханыкова на юбилейном обеде в память Фурье 7 апреля 1849 г., из которого, по мнению Л. Райского, можно «извлечь зерно научного диалектического понимания, если не внутреннего механизма общества, то, во всяком случае, исторических судеб человечества» (стр. 33). Интересно выяснение отношения петрашевцев к коммунизму (стр. 40—45 и 52—54).

Отметив характерное для Петрашевского и петрашевцев сочетание социального утопизма с практичностью, их стремление к «медленному продвижению вперед путем вдумчивого и терпеливого труда, пока еще нет предпосылок для практического осуществления фурьеризма в России», Л. Райский подчеркивает, что они не только считали не нужным бороться против капитализма, но и, наоборот, желали «всемерно содействовать процветанию и развитию современного капитализма» (стр. 56).

Затем Л. Райский выясняет (гл. IV), что практическая социально-экономическая программа петрашевцев «не выходила из рамок капиталистического общества» (стр. 58), что петрашевцы выступали против мелкого производства, как непроизводительного и задерживающего прогресс (стр. 68) и что в конце концов они становятся именно на чисто-капиталистический путь.

Выясняя (глава V) отношение Петрашевского и большинства петрашевцев к политическим проблемам, Л. Райский доказывает, что они не только не были заражены политическим индиферентизмом, но «первоочередной своей задачей считали разрешение именно политической проблемы», и что их следователи, утверждающие, что «фурьеризм аполитичен, стало быть и фурьеристы аполитичны», и подкрепляющие эти априорные соображения ссылками на некоторые статьи в «Словаре», глубоко заблуждаются (стр. 75—77).

В главе VII выясняется дальнейшая эволюция петрашевцев. В Приложениях напечатаны весьма характерные рассуждения самого Петрашевского (Краткий очерк основных начал системы Фурье) и Беклемишева («О выгодах сообщения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда» и «О страстях и о возможности сделать труд привлекательным»).

Главу VI (Социальные корни движения петрашевцев) и в частности «попытку материалистической расшифровки идеологических формул» приходится признать несколько схематичной; но в общем очерк Л. Райского, несомненно, является одной из наиболее добросовестных работ по истории русского утопического социализма.

Историко-революционный сборник. Под редакцией В. И. Невского. **Т. III, Гиз. 1926, стр. 312.**

Третий том выходящего под ред. В. И. Невского историко-революционного сборника представляет выдающийся интерес для всех, занимающихся историею революционного, в частности рабочего движения в России.

Рассматриваемая книга невольно наводит на мысль о том, как мало еще разработана история нашего революционного движения. Существует огромная литература, по преимуществу мемуарная, но источники не подвергались до сих пор исследованию и в большинстве случаев даже не опубликованы. Стоит взглянуть на первые три статьи последнего тома историко-революционного сборника, чтобы убедиться в этом.

Мы имеем в виду статьи В. Невского — «В. П. Обнорский», Э. Корольчук — «Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов» и А. Санина — «К ранней истории русского марксизма». Все они сообщают совершенно новые, иногда прямо неожиданные материалы и заставляют пересмотреть некоторые укоренившиеся взгляды на судьбы и характер движения 70-х годов.

Статья т. Невского не только дает первый эскиз биографии человека, сыгравшего такую крупную роль в деле создания первой рабочей организации Петербурга, но и вносит ряд существенных поправок в господствующие представления о возникновении «Северно-русского рабочего союза», сложившиеся на основании воспоминаний современников, главным образом Плеханова. Невский, сопоставив сообщение мемуаристов с фактами, почерпнутыми из дел, хранящихся в Историко-революционном архиве в Ленинграде, выдвигает ряд положений, достаточно солидно обоснованных. Он показывает, что, вопреки установившемуся мнению, решительную роль в создании первой рабочей организации сыграли не текстильщики, а металлисты. Далее он утверждает, что северный рабочий союз сложился гораздо раньше 1878 г., к которому обычно приурочивается его возникновение. Наконец, он приходит к тому выводу, что главную роль в возникновении этой организации сыграл именно Обнорский, а не Халтурин, как об этом говорит традиция.

Не менее интересна статья Э. Корольчук, впервые сообщающая материалы по делу той части общества «Земля и воля», которая, по соображениям правительства, не была предана суду, а подверглась расправе в административном порядке (из участников этого дела особенно известен широкой публике М. Натансон). Статья характеризует пропаганду, которую землевольцы вели среди рабочих, и приводит много неизвестных ранее фактов. Но центральный интерес ее заключается в анализе приложенной к ней рукописи «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.», т. е. демонстрации на Казанской площади. Автором ее был, повидимому, землеволец Н. Хазов, привлекавшийся по этому делу. Относится она к январю 1877 года и замечательна тем, что в ней высказывается новый взгляд на судьбы русского революционного движения, резко расходящийся с господствовавшим тогда народническим бунтарством. Перенесение центра тяжести революционной деятельности в деревню и приписывание крестьянству социалистических инстинктов автор рукописи считает ошибкой. Подчеркивая большую восприимчивость городских рабочих к революционной пропаганде, он полагает, что революционное движение пойдет и в России не по какому-то самобытному пути, а так, как оно идет на Западе, а именно «из города в деревню, а не наоборот». Эта рукопись показывает, что под влиянием уроков жизни некоторые народники начали становиться на марксистский путь (задолго до Плеханова).

Об одном таком предтече русского марксизма рассказывает статья А. Санина. Речь идет о безвременно погибшем Э. Лобойко, привлекавшемся в 1878—1879 г. к делу поручика Дубровина, оказавшего при аресте вооруженное сопротивление и впоследствии казненного. У некоей Веры Казас было захвачено при аресте письмо Лобойки от 8 декабря 1878 г., показывающее, что идеи марксизма уже начинали тогда пускать корни среди некоторых, правда немногочисленных, слоев русской интеллигенции. Письмо содержит резкую критику народнических упований на общину и артель, якобы предохраняющие страну от нарождения пролетариата, и выражение уверенности, что и России предстоит широкое развитие капитализма. Многие мысли, которые позже с таким блеском развивал Плеханов, содержатся в зародышевом виде в этом письме.

Из других статей сборника надлежит отметить большую работу Н. Сергиевского «Народничество 80-х годов», сообщающую много ценных материалов по этому совсем еще не обследованному вопросу, в частности «Программу народной партии»и несколько статей из народнического сборника, современному читателю совершенно неизвестного. Сборник содержит, кроме того, еще не мало материала по истории революционного движения и заслуживает внимания всех, интересующихся историей борьбы за политическое освобождение России и за победу социализма в нашей стране.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи!

В статье т. Николаевского, помещенной в вашем журнале, приведена и комментируется прокламация, обращенная к рабочим Семянниковского завода, причем он приходит к выводу, что прокламация эта написана в 1895 году кем-либо из группы «стариков».

Вывод этот совершенно правилен. С большим трудом и с крайним напряжением памяти я в конце концов отчетливо припомнил, как и при каких условиях писал я эту прокламацию, одобренную к «печати» нашими тогдашними подпольными способами — центром нашей группы, состоявшей из В. И. Ульянова, В. В. Старкова и меня.

С коммунистическим приветом: Г. Кржижановский.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

Заслушав доклад о деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Центральный исполнительный комитет Союза ССР поручает Президиуму ЦИК Союза ССР оказывать дальнейшее всемерное содействие развитию и углублению работы Института.

Одной из важнейших культурных задач, стоящих перед пролетариатом, является изучение своей собственной истории, исследование различных исторических ступеней, пройденных пролетариатом, в течение которых он из неопределенной массы трудящихся, через различные формы организации, превратился в особый класс и выработал свою особую классовую идеологию.

Современная буржуазная историческая наука — поскольку она еще старается держаться на уровне строго научных требований — главным образом ограничивается изучением истории господствующих классов, их политической и идеологической организации. Средства, предоставляемые соответствующими правительствами на нужды исторического изучения, идут исключительно на удовлетворение этой задачи.

Во всем мире нет ни одного научного учреждения, ни одного научного общества, которые посвятили бы свои силы изучению истории эксплоатируемых и угнетенных классов — в особенности в эпоху капитализма, — истории классовой организации пролетариата.

Только Союз ССР, в котором пролетариат завоевал политическую власть и установил свою диктатуру в целях осуществления коммунизма, может взять на себя инициативу в деле создания всех необходимых предпосылок для планомерного, всестороннего и детального изучения истории трудящихся классов.

В этих целях Центральный исполнительный комитет Союза ССР предлагает Президиуму ЦИК Союза ССР на Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, являющийся уже теперь богатейшим хранилищем материалов и источников по истории марксизма и международного рабочего движения, возложить:

1. Собирание и изучение материалов по истории пролетариата в различных странах, исследование процесса его выделения из классов мелких производителей, — крестьянства и ремесленников, — положения рабочего класса в различные эпохи капитализма, развития его классовой организации во всех ее формах, его борьбы против эксплоатирующих классов.

2. Издание международной серии «Памятники истории классовой борьбы пролетариата», чтобы сделать таким образом доступными научному исследованию материалы, хранящиеся в государственных архивах различных стран.

3. Создание международной научно-исследовательской организации, которая об'единила бы работу исследователей, посвятивших свои знания и силы изучению истории пролетариата и всех угнетенных классов.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР:

М. Калинин.

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР:

А. Енукидзе.

г. Ленинград
18 октября 1927 г.

(«Известия ЦИК СССР» № 242, 21/X 1927).

Из доклада Наркома по просвещению А. В. Луначарского о культурных достижениях Советской власти за 10 лет на юбилейной сессии ЦИК'а СССР 17 октября 1927 года об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.

Остановлюсь несколько на Институте К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК Союза ССР. Институт этот был создан в 1922 году Советской властью. И общую его характеристику можно дать в таких словах: он имеет лучшую в мире библиотеку по истории и теории марксизма, издает сочинения основоположников марксизма, классиков социализма, политической экономии и философии, исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы, популярную библиотеку марксиста и два журнала: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» и «Летописи марксизма».

Если вы будете в Москве и пойдете посмотреть этот Институт, то даже с внешней стороны он вас поразит: удалось выстроить заново громадное, приспособленное для этого Института здание, интересное и с архитектурной точки зрения. Здесь господствует полный порядок, чистота, необычайная точность, которая нужна для того, чтобы вместить со скрупулезным порядком громадные материалы и суметь их во всякое время сразу мобилизовать. Этот Институт представляет собою, в полном смысле слова, сокровищницу. Архивы Института для нас, марксистов, а стало быть и для всякого советского гражданина — вещь такая, к которой без биения сердца подходить невозможно. Во главе этого института стоит Д. Б. Рязанов. Он собрал материалы совершенно исключительные. Я вам только приведу маленький эскиз того, что там собрано. Институт обладает всеми, до сих пор известными рукописями Маркса и Энгельса в подлинниках или фотоснимках. Это образует 50 тысяч номеров рукописей Маркса и Энгельса. Это дает возможность в этом году уже приступить к сорокатомному классическому изданию сочинений Маркса и Энгельса для всего мира не только на нашем языке, но и на немецком. По истории I и II Интернационалов, по всем важнейшим странам наш Институт К. Маркса и Ф. Энгельса располагает ценнейшим материалом. Среди этого материала имеются протоколы Генерального совета I Интернационала, характеризующие всю работу Маркса в I Интернационале. Имеются рукописи Лассаля, Бауэра, обоих Либкнехтов и других вождей и деятелей марксизма. У нас имеются неизданные, никому до сих пор не известные рукописи Бабефа и письма Барбеса, Луи Блана, Кавеньяка, Маццини, всякие рукописи и переписка Гарибальди и пр., имеется затем огромный материал, к разработке которого мы только еще приступили, по Коммуне 1871 г. и т. д., и все это не лежит мертвым грузом, а непрерывно изучается. Вы будете иметь возможность послушать Давида Борисовича Рязанова, который выступает здесь перед вами со своим докладом, дополнительным к моему, об организации изучения истории рабочего движения. Этот родитель, этот организатор Института имеет перед нашей марксистской культурой исключительные заслуги, признанные всем миром.

Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса

Заседание четвертое.

Утреннее, 17 октября 1927 г.

Председательствует тов. Червяков, А.

Председатель. Четвертое заседание 2 сессии Центрального исполнительного комитета об'являю открытым. В порядке дня — прения по докладу тов. Луначарского.

Слово имеет тов. Рязанов. *(Аплодисменты.)*

Рязанов. Товарищи, иностранцам, которые посещают институт К. Маркса и Ф. Энгельса, которые посещали его почти со дня зарождения и имели возможность следить за работами этого Института, я всегда говорил и подчеркивал, что такой Институт можно было создать только в результате Октябрьской революции. *(Аплодисменты.)* Никакие способности, организаторские или другие, отдельного лица ничего в этом случае не могли бы сделать, если бы рабочий класс советской России в октябре 1927 года... *(Входит делегация иностранных рабочих, встречаемая овациями.)*

Делегация. Да здравствует рабоче-крестьянское правительство Советского союза!

Курц *(с места)*. Да здравствует революционный пролетариат Германии!

Делегация. Да здравствует великая Октябрьская революция!

Курц *(с места)*. Да здравствует пролетарская революция в Германии!

Делегация. Да здравствует героическая непобедимая Красная армия!

Рязанов *(говорит по-немецки)*. Вы прервали мой доклад. Я хотел бы вам об'яснить, в чем дело. Вчера у нас был доклад тов. Луначарского по поводу культурных достижений Советского союза после Октябрьской революции в течение десяти лет. Теперь я делаю маленькое сообщение по поводу необходимости, в соответствии с деятельностью мною руководимого Института К. Маркса и Ф. Энгельса, создания научной организации для изучения истории рабочего движения всех стран. *(Аплодисменты; продолжает по-русски.)* Товарищи, итак, только в результате Октябрьской революции Советская Россия могла создать все необходимые предварительные условия, все предпосылки для изучения марксизма. Нам это удалось сделать. Мы действительно создали учреждение, в котором дали возможность тем, кто интересуется марксизмом, изучать его при наиболее благоприятных условиях. Тов. Луначарский, может быть, обмолвился. Он сказал, что мы приготовили все материалы для издания огромного, монументального сорокатомного собрания сочинений Маркса и Энгельса на всех трех языках, на которых Маркс и Энгельс писали свои творения, главным образом, на немецком. Мы не только приготовили все материалы, но первый том этого монументального издания уже вышел как раз к 10-летию Октябрьской революции. *(Аплодисменты.)*

Товарищи, надо сказать, что теперь марксизм обретается не в особом авантаже, что нет, может быть, ничего удивительного в том, что только в Советской России можно было найти средства и людей, чтобы создать такое учреждение. Марксизм был уже на плохом счету и до империалистической войны. Во время империалистической войны он еще больше потерял свою старую репутацию даже среди старых социал-демократических партий. Но с тех пор, как Маркс и Энгельс породили Ленина и ленинградский пролетариат, с тех пор как дух Маркса и Энгельса, — как это писала покойная Роза Люксембург, — веял и веет над движением ленинградского пролетариата, с тех пор марксизм окончательно взят под подозрение и заменяется систематически, даже там, в Германии, где для него имеются наиболее благоприятные условия — то, что мы имеем в фотографиях, они имеют в оригиналах, — даже там он теперь заменяется фальсифицированными писаниями, на которых имеется только ярлык Маркса и Энгельса, скрывающий совершенно гнилое, протухшее содержание.

Когда мы приступили к этому огромному делу, мы вынуждены были обратиться к источникам. Я скажу вам, товарищи, что нельзя изучать марксизм, нельзя изучать учение Маркса, Энгельса и Ленина, не обращаясь все время к изучению двух основных источников этого учения. Первым источником является история революционного рабочего движения всех стран. Вторым источником является история научной мысли, история идеологии, которую Маркс и Энгельс усвоили себе, но не для того, чтобы ее хранить про себя. Они перерабатывали ее, чтобы выковать из нее оружие для борьбы пролетариата. По этим двум линиям мы ведем работу. И вот мы с каждым днем и на каждом шагу замечаем, что, когда нам нужно изучать историю пролетариата в Германии, в Англии, во Франции, во всех других европейских странах, когда нам нужно изучать историю движений всех угнетенных классов, крестьянских войн, крестьянских движений, мы наталкиваемся на одно и то же явление: если буржуазия еще интересуется историей своего государства, историей своих побед над феодализмом, над помещиками, если она еще интересуется этим, — а я скажу, что и это она не всегда делает, — то она абсолютно не интересуется всем тем, что относится к истории рабочего класса, к истории крестьянства.

Имеются различные учреждения, имеются различные ученые институты, изучающие историю, печатающие переписку всяких императоров, князей; имеются институты, изучающие историю политических учреждений в буржуазных государствах, но нет ни одного института в мире, который посвятил бы себя изучению истории пролетариата, изучению истории угнетенных классов. На это средств нет. Даже во Франции, — я беру пример Франции, одной из культурных стран, — даже во Франции потеряли вкус к изучению своей собственной революции. Неудобно будить революционные традиции. Чтобы приступить к настоящему изучению истории Великой французской революции, т. е. событий, которые имели место чуть ли не 125—130 лет тому назад, необходима была инициатива социалиста Жореса, который в первый раз сделал предложение собрать систематически все документы, рисующие экономическую историю Великой французской революции. Но и теперь, если вы хотите познакомиться с тем, какую роль играли рабочие во время Великой французской революции, вам приходится натыкаться только на очень скудные материалы. Характерно для французских историков, что только всего 10 лет, только в последние 10—15 лет удалось установить социальный состав Конвента и различных собраний, Законодательного и др. порядка, Великой французской революции. Только недавно удалось установить, что были среди депутатов рабочие и т. д. Все это — открытия, которые сделаны через 125—130 лет. Имеется группа, крайне влиятельная в истории французской революции, это так называемые бешеные, оголтелые, те, которые гнали революцию налево во имя интересов наиболее угнетенной части французского населения. До сих пор документы по этому движению не изданы. Нужна была работа социалиста Жореса и анархиста Кропоткина, чтобы бросить

некоторый свет на движение этих оголтелых, бешеных, тогдашних неистовых большевиков. У Маркса уже 80 лет тому назад имелись весьма любопытные замечания об истории Великой французской революции. Его интересовало происхождение коммунистической идеи, идеи диктатуры пролетариата. И он тогда, 80 лет тому назад, писал, что необходимо проследить эту коммунистическую идею, от социальных клубов, от социальных обществ, через движение этих бешеных, Бабефа и его приверженцев, бабувистов, чтобы понять происхождение коммунистического движения. Для всего этого не сделано еще никаких подготовительных шагов в Западной Европе. Германская наука создала образцовые произведения памятников истории Германии, — им около 100 лет, — внимательнейшим образом изучается политическая, иногда литературная история Германии средних веков, но и там не было никакой попытки посвятить это действительно монументальное издание истории германских рабочих. Я теперь несколько недель прорабатывал в прусском государственном архиве колоссальное количество материала по истории немецкого революционного движения, лежащего под спудом потому, что нет возможности, нет никаких средств поднять всю эту огромную кучу материала.

В Англии только в течение последних 10—15 лет исследователи получили доступ к материалам, которые нам рисуют историю английского рабочего класса в эпоху великой промышленной революции. Еще несколько лет тому назад все материалы от конца XVIII столетия до 1832 года были недоступны исследователям. И теперь английская буржуазия, затрачивающая огромные средства на историю своего государства, не дает этих средств на опубликование материалов по истории пролетариата своей страны. И вот, товарищи, эта задача становится теперь злободневной. Нет культурной задачи более важной, чем изучение пролетариатом данной страны своей собственной истории. Пролетариат порождается угнетенными классами, порождается крестьянством, которое разлагается, в силу влияния денежного хозяйства, под ударами капитализма, разлагающимся ремесленничеством.. Пролетариат везде и всюду, за маленькими исключениями, выходит из рядов прежних угнетенных классов. Проследить, каким образом крестьяне, вырванные из своей деревенской обстановки, ремесленники, вырванные из своей цеховой обстановки, собираются под влиянием, под напором, под дисциплинирующим влиянием крупной буржуазии, в более или менее крупных городских центрах, как они сталкиваются сегодня в кабаках, завтра в других местах, обмениваются своим узким, мелким, цеховым, деревенским опытом, как мало-по-малу из этого контакта, из этого столкновения порождаются первые ростки классового самосознания, пока эта огромная масса людей, — вытолкнутого, разоряющегося крестьянства, разоряющегося ремесленничества, — вытолкнутая в эти городские центры, превращается из класса для других, из класса, который уже знают ученые, в класс для себя, в класс, осознавший свои собственные интересы, в класс, проникнутый классовым самосознанием; как пролетариат, развиваясь дальше, приходит к заключению, что именно он является тем классом, порождаемым буржуазным капиталистическим обществом, который должен, не может не делать этого, если хочет освободить сам себя, если хочет освободить все эти массы угнетенных, которые идут за ним, представителем которых он является, порождение которых он есть, кость от кости, плоть от плоти которых он представляет, который вынужден протянуть свою могучую руку к орудию господствующих классов — государственной власти, для того, чтобы, овладев этим орудием, установить свою диктатуру и при помощи этой диктатуры подавить сопротивление господствующих классов, пока в ряде преходящих фаз своего развития, под строгим руководством этой диктатуры, не будут созданы условия для такого общества, где не будет никаких классов, угнетающих и угнетаемых, в котором все будут равны, где всякому будет обеспечена полная свобода умственного, нравственного и физического развития, — вот эта задача, одна из интереснейших и соблазнительнейших задач для всякого

ученого исследователя, эта задача, к сожалению, не могла быть взята в работу, потому, что нет тех памятников, которые необходимы для научного исследования, для того, чтобы проследить этот процесс развития пролетариата в класс, осознавший свою историческую миссию.

Товарищи, нам приходится возиться с историей XIX века. Мы имеем в каждой стране, — немцы имеют свою всеобщую немецкую биографию, французы имеют свои биографические словари, англичане имеют свой колоссальный словарь национальной биографии, шведы создали это, бельгийцы создали это, но каждый раз, когда нам приходится изучать историю рабочего движения с конца XVIII и в течение XIX столетия, когда мы ищем справку о каком-нибудь революционере, где он родился, кем он был, из какого слоя он вышел, — никаких биографических справок относительно всех этих героев, носителей революционного движения, мы не находим. Нам приходится теперь, в процессе работы в нашем Институте, перечитывая старые рабочие газеты, старые рабочие календари, устанавливать синодики, собирать биографические справки о всех, принимавших участие в революционных движениях рабочего класса.

Это одна из тех задач, которые никогда никакие буржуазные научные исследователи на себя не возьмут, ибо, повторяю, буржуазия, с тех пор как она поняла, что история Великой французской революции дала только возможность для Маркса и Энгельса и для других идеологов революционного движения, опираясь на революционный опыт самой буржуазии, создавать принципы тактики и стратегии революционного движения пролетариата, — с тех пор буржуазия все больше и больше теряет вкус к изучению своего революционного прошлого. Вот почему, товарищи, наше предложение, предложение, которое, надеюсь, встретит единогласное одобрение сессии ЦИК Союза, состоит в том, чтобы, опираясь на те материалы, которые уже собраны в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса и которые с каждым днем все увеличиваются, создать международную организацию, создать новое литературное предприятие, учено-исследовательское, которое поставило бы себе задачей издавать в комментированном виде, с примечаниями и предисловиями, документы, которые бы из различных архивов различных буржуазных стран вытаскивались на свет божий, издавать все те материалы истории рабочего класса соответствующих стран, которые хранятся в разных национальных архивах; создать для истории пролетариата то, что сделала германская историография для своего народа, то, что пыталась создать французская историография о Великой французской революции. Я должен по старой привычке сказать, товарищи, что Институт К. Маркса и Ф. Энгельса работает, работает, не свистит, и в получаемые материалы мы вцепляемся зубами и руками. Как известно Президиуму, мы уже два года тому назад думали над тем, чем ознаменовать 10-летие Октябрьской революции, и тогда уже мы составили соответствующий план и в течение этих двух лет подготовили в значительной степени эту новую работу. Я должен сказать, что нам удалось вступить в сношения с целым рядом иностранных ученых, которые работают по указанным нами темам с тем, чтобы, когда постановлено будет издание таких памятников истории классовой борьбы пролетариата и угнетенных классов, мы бы могли сказать: «Дело на мази, и не пройдет несколько лет, как мы создадим прочное начало этому делу». И я, товарищи, выражаю уверенность, что, — может быть, не в этом здании, — я надеюсь, что это будет уже то здание, которое мы построим, здание центрального советского дома Всесоюзных республик, когда к 25-летнему юбилею, а я обещаю там непременно быть *(аплодисменты)*, — что к 25-летнему юбилею Октябрьской революции мы поднесем уже миру не только полное собрание сочинений основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса, — но, по крайней мере, 40—50 томов монументального издания по истории пролетариата и угнетенных классов всех стран. *(Бурные аплодисменты.)*

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ИНСТИТУТЕ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА [1])

(К 5-летию Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

I. Статьи и заметки общего характера

1. Frankfurter Zeitung. № 968, 30 Dezember, 1921.

Fritz Schotthöfer, Die «Sozialistische Akademie» und das «Institut Marx-Engels». (Социалистическая Академия и Институт Маркса и Энгельса).

Автор указывает на ценное собрание литературы о Фихте, имеющееся в институте, и сравнивает собранные материалы по истории западных революций с собранием музея Carnavalet в Париже.

2. Esitaistelijan muistolle, julkaistu Karl Marxin kuolinpäivän 40-vuotismuiston johdosta, Nuori Työläinen, Helsinki, 1923, p. 41—48 (по-фински).

Kosti, K. Marxin ja Fr. Engelsin Instituutti Moskovassa. По-фински.)

3. Schotthöfer, Fritz: Sowjet-Russland im Umbau. Frankfurt am Main, Frankfurter Sozietäts-Druckerei G. m. b. H [1923], p. 169—171.

В главе этой книги, озаглавленной «Храмы марксизма», дается тот же очерк, что и в № 1.

4. Die Junge Garde, Berlin, Jg. 5, № 10, 15. Februar 1923, p. 109.

W[illy] Sch[ulz], Im Marx-Engels-Institut in Moskau.

Впечатления автора, посетившего И-т М. и Э. с одной из юношеских организаций Германии.

5. Munkás (Proletár), Košice, Jg. 14, № 23, (23. Febr. 1923).

Mácza János, «Marx-Engels-Institut» Moszkvában. (По-венгерски.)

6. Uj Elöre, New York, 6. März, 1923.

Mácza János, «Marx-Engels-intézet» Moszkvában. (По-венгерски.)

7. Kölnische Zeitung, 25. April 1923.

— Die Laboratorien des Bolschewismus. («Лаборатории большевизма»).

Московский корреспондент газеты дает описание И-та на основании брошюры Д. Б. Рязанова.

8. Avanti, Milano, Marzo 1924.

Angelica Balabanoff, Il marxismo italiano ... in Russía. («Итальянский марксизм в России»).

Очерк об изучении марксизма вообще и в частности в Италии в связи с деятельностью И-та М. и Э.

9. Die Internationale, Berlin, Jg. 7. H. 13. 1. Juli 1924, p. 440—441.

A. Fogarasi, Sowjet-Russland — eine Stätte der marxistischen Forschung. («Сов. Россия—центр марксистского исследования»).

Автор видит в И-те главнейший центр по изучению марксизма.

10. La Correspondance Internationale, Vienne, A. 4-e, № 42, 4 Juillet 1924, p. 436.

X. (Moscou), L'Institut Marx-Engels à Moscou.

11. International Press-Correspondence, Vienna, vol. 4, № 53, 31-th July 1924, p. 557—558.

— The Marx-Engels-Institute in Moscow.

Тот же очерк, что и № 10, на английском языке.

12. Internationale Presse-Korrespondenz, Berlin, Jg. 4. № 31. 2. August 1924 p. 680—681.

— Ueber das Marx-Engels-Institut in Moskau.

---

[1]) Доведено до 1 июня 1927 г

Тот же очерк, что и № 10, на немецком языке.

13. Der Rote Stern, Illustrierte Arbeiterzeitung, Berlin, Jg. 1., № 5, 5. August 1924. — Das Marx-Engels-Institut in Moskau.

14. The Communist Review, a monthly Organ of the Communist Party of Great Britain, London, Vol. V, № 5, September 1924, p. 251—252.

— The Marx and Engels Institute at Moscow.

См. № 11.

15. Das Neue Russland, Berlin-Pankow, September-Oktober 1924, Doppelheft 5—6., p. 30—31.

Ernst Drahn (Berlin), Ein Weltmuseum des Marxismus. («Мировой музей марксизма»).

16. Die Internationale, Berlin, Jg. 7. H. 19/20. 1. Oktober 1924, p. 616.

Постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 9 февраля 1924 г. относительно изданий И-та М. и Э.

17. Arbeiter-Zeitung, Wien, Jg. 36., № 305, 5. November 1924, p. 3.

Выступление Фридриха Адлера на партийном съезде соц.-дем. партии Австрии, где он в части доклада, посвященной Советской России говорит — что «русская коммунистическая партия в одном отношении стоит выше всех других партий, так как обладает лучшим архивом социализма — И-том М. и Э., в котором можно изучать не только сочинения М. и Э., но и всю социалистическую литературу».

18. Sichel und Hammer, Illustrierte Internationale Arbeiterzeitung, Berlin, Jg. 4, № 2, Dezember 1924.

— Das Moskauer Marx-Engels-Institut. (С иллюстрациями.)

19. R L. Prager's Bibliographie d. Rechts-& Staatswissenschaften, Berlin, Jg. 1924, № 9, 31. Dez., p. 188—193.

— Das Marx-Engels-Institut in Moskau.

Перепечатка отрывка из брошюры Д. Б. Рязанова об И-те М. и Э.

20. Vorwärts, Wochenblatt der N. Y. Volkszeitung, 16. Mai 1925, p. 3.

Alfons Goldschmidt, Wie ich Moskau wiederfand.

В строках, «посвященных описанию И-та М. и Э., автор сравнивает библиотеку Carnegie в Нью-Йорке с библиотекой И-та в следующих словах:... «Войдя в тихое здание, я невольно подумал о спокойном и массивном дворце библиотеки Carnegie... Но какая разница! Вся организация, являющаяся в первой чисто технической, во второй библиотеке — духовная. Библиотека Carnegie представляет собой простое собрание книг. И-т М. и Э. есть орудие пролетарской революции... бурно кипящей в его спокойных залах».

21. Goldschmidt, Alfons: Wie ich Moskau wiederfand. E. Rowohlt Verl., Berlin, 1925, p. 28—30. См. № 20.

22. Minerva, Jahrbuch der gelehrten Welt, Berlin 1925, p. 941.

Institut Karla Marksa i Fridricha Engelsa.

23. Internationale Presse-Korrespondenz, Berlin, Jg. 5., № 3, 17. Januar 1925, p. 83.

** Die Tätigkeit des Marx-Engels-Instituts. («Деятельность И-та М. и Э.»).

24. Das Neue Russland, Berlin-Pankow, Jg. 2., Doppelheft 1—2., Jan.—Febr. 1925 p. 19—21.

Dr. Ernst Czóbel, Ueber das Marx-Engels-Institut in Moskau.

25. Komunistická Revue pro praxi a theorii marxismu. Praha, Ročnik II. VI., čislo 2—3, 15 ledna (январь) 1925, p. 55—59 & 1. únove (февраль) 1925, p. 78—81.

— u. s., Světové museum marxismu — Institut K. Marxe a B. Engelse. («Мировой музей марксизма — И-т М. и Э.», — по чехо-словацки).

26. Das Neue Russland, Berlin-Pankow, Jg. 2, 1925, Doppelheft 5—6., p. 23—28.

Dr. J. Schaxel (Prof. a. d. Univ. Jena), Moskauer Einrichtungen für wissenschaftliche Forschung. («Московские научно-исследовательские учреждения»).

27. La Antorcha, organo del Partido Comunista de España, Madrid, 24 de Julio de 1925.

Jorge Korsunsky, El Instituto Marx-Engels y España. (По-испански).

28. The Daily Worker, Chicago, № 195, August 27, 1925.

A. Trachtenberg, Marx-Engels-Institute.

Речь на съезде рабочей партии в Америке.

29. Uj Elöre, New York, Vol. 21, № 4705, 29 August 1925.

— Marx-Eng ls intézmény. (По-венгерски.)

30. Das Neue Russland, Berlin-Pankow, Jg. 2, 1925, Doppelheft 9—10, p. 17—19.

Prof. Dr. J. Schaxel (Jena), Wissenschaftliche Arbeiten in Sowjet-Russland. («Научные работы в Сов. России»).

Автор усматривает «несравнимую ценность И-та М. и Э. в том, что в нем сконцентрирована вся литература, охватывающая все области человеческой культуры»; указывает также на хранящиеся в Архиве И-та необычайно ценные рукописи.

31. The Workers Monthly, New York, Vol. V, № 1, November 1925, p. 21—25.

Alexander Trachtenberg, The Marx-Engels-Institute.

32. Reichls Philosophischer Almanach, Darmstadt, hrsg. v. Paul Feldkeller, Bd. 3. 1925—1926, p. 122—123.

— Marx-Engels-Institut.

33. Jahrbuch f. Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung, Berlin, C. Hoym-Verl., 1925—1926, p. 42—45.

A. Deborin, Das K. Marx & Fr. Engels-Institut beim Zentral-Exekutiv-Komitee d. USSR.

34. Ost-Europa, Zeitschrift f. d. Gesamtfragen des europäischen Ostens, Königsberg, Jg. 1., Heft 8/9, 1925—1926, p. 549.

— Das Marx-Engels-Institut in Moskau.

35. Schoenaich. Lebende Bilder aus Sovjet-Russland, Halberstadt, H. Meyer, 1926, p. 86—87. («Живые картины из Советской России»).

В главе, посвященной вопросам пропаганды, говорится между прочим: «... На первом месте следует указать И-т М. и Э., служащий целям чисто научной пропаганды. Он обладает лучшей в мире специальной библиотекой по вопросам капитализма и социализма, и я думаю, что в самом скором времени И-т, имеющий во всех странах представителей, сделается неизбежным пристанищем серьезных исследователей всех стран. В настоящее время им подготовляется новое полное собрание сочинений Маркса и Энгельса.

36. Minerva, Jahrbuch der gelehrten Welt, Berlin 1926, p. 1379.

Institut Karla Marksa i Fridricha Engelsa.

37. Fülöp-Müller, René: Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Russland. Amalthea-Verlag, Wien 1926, p. 424. («Дух и облик большевизма. Изображение и критика культурной жизни Советской России».)

В главе, посвященной новому воспитанию в СССР, автор отводит двадцать строчек краткому описанию Института.

38. Nearing, Scott: Education in Soviet Russia. International Publishers, N. Y., 1926, p. 86—87. («Образование в Советской России»).

В главе о «Высших учебных заведениях» автор говорит об И-те, как о прекрасно организованном научном учреждении, собирающем марксистскую литературу. Упоминается также об издательской деятельности И-та и о будущих планах издания собрания сочинений М. и Э.

39. SSSR, Kniha delegace Společnosti pro hospodařské a kulturni sblíženi s Novým Ruskem do SSSR v roce 1925, Nakladatelství čin v Praze, 1926, p. 259—266. (Книга чешской делегации, посетившей Советскую Россию).

В главе «Социальные науки в СССР» дана история развития И-та М. и Э. до настоящего времени, с точным описанием его кабинетов, библиотеки, архива, а также всех его изданий.

40. Rjettur Timarit um thjódfjelags og menningarmál, Akureyri, XI. Arg. 1. Og, 2. Hefti, 1926, p, 78—80.

— Marx-Engels-stofnunin. (На исландском языке.)

41. Walka, miesiecznik socyalistyczny, Krakow, Rok 3, Zeszyt 2, 1926, p. 53—54.

D. Rjazanow, Instytut K. Marksa i F. Engelsa przy CK. W ZSSR. Moskwa 1924. (На польском языке).

42. Walka, Krakow, Rok 3, Zeszyt 7—8, 1926, p. 165.

— «Instytut Marksa i Engelsa». Biuletyn Instytutu K. Marksa i F. Engelsa. № 1. Moskwa, 1926. Sprawa stosunku Marksa do Blanqui'ego. (На польском языке.)

43. Berliner Hochschul-Nachrichten, 14. Semester. H. 4, Januar 1926, p. 39—41.

Dr. J. Schaxel, Die Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken und die Wissenschaft. («СССР и наука»).

Говорится об И-те М. и Э., как занимающемся критической историей социализма и заботящемся об интернациональном издании основных трудов по марксизму.

44. Revue de Métaphysique et de Morale, (Supplément), Paris, A. 33-e, № 1, Janvier-Mars 1926, p. 11.

Упоминается о приобретении И-том собрания произведений Фихте проф. Виндельбанда.

45. Sozialistische Republik, Köln, № 58, 10. März 1926.

hs [Hans Stein], Das Marx-Engels-Institut in Moskau.

Фельетон, посвященный подробному описанию И-та М. и Э.

46. Internationale Presse-Korrespondenz, Jg. 6, № 51, 30. März 1926, p. 712—716.

— Das Marx-Engels-Institut.

Перепечатка статьи об И-те М. и Э. из первого тома «Архива».

47. Kölnische Zeitung, 13. April 1926.

— Russlands wissenschaftlicher Nachwuchs (Telegr.). («Молодое научное поколение России»).

Говорится об И-те М. и Э., как о строго научном исследовательском учреждении с образцовыми коллекциями».

48. Prager Presse, 22. Juni 1926.
Arthur Seehof, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
49. Vossische Zeitung, Morgen-Ausgabe, Berlin, 24. Juni 1926.
C. Gl., Ausstellung «Geschichte des Sozialismus».
В заметке, посвященной книжной выставке «Истории социализма в первоначальных и оригинальных изданиях», устроенной рабочим союзом в Вене, говорится о библиотеке И-та, как единственной в мире по собранию социалистической литературы.
50. Frankfurter Zeitung, Frankfurt a. Main, 29. Juni 1926.
Arthur Seehof, Das Marx-Engels-Institut in Moskau. См. № 48.
51. Memeler Morgen-Stimme, № 5, 3. Juli 1926, p. 3.
Arthur Seehof, Das Marx-Engels-Institut in Moskau. См. № 48.
52. Rheinische Zeitung, Köln, 17. Juli 1926.
«Was man täglich sieht. Zwei Studien über Russland». («То, что мы видим ежедневно. два очерка о России»).
Доклад д-ра Г. Штейна о его пребывании в России, где он говорит об И-те М. и Э. как «о единственном в своем роде хранилище социалистической, экономической и философской литературы, а также как о центре, в котором идет планомерная работа над богатейшим исследовательским материалом».
53. Urania, Monatshefte f. Naturerkenntnis und Gesellschaftslehre, Jena, H. 11., August 1926, p. 329—331.
Dr. J. Schaxel, Prof. a. d. Univ. Jena, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.
54. Sächsisches Volksblatt, Zwickau, 3. August 1926.
E. J. Gumbel, Russische Eindrücke. Religion & Wissenschaft. («Русские впечатления. Религия и наука»).
В статье отведено место подробному описанию И-та М. и Э.
55. Volksstimme, Chemnitz, 3. August 1926.
Перепечатка статьи № 54.
56. Westfälische Allgemeine Volkszeitung, Dortmund, 3. August 1926.
Перепечатка статьи № 54.
57. Hessischer Volksfreund, 13. August 1926.
Перепечатка статьи № 54.
58. Pfälzische Freie Presse, Kaiserlautern, 20. August 1926.
Перепечатка статьи № 54.
59. Heidelberger Volkszeitung, 20. August 1926.
Перепечатка статьи № 54.
60. Lübecker Volksbote, 21. August 1926.
Перепечатка статьи № 54.
61. Volksstimme, Frankfurt a. M., 9. September 1926.
Перепечатка статьи № 54.
62. Rheinische Zeitung, Köln, 30. Oktober 1926.
Arthur Seehof, Das Marx-Engels-Institut in Moskau. См. № 48.
63. Volksstimme, Schmalkalden, Jg. 8. Beilage zu № 264, 10. November 1926.
Kurt Rosenfeld, Ein Blick ins Sowjetrussland.
К. Розенфельд, левый соц.-дем. и бывший прусский министр юстиции, который летом 1926 г. посетил Институт, дает описание отдельных частей и деятельности Института, выделяет при этом коллекцию первых изданий сочинений М. и Э. и собрание литературы по истории революции 1848 года в Германии. Автора поражает систематическая проработка архивного материала, которая производится в Институте.
64. Steinbach-Hallenberger Volksstimme, Jg. 1., Beilage zu № 264, 10. November 1926.
Перепечатка статьи того же автора, что и № 63.
65. Volksfreund, Braunschweig, 7. Dezember 1926.
Перепечатка статьи № 54.
66. Die Rote Fahne, Berlin, 23. Dezember 1926.
Otto Heller, Psychoanalytische Geschichtsauffassung. («Психоаналитическое восприятие истории».)
В рецензии на книгу E. Kohn «Lassalle der Führer» автор говорит о значении личностей в революционном движении и, в частности, об И-те М. и Э., в котором собираются и хранятся все документы, касающиеся вождей революционного движения.
67. D. Rjazanov, Karl Marx and Friedrich Engels. A lifetime collaboration. New York, International Publishers, 1927, p. 6.
В предисловии к этой книге Ал. Трахтенберг говорит о научной деятельности и издательской программе И-та М. и Э.
68. Hannoverscher Kurier (Morgen-Ausgabe), 16. Februar 1927.
Peter Pickard. Russische Wissenschaftsnot. Die Zwangsehe v. Wissenschaft und Politik in der Sovjetunion.
Автор, признавая, что за последнее время наука в Советской России растет и развивается, между прочим пишет: «...Одного из русских ученых я хотел бы назвать — это Рязанов, старый революционер, глава великолепно руководимого И-та М. и Э.

...он сумел создать дело, которое, являясь партийной работой, вместе с тем является большим историческим памятником».

69. Berliner Börsen-Kurier (Morgen-Ausgabe), Berlin, 29. April 1927.

Arthur Seehof, Das Marx-Engels-Institut in Moskau.

Перепечатка статьи № 48.

70. Die Arbeiter Illustrierte Zeitung aller Länder, Berlin, 6. Jg., № 19, 15. Mai 1927, p. 12—13.

Egon Erwin Kisch, Das Marx-Engels-Institut in Moskau. (С иллюстрациями.)

Автор, известный радикальный журналист, описывает свои впечатления от посещения Института, выделяя особенно редкие книги и интересные документы. Он между прочим замечает, что кроме И-та М. и Э. нигде не существует и не существовало «большего института, предназначенного для прославления и изучения людей, которые признали несправедливость общественных форм и физически должны были пострадать за это». Отмечает как недостаток, что среди находящихся в И-те собраний книг необыкновенной ценности отсутствует литература по социологии и криминологии)

71. Folkets Dagblad Politiken, (орган Шведской коммунистической партии), Lördagen, 28 Maj 1927, № 121. Arg. XII.

Marx-Engels-Institutet i Moskva. (С иллюстрациями.)

Перепечатка статьи Э. Киша, № 70.

II. Статьи и заметки об изданиях Института.

1. Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

72. Die Rote Fahne, Wien, 15. August 1922.

— Die Akademie für Sozialwissenschaft in Moskau. (Социалистическая академия в Москве.)

Упоминается о будущих издательских планах И-та.

73. Frankfurter Zeitung, Beilage Literaturblatt v. 1. August 1924.

Gustav Mayer, Geschichte und Klassenbewusstsein. («История и классовое самосознание».)

В рецензии на книгу Georg Lukács: «Geschichte und Klassenbewusstsein», автор между прочим говорит о намерении И-та М. и Э. (ошибочно он говорит о «Социалистической академии») издать полное собрание сочинений М. и Э.

74. Internationale Presse-Korrespondenz (Sondernummer), Deutsche Ausgabe, Jg. 4., № 102, 6. August 1924, p. 1305—1306.

Предложение, внесенное Д. Рязановым на V Конгрессе Коммунистического Интернационала относительно издания полного собрания сочинений М. и Э.

75. International Press Correspondence, English edition, Vol. 4, № 57, 12-th August 1924, p. 601—602. См. № 74.

76. La Correspondance Internationale, 4-e année, № 56, 12 Août 1924, p. 592. См. № 74.

77. International Presse Correspondence, English edition, Vol. 4, № 64, 5-th September 1924, p. 695—696.

Резолюция, принятая V Конгрессом Коминтерна относительно издания собрания сочинений М. и Э.

78. La Correspondance Internationale, 4-e année, № 64, 10 Septembre 1924, p. 689—690. См. № 77.

79. International Presse-Korrespondenz, Sondernummer, Deutsche Ausgabe, Jg. 4. № 125, 25. September 1924, p. 1670. См. № 77.

80. Die Internationale, Berlin, Jg. 7., H 19/20., 1. Oktober 1924, p. 616.

— Dokumente über das Karl Marx-und Friedrich Engels-Institut. См. № 77.

81 Jahrbücher für Nationalökonomie & Statistik, Jena, 3. Folge. Bd. 67., H. 6, Nov. Dez. 1924, p. 809—812.

Ernst Drahn, Neuentdeckte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. Nach russischen Quellen.

«Вновь открытые рукописи К. Маркса и Ф. Энгельса. На основании русских источников» (см. Рязанов: «И-т М. и Э. при ЦИК СССР», Госиздат, 1924, а также № 74 и 119).

82. Protokoll, Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale, Berlin, C. Hoym, 1925, Bd. 11., p. 940—946. См. № 77.

83. Die Zeit, Berlin, № 106, 17. März 1925.

— Das Moskauer Karl Marx-Institut.

Небольшая заметка, касающаяся издания сочинений М. и Э.

84. Internationale Presse-Korrespondenz, Wien, Wochenausgabe, Jg. 5., № 18, 2. Mai 1925, p. 511—512.

D. Rjasanow, Die Vorbereitung der Marx-Engels-Ausgabe. (Подготовка издания сочинений М.-Э.) Доклад на расширенном пленуме Коминтерна.

85. Vossische Zeitung, 1. Oktober 1925.
— Eine kritische Gesamtausgabe von Marx-Engels. (Критическое издание сочинений М. и Э.).
86. Frankfurter Zeitung. Frankfurt a. Main, 2. Oktober 1925.
— [Kleine Mitteilungen].
Сообщение о том, что в течение года начнет выходить полное собрание сочинений М. и Э.
87. Volkszeitung, Innsbruck, 3. Oktober 1925.
88. Sozialdemokraten, Oslo, 8. Oktober 1925.
89. Volk, Weimar, 13. Oktober 1925.
90. Sozialdemokrat, Prag, 14. Oktober 1925.
91. Prager Presse, 20. Oktober 1925.
— Marx und Engels Werke.
Небольшое резюме плана издания сочинений М. и Э.
92. Aktion, 31. Oktober 1925.
93. Leipziger Volkszeitung, 4. November 1925.
— Das Lebenswerk von Marx und Engels. Die erste Gesamtausgabe.
(Жизненное дело М. и Э. Первое полное собрание их сочинений).
94. New Yorker Staatszeitung, 7. November 1925.
95. Social-Demokraten, Stockholm, 14. November 1925.
— Fullständig upplaga av Karl Marx och Friedrich Engels skrifter. (Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса,—по-шведски).
96. De Communistische Gids, Amsterdam, 4 de Jaargang, Nummer 12, December 1925, p. 523—530.
— Over de Literaire Nalatenschap van Karl Marx en Friedrich Engels.
(О литературном наследии М. и Э.,—по-голландски).
97. Atheist, Jg. 21, № 12, Dezember 1925.
— r l —, Eine Marx-Engels-Gesamtausgabe.
98. Monistische Monatshetfe, Dezember 1925.
99. Internationale Presse-Korrespondenz, Deutsche Ausgabe, Jg. 6., № 67, 4. Mai 1926, p. 1022—1024.
— Die Marx-Engels-Gesamtausgabe.
100. The Workers Monthly, New York, Vol. 5, № 8, June 1926, p. 381—383.
A. Landy, The Marx-Engels Scientific Edition.
101. Nuova Rivista Storica. A. X. Fasc. IV—V, Juglio — Oktobre 1926, p. 414.
Небольшая заметка о собрании сочинений М. и Э.
102. New York Herald Tribune, January 23 d. 1927.
Ben Roy Redman, Old Wine in New Bottles («Старое вино в новых мехах»). Автор, начав с обозрения нескольких вновь опубликованных старых сочинений, упоминает о предполагаемом полном издании в 36 томах собрания сочинений М. и Э., появление которого должно «сковать последнее звено в цепи той дружбы, которая соединяла М. и Э. с 1844 года, после их встречи в Париже».

2. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I. (русское издание.)

103. Walka, Kraków, I, 1924, p. 125—126.
E., Archiv K. Marksa i F. Engelsa (Pod. red. D. Rjazanova) Kniga I. Moskva, Gosizdat, 1924. (Заметка об «Архиве» на польском языке).
104. Arbeiter-Literatur, Wien, № 9, September 1924, p. 567—572.
A. Troizki, Neues aus dem Nachlass von Marx und Engels. Band I. des «K. Marx und F. Engels-Archivs». («Новое из наследия Маркса и Энгельса.»)
105. Internationale Presse Korrespondenz, Berlin; Jg. 4., № 44, 31. Oktober 1924, p. 1063—1065.
Paul Frölich, Die Verfälschung des Marxismus. Das gefälschte Engels-Vorwort. («Искажение марксизма. Искаженное предисловие Энгельса»). Цитируются места из предисловия Энгельса к «Классовой борьбе во Франции», пропущенные в свое время и опубликованные Д. Б. Рязановым в «Архиве М. и Э.», кн. 1-ая.
106. Die Rote Fahne, Berlin, Jg. 7., № 153, 9. November 1924.
Paul Frölich, die Verfälschung der Marxismus durch die deutsche Sozialdemokratie. («Искажение марксизма немецкой социал-демократией»), см. № 105.
107. Tiden, Tidskrift för socialistik kritik och politik, Stockholm, December 1924, p. 498—500.
Paul Olberg, Okända avhandlinger och brev av Karl Marx och Friedrich Engels. («Неизданные статьи и письма Маркса и Энгельса»).
108. Zeitschrift für Politik, Bd. 15, 1925 p. 478—480.
A. Gurland, Archiv K. Marksa i F. Engelsa.
109. Der Kampf, Wien, Jg. 18., H. 2, Februar 1925, p. 72—73.
Arkadij Gurland, Archiv K. Marksa i F. Engelsa. Moskwa 1924.
110. Süddeutsche Monatshefte, München, Jg. 22., H. 5., Februar 1925, p. 60—61.

E. E. C. D. [E. Drahn], Eine Fälschung. («Одно искажение»). Заметка касается пропущенных мест в предисловии Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» Маркса, сообщенных Рязановым в I книге «Архива М. и Э.»

111. The Communist Internationale, London, № 8, New Series February 1925. Заметка об «Архиве М. и Э.»

112. Unter dem Banner des Marxismus, Wien, Jg. 1., H. 1., März 1925, p. 190—199. M. I. Lonsky, «Karl Marx und Friedrich Engels-Archiv».

113. The Plebs, London, Vol. 17, № 4, April 1925, p. 164.

— Marx and Philosophy. («Маркс и философия»). Небольшой очерк, озаглавленный «Маркс и философия», посвящен фрагменту из «Немецкой идеологии» Фейербаха, напечатанному в 1-ой кн. «Архива М. и Э.»

114. Süddeutsche Monatshefte, München, Jg. 22., H. 7., April 1925, p. 75.

Заявление директора И-та социальных исследований К. Грюнберга о его непричастности к делу основания совместного издательства с И-том М. и Э. во Франкфурте на Майне. Касается разоблачения искаженных текстов Энгельса, см. № 110.

115. Die Gesellschaft, Berlin, № 5, Mai 1925, p. 432—433.

Arthur Friedberg, Der wiederbelebte Marx und der lebendige Marxismus. («Возрожденный Маркс и живой марксизм»)

116. Historische Zeitschrift, Bd. 132, H. 2., Juli 1925, p. 230—234.

Karl Stählin, Ueber den Briefwechsel zwischen V. Zasulic und K. Marx. («О переписке В. Засулич. и К. Маркса»).

3. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. II. (русское издание.)

117. Die Internationale, Berlin, Jg. 9., H. 4., 15. Februar 1926, p. 127.

Adalbert Fogarasi, Fr. Engels: Naturdialektik. Marx-Engels-Archiv II. Bd. 1925.

118. The Communist Review, v. 7, № 8, December 1926, p. 385—386.

Dialectic in the Natural Sciences, Fr. Engels. (Диалектика в природе. Фр. Энгельса). «Архив М. и Э.», Москва 1925.

Заметка, посвященная разбору «Диалектики природы» Энгельса, заканчивается так: «Мы должны выразить пожелание, чтобы эти научные очерки были в самом скором времени выпущены отдельным изданием, доступным всем рабочим, а не только одним специалистам. Предисловие тов. Рязанова дает блестящий исторический очерк субъективных и объективных условий возникновения рукописи Энгельса».

4. «Marx-Engels-Archiv», Bd. I. (немецкое издание.)

119. Arbeiter-Literatur, Wien, № 10, Oktober 1924, p. 749—750.

Wilhelm Herzog, Offene kleine Anfrage an die Redaktion der «Arbeiterliteratur» Wien. (Запрос в редакцию «Рабочей литературы» в Вене).

Автор запрашивает редакцию о времени появления неопубликованных еще рукописей М. и Э., напечатанных в «Архиве».

120. Die Rote Fahne, Berlin, № 56, 7. März 1926, Feuilletonbeilage.

J. G., Das Marx-Engels-Archiv.

121. Neue Zürcher Zeitung, 28. März 1926, Blatt 4. Erste Sonntagsausgabe, № 494.

A[lfred] St[ern], Marx-Engels-Archiv Bd. I. Hrsg. v. D. Rjazanov. Marx-Engels-Archiv Verlagsges., m. b. H. Frankfurt am Main, 1926.

Резюмируя содержание I тома «Архива», автор замечает, что оно является «чрезвычайно многосторонним и побуждающим к целому ряду новых сдвигов в области науки».

122. Internationale Presse-Korrespondenz, Jg. 6., № 51, 30. März 1926, p. 716.

A. Thalheimer, Der erste Band des Marx-Engels-Archivs. (Первый том «Архива М. и Э.»).

123. Kommunistiche Revue, Reichenberg, Jg., 3. № 4, April 1926, p. 159.

— Die Deutsche Ideologie. («Немецкая идеология».)

124. Volkszeitung Plauen, 6. April 1926.

125. Ostthüringer. Tribune Gera, 8. April 1926.

126. Leipziger Volkszeitung, 9. April 1926.

A[rkadij] G[urland], Der Marxismus und seine Gegner. Das «Marx-Engels-Archiv». («Марксизм и его противники. «Архив М. и Э.»).

Автор отмечает большое значение изданий И-та в деле опубликования литературного наследия М. и Э.

127. Kölnische Zeitung, 27. April 1926.

Dr. H. van Look, Marx-Engels-Archiv...

128. Das Neue Russland, Berlin-Pankow, № 5/6, 1926.

Краткий очерк, посвященный разбору содержания «Архива».

129. The Workers Monthly, a Communist Magazine, New York, Vol. 5, № 7, May 1926, p. 333—335.

A. Landy (The University of Wisconsin), Marx-Engels-Archiv.

130. Revue de l'Institut de Sociologie, Bruxelles, Mai 1926.
— «Marx-Engels-Archiv».
Рецензия является отрывком из предисловия Д. Рязанова с точным указанием содержания первого тома. Несколько строк в конце рецензии посвящены прораммe будущих изданий И-та.
131. La Correspondance Internationale, 6-e. Année, № 58, 8. Mai 1926, p. 578.
A. Thalheimer, Le premier tome des Archives Marx-Engels.
Французский перевод, см. № 122.
132. Sozialistische Politik und Wirtschaft, Berlin, Jg. 4., № 20, 20. Mai 1926.
Arkadij Gurland, Das «Marx-Engels-Archiv».
Подробный разбор первого тома «Архива».
133. Internationale Presse-Korrespondenz, Deutsche Ausgabe, Jg. 6., № 78, 28. Mai 1926, p. 1247—1249.
Приводится текст писем В. Засулич к Марксу, а также введение Д. Рязанова к ним, напечатанное в I т. «Архива М. и Э.»
134. «Dawar», Jerusalem, Sommer 1926.
Библиографическая заметка о содержании I т. «Архива М. и Э.»
135. La Révolution de 1848 et Les Révolutions du XIX siècle, Paris, Tome 24, № CXVI, Juin 1926, p. 878.
Очерк, касающийся исторических статей I т. «Архива М. и Э.»
136. Frankfurter Zeitung, Frankfurt a. Main, 20. Juni 1926.
Kr. Marx-Engels-Archiv.
137. Die Internationale. Zeitschrift f. Praxis u. Theorie des Marxismus, Berlin, Jg. 9., H. 13., 5. Juli 1926, p. 414—416.
Adalbert Fried, Der erste Band des Marx-Engels-Archivs.
Заметка, посвященная разбору первой части «Немецкой идеологии», заканчивается так: «Архив М. и Э., является блестящим творением Сов. России, творением марксисткого исследования, возможного лишь в СССР».
138. Preussische Jahrbücher, Berlin, Bd. 205., H. 1., Juli 1926, p. 106—110.
Walter Heynen, Inland und Ausland Zeitschriftenschau.
После вступительной характеристики содержания «Архива» приводится бо̀льшая часть текста вступления Д. Рязанова к первой части «Немецкой идеологии». Автор видит в «Архиве» наглядный пример части того научного фундамента, постройку которого Советская Республика считает своим долгом перед собственной системой правления.
139. Leipziger Volkszeitung, 1. Beilage zu № 160, 13. Juli 1926.
A. G., Anfänge des historischen Materialismus. («Начатки исторического материализма»). Рецензия на «Архив М. и Э.», т. I.
140. Sozialistische Politik und Wirtschaft, Berlin Jg. 4, № 31, 5. August 1926.
Arkadij Gurland, Das «Marx-Engels-Archiv».
Дополнительные замечания к изданию первой части «Немецкой идеологии», где автор указывает на «необычайную ценность изданий Института М. и Э.», см. № 132.
141. Vorwärts, Milwakuee, № 33, 14. August 1926.
142. Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Hrsg. v. Carl Grünberg. Leipzig, Jg. 12., September 1926, pp. 463—465.
В своей рецензии на «Архив М. и Э». проф. К. Грюнберг говорит между прочим следующее: «... Что касается И-та М. и Э., то благодаря изданию I т. «Архива» он несомненно становится в первые ряды немецкой научной периодики и возьмет на себя и удержит за собой, — если и последующие тома будут подобны первому, — руководящую роль в области марксистского исследования».
143. American Economic Review, New York, vol. 16, № 3, September 1926, p. 526.
Небольшая заметка об «Архиве М. и Э.», т. I,
144. Einheit, Jg. 1, H. 17, 1. Oktober 1926.
145. Welt am Abend, Berlin, 13 Oktober 1926.
Arthur Seehof, Marx-Engels-Archiv.
146 Annales Historiques de la Révolution Française, Paris, № 18, Novembre — Décembre 1926, p. 595-596.
[Albert Mathiez], L'Institut Marx et Engels et ses publications.
В статье, посвященной описанию Института М. и Э., говорится об издательской деятельности Института, директор которого «Д. Рязанов, организатор с широким кругозором и необычайной активностью, положил основание большим научным изданиям, которые будут составлять гордость русской науки». Статья, конец которой посвящен обозрению I тома «Архива», заканчивается так: «Этого сухого перечисления уже достаточно, чтобы дать понятие о значении изданий, предпринятых этим новым научным институтом».
147. Revue d'histoire économique et sociale. A 14, № 4, 1926, pp. 521—522.
E[mile] L[askin], в своей статье, посвященной описанию «Архива», говорит следующее: «...первый том «Архива» дает весьма благоприятное представление о начатой работе... «Архив М. и Э.» помимо интереса, который он представляет для марксистов,

является необычайно ценным научным предприятием, которому все историки должны пожелать удачи и долгой жизни».

148. The American Historical Review. Vol. 32, № 2, January 1927, p. 363.

Amy Hewes, автор рецензии, давая очерк содержания «Архива», обращает внимание на грандиозную работу, которая потребовалась для восстановления рукописных текстов М. и Э.

149. Die Literarische Welt, Berlin, 4. Februar 1927.

Arthur Seehof, Marx-Engels-Archiv.

Автор начинает статью следующими словами: «Вот, наконец, журнал, в котором разносторонние проблемы марксизма нашли себе не простое описание, но представлены в таком виде, что всегда смогут приносить пользу как науке, так и рабочему классу».

150. The Plebs. London, Vol. 19. № 2. February 1927, p. 64—65.

E[den] & C[edar] P[aul], Marx-Engels-Archives.

После подробного отчета о содержании тома говорится следующее:

«... труды института М. и Э. в отношении качества могут свободно равняться с лучшими произведениями любого ученого общества при «славной» системе частного предпринимательства».

151. Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie, Jg. 6, H. 3, 1927, p. 297—300.

Alfred Meusel, Marx-Engels-Archiv, Bd. 1.

Статья дает подробный обзор содержания тома.

152. Die Bücherwarte, Zeitschrift f. sozialistische Buchkritik, Berlin, Jg. 2., Heft 3., März 1927, p. 83—86.

Karl Schröder: Marx-Engels-Archiv, Zeitschr. d. M.-E. Institut in Moskau. Bd. I.

Разбирая и подвергая критике содержание «Архива» по отделам, автор указывает, что этот «широко задуманный журнал ставит своей целью объединение всех исследований по марксизму и историческим проблемам, затронутым М. и Э.». Упоминая в начале рецензии о том, что «Архив» является главным образом журналом «исторического характера», автор заканчивает ее упреком в отсутствии статей, касающихся современных проблем.

153. Zeitschrift f. Völkerpsychologie und Soziologie, Leipzig, Jg. 3., H. 1., März 1927, p. 54—55.

Dr. Hans Peter (Nürnberg), Marx-Engels-Archiv, I.

Рецензия разбирает и критикует содержание «Архива» по частям, причем отдает преимущество его историческим статьям и библиографии по марксизму. Несмотря на то, что содержание «Архива» частично предназначается лишь для узких специалистов по марксизму, его статьи и общее направление заслуживают широкого внимания, так как дают представление о характере современной русской науки».

154. Der Atheist, Wien, № 3, 1. März 1927.

A. Gurland, Die wahre Gestalt des Marxismus. (Истинный облик марксизма).

В статье приносится благодарность «неутомимой энергии издателя Маркса — Д. Рязанова, благодаря которому была извлечена на свет и напечатана в «Архиве» первая часть «Немецкой идеологии».

155. Volksrecht, Breslau, 2. März 1927.

Рецензия, помещенная в социал-демократическом партийном органе, считает недостатком «Архива М. и Э.» то, что «в России необыкновенно широко и без критического подхода воспринимается и дополняется отсталая социальная философия». Достойным внимания он считает исторические статьи первого тома «Архива». В заключение идет обзор содержания книги, причем «особенно ценной» считается «обширная библиография марксистской литературы, на которую с точки зрения выбора несомненное влияние оказала большевистская тенденция».

156. The Times, Literary Supplement, London, 3-d March 1927, p. 144.

— Marx-Engels-Archiv.

В рецензии первая книга «Архива М. и Э.» характеризуется как «весьма содержательный вид энциклопедии диалектического материализма».

5. Прочие издания Института.

157. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Коммунистический манифест». Библиотека научного социализма под ред. Д. Рязанова. 2-е дополненное изд. Москва. Гиз. 1923.

Internationale Presse-Korrespondenz, Berlin Jg. 3., № 24, 5. Febr. 1923, p. 186.

F. Rubiner (Moskau), «Das Kommunistiche Manifest».

158. Ламеттри. Избранные сочинения, том I. Библиотека материализма, под ред. Д. Рязанова и А. Деборина. Москва, 1924.

Die Kommunistiche Internationale, Jg. 6., H. 5., Mai 1925, p. 605—608.

M. I. Lorski, Lamettrie...

159. Библиотека марксиста, под ред. Д. Рязанова. Вып. I. «Коммунистический манифест» с пред. и примечаниями Д. Рязанова.

Вып. IV. «К. Маркс, мыслитель, человек, революционер», Москва, Гиз 1926.
Walka, Krakow, Rov. III, Zeszyt 7—8, 1926, p. 165.
— «Biblioteka Marksisty» (pod red. D. Rjazanova), Moskwa 1926.
Ksiązka I. K. Marks i F. Engels Manifest Kommunistyczny.
Ksiązka IV. Karol Marks, jako mysliciel czlowiek i rewolucjonista.

III. Varia.

160. Internationale Presse-Korrespondenz f. Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung, Wien, Jg. 4 № 40, 4. Oktober 1924, p. 942.

— Publikationen zum 60. Jahrestag der I. Internationale. Sammlung durch das Marx-Engels-Institut.

161. Sparn, Enrique. Las grandes bibliotecas de la Rusia Bolscheviki Europea. Cordoba (Argent.) 1925, p. 8. (Academia National de Ciencias, № 10) («Большие библиотеки большевистской Европейской России»).

Перечисляя большие научные библиотеки СССР, автор говорит и о библиотеке в 120000 томов. И-та М. и Э. в Москве.

162. Die Internationale, Zeitschrift für Praxis und Theorie des Marxismus, Berlin, Jg. 8., H. 5., Mai 1925, p. 278—280.

Рецензия на книгу Karl August Wittvogel «Geschichte der bürgerlichen Gesellchaft».. (Wien, Malik-Verlag, 1924), которая в примечании редакции приписывается И-ту М. и Э.

163. Die Rote Fahne, Berlin, Jg. 8, № 111, 17. Mai 1925.

— Das Mai-Heft der «Internationale».

В общей рецензии на майскую книжку журнала «Die Internationale» говорится об отзыве на книгу К. А. Wittvogel'я, приписываемом И-ту М. и Э.

164. Die Rote Fahne, Berlin, Jg. 8, № 128, 9 Juni 1925.

Официальное опровержение редакцией того, что отзыв о книге К. А. Wittvogel'я принадлежит И-ту М. и Э.

165. Die Internationale, Zeitschrift für Praxis und Theorie des Marxismus, Jg. 8, H. 6. Mitte Juni 1925, p. 388.

Содержит текст письма И-та М. и Э. в редакцию журнала, относительно приписываемой ему рецензии на книгу К. А. Wittvogel'я, см. № 162.

166. Népszava, Budapest, № 241, 25 Oktober 1925, p. 9—10.

Накануне процесса Ракоши газета «Népszava» (центральный орган социал-демократической партии Венгрии) публикует находящееся во владении И-та М. и Э. письмо от 20 октября 1849 года, Р. Кобденса к Алекс. Баху, министру внутренних дел австрийского контрреволюционного правительства, где Кобденс усиленно протестует против кровавого правительства Гайнау и массовой казни вождей революции.

167. Wochenbericht der Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande, № 2, (29), 14 Dezember 1925, p. 9.

— Aussteilung des Marx-Engels-Instituts. (Выставка И-та М. и Э.).

168. Die Rote Fahne, Berlin, 10. April 1926.

— Ausstellung über die Geschichte der Pariser Kommune in Moskau. (Выставка по истории Парижской коммуны в Москве).

169. Ungarische Jahrbücher, Berlin & Leipzig, hrsg. v. R. Gragger, Bd. VI, H. 1-2, Mai 1926, p. 161—169.

Выражается благодарность директору И-та Д. Рязанову за присланную литературу на угро-финских и тюрко-татарских языках.

170. Die Neue Rundschau, Berlin u. Leipzig, Jg. 37, H. 9. September 1926, p. 225—241.

Robert Wilbrandt, Zur Krise des Sozialismus («К кризису социализма»).

Автор, несомненно намекая на издания И-та М. и Э., — видит между прочим признак кризиса социализма в том, что «марксистская филология идет по следам филологии Бте» и что «в Архивах, изданиях Маркса, и марксистских журналах идет преклонение перед марксизмом».

171. Neue Freie Presse, Wien № v. 4. September 1926.

Robert Wilbrandt, Schwerste Enttäuschung durch den Sozialismus. Die Stimme Prof. Robert Wilbrandts über die Krise des Marxismus.

172. Leipziger Volkszeitung, Lpzg. 23. December 1926.

e, Eine Geschichte der deutschen Sozialdemokratie.

В статье, посвященной разбору книги R. Lipinski «Die Sozialdemokratie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart», автор говорит следующее; «... И-тут Маркса в Москве проделал такие обширные подготовительные работы, что было бы уже желательно слить все это воедино».

Ответственный редактор: Д. РЯЗАНОВ.

Редакционная коллегия: А. ДЕБОРИН. Н. КАРЕВ. Д. РЯЗАНОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

КНИГА ПЕРВАЯ

От редакции. I. Статьи и исследования. Д. Рязанов.— Военное дело и марксизм. А. Деборин.— Новый поход против марксизма. Г. Штейн.— Карл Маркс и мозельские крестьяне. II. Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс.— К. Маркс о Капитале. С пред. Д. Рязанова. К. Маркс.— Борьба якобинцев с жирондистами. С пред. Д. Рязанова. III. Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс — к Франкелю и Варлену. Ф. Энгельс — к Лампло. Два письма Энгельса к болгарам. Сообщение Г. Бакалова. IV. Из истории марксизма в России. Г. Плеханов. — Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. Письма к Геду. Анкета. Б. Николаевский.— Ленин в Берлине в 1895 г. Е. Гурвич.—Из воспоминаний. Мой перевод „Капитала". V. Критика и рецензии. VI. Сообщения кабинетов Института. Fichteana в кабинете философии. Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). Собрание рукописей относящихся к Парижской Коммуне 1871 г.

Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ.

I. Статьи и исследования. А. Деборин.— Наши разногласия. Г. Бакалов.— Русские друзья Христо Ботева. II. Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс.— „Бакунин: Государственность и анархия". С предисловием Д. Рязанова. III. Письма и документы. П. Лафарг.—Письма к Николаю —ону. С предисловием И. Луппола. М. Бакунин.— Письма к А. Руге. С предисловием Ю. Стеклова. IV. Критика и рецензии. IV. Сообщения кабинетов Института. Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). Сочинения А. Клоотса в кабинете истории Франции. Сочинения Р. Оуэна в кабинете истории социализма.

Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I. Статьи и исследования. А. Деборин.— Спинозизм и марксизм. Д. Рязанов.—Маркс и Энгельс о браке и семье. II. Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс.— Письма об Индии. С предисл. Д. Рязанова. И. Гумбель.—О математических рукописях К. Маркса (сообщение). III. Письма и документы. Б. Николаевский.— К истории петербургской социал-демократической партии „стариков". Прокламация по поводу волнений на Семянниковском заводе 23 декабря 1894 г. (сообщение). А. Воден.—На заре легального марксизма. М. Бакунин.—Письма к графине Салиас. С предисл. Ю. Стеклова. IV. Критика и рецензии. V. Сообщения кабинетов.

Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ

(Предполагаемое содержание)

I. Д. Б. Рязанов. Доклад о деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса, к 10-летию Окт. Революции. — К. Шмюкле. Первый том полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма к П. Л. Лаврову, с предисл. Д. Б. Рязанова. — К. Маркс. Фрагменты о Фейербахе. III. Г. Плеханов. Два слова читателям-рабочим. — М. Ковалевский. О книге Бельтова. — Г. Бакалов. Плеханов в Болгарии. — Б. Николаевский. О письмах В. Засулич к Плеханову. IV. М. Бакунин. Письма к Коссиловскому, с предисл. и примечаниями Ю. Стеклова. — Х. Раппопорт. Воспоминания о Ф. Энгельсе. V. Библиография. Из работ Института К. Маркса и К. Энгельса.

100

1 р. 50 к.—Р.